

**К ИСТОРИЧЕСКОЙ
ТОПОГРАФИИ
ДРЕВНЕГО
И СРЕДНЕВЕКОВОГО
САМАРКАНДА**

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

К ИСТОРИЧЕСКОЙ
ТОПОГРАФИИ
ДРЕВНЕГО
И СРЕДНЕВЕКОВОГО
САМАРКАНДА

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР

1981

В монографии на примере одного из древних поселений на месте современного Самарканда освещается период, предшествующий становлению города. Рассматривается динамика развития отдельных участков города в древности и средневековье. Подробно характеризуется структура средневекового квартала гончаров.

Для историков, археологов, студентов гуманитарных вузов и всех интересующихся древней историей Средней Азии.

Ответственный редактор кандидат исторических наук
Ю. Ф. Буряков

Рецензенты кандидаты исторических наук
Э. В. Ртвеладзе и Т. С. Ерназарова

К $\frac{10602-1431}{М 355(04)-80}$ —109—800507000000

©Издательство «Фан» Узбекской ССР, 1981 г.

ВВЕДЕНИЕ

Двадцать лет назад была организована Афрасиабская археологическая экспедиция Института истории и археологии АН УзССР. К началу ее деятельности об Афрасиабе было известно многое: масса разнообразного и разновременного материала, результаты широких по размаху полевых исследований, зачисток, наблюдений, стройная периодизация городища. Тем не менее необходимость постановки больших стационарных работ ощущалась остро и была задумана В. А. Шишкиным, начавшим подготовку к экспедиции задолго до ее организации.

Заново пересматривался весь археологический материал, вся хранящаяся в архивах документация разного рода работ на городище и поступлений в музей.

С 1957 г. В. А. Шишкин систематически обследовал всю площадь Афрасиаба, сопоставляя современное состояние рельефа с топографической картой 1885 г. При этом отмечались некоторые несоответствия высотных отметок на карте истинному рельефу, изменения рельефа (появление новых ям, глубоких окопов); обилие свалок, «полей орошения», пашен. Выяснилась необходимость в таких уточнениях, как перемещение надписи на карте 1885 г., сделанной рукой А. И. Тереножкина, — «здание с алебастровыми панелями» — на бугор к западу от отметки 16.18. В связи с этим требовалась серьезная работа по корректированию и «освежению» плана при постоянном участии топографа¹.

Предполагалось исследовать не только городище Афрасиаб, но и весь Самаркандский Согд, включая, естественно, территорию современного города. При этом нужно было изучить все периоды деятельности человека.

Осмотр мест случайных находок кремневых орудий в прошлые годы навел на мысль о целесообразности проведения работ в парке Комсомольское озеро. Поэтому в состав экспедиции был приглашен Д. Н. Лев, вместе с которым В. А. Шишкин еще раз обследовал берега озера в поисках раскопок Харламова 1937 г. и

¹ Шишкин В. А. Дневник 1957 г., тетрадь 59, с. 54; тетрадь 60, с. 98, 137.

Шумова 1938 г. и выбора места для новых². Осенью 1958 г. Д. Н. Лев заложил шурф на берегу озера, впоследствии давший хорошо известный специалистам кремневый инвентарь. В верхних же слоях шурфа попадалась глазурованная посуда, найдена медная саманидская монета.

Большое внимание было уделено вопросам водоснабжения древнего города и его зависимости от водной артерии Даргом. Проверялись догадки и предположения Г. В. Григорьева, изложенные в рукописи «Древнейшая система орошения городищ типа Тали-Барзу»³.

В том же 1957 году В. А. Шишкин, кроме русла Даргома, просмотрел обрывистые берега русел саев и оврагов. Огромные, иногда почти вертикальные обрывы этих каньонов имеют довольно разнообразное строение. Местами это однородная масса лесса с редкими, в основном внизу, прослойками песка и гравия. В районе пешеходного мостика возле Джин-Кишлака виден исключительно мощный слой гравия под толщей лесса по правому берегу Даргома. В оврагах (по правому же берегу) прослеживаются многочисленные разной мощности прослойки лесса, перемешанного с песком, песка с гравием. Та же картина наблюдается и на берегах Илан-Сая.

«Ясно, что весь этот материал принесен водой с Каратюбинских гор силами, блуждающими потоками, а позднее — саями, которые до образования каньона Даргома не были такими глубокими, так как горизонт эрозии находился выше. Во всяком случае, работой Даргома объяснить здесь ничего нельзя. Кажется даже, что Даргом при его многоводности и быстром течении не мог отлагать сколько-нибудь значительных наносов. Он углубляет и размывает свое ложе и на просмотренном участке нет такого места, где можно было бы говорить об аккумуляции приносимого водой материала. Русло Даргома не только углублялось, но и отклонялось в стороны, о чем свидетельствуют ясно заметные террасы, числом (как правильно отметил Г. В. Григорьев) не менее четырех. Проблеме Даргома следует решать широким обследованием»⁴.

В области наметились и начали осуществляться возможно более широкие рекогносцировочные и раскопочные работы. В 1956—1957 гг. Отдел археологии провел раскопки на Кафир-Кале и на сельской усадьбе близ этой крепости и финансировал работы на городище Кулдортепа. Были организованы выезды на памятники Самаркандской области (от Каттакургана до Ургутских гор) со сбором подъемного материала и глазомерной съемкой планов тепа и городищ; наметились будущие объекты раскопок⁵.

² Там же, тетрадь 60, с. 156.

³ Республиканский музей истории, культуры и искусства народов Узбекистана, архив № 324-III.

⁴ Шишкин В. А. Дневник 1957—1958 гг., тетрадь 60, с. 99—102.

⁵ Там же, тетрадь 60, с. 133—136.

О. В. Обельченко начал изучение курганных погребений в разных районах Самаркандского Согда⁶. На территории города обследовались котлованы под строящиеся здания (к востоку от тимуровской цитадели, застройка в местности Баги-Шамаль, где обнаружены следы одноименного дворца Тимура), многочисленные отдельные мазары и кладбища, где фиксировались надгробные плиты и кайраки.

Сотрудники экспедиции участвовали в обследовании территории Шахи-Зинда, где изучалась стратиграфия и топография древнего Самарканда, антропологические материалы и эпиграфика.

Перед экспедицией, начавшей систематическое изучение городища весной 1958 г., стоял ряд проблем, наиболее важными из которых представляются: 1) пути формирования города; 2) уточнение времени его возникновения; 3) водоснабжение; 4) история городской фортификации; 5) стратиграфия; 6) изучение городских кварталов и 7) округа города (для выявления характера связи сельской округи с городом).

Полевые работы предполагали как можно более широкое и полное изучение любого объекта с обязательным обследованием культурных слоев до материкового слоя.

В 1967 г. по инициативе Я. Г. Гулямова (руководитель экспедиции с 1967 г.) самаркандские топографы сняли новый топографический план городища⁷. С этого же года полевые работы проводились в 40-метровых квадратах, включенных в 200-метровую квадратную сетку, перекрывающую все городище, разбитую топографами с фиксацией углов квадратов бетонными столбами. Такая сетка позволяла точно привязывать объект к плану городища.

С 1972 г. Афрасиабской экспедицией руководил Ш. С. Ташходжаев (по 1977 г.). Работы сосредоточились на крупных объектах: средневековый квартал, цитадель, соборная мечеть.

Материал, собранный за двадцать лет работы Афрасиабской археологической экспедиции, создал базу для конкретного и разностороннего освещения жизни средневекового столичного города, позволил представить многие стороны жизни города в новом аспекте. Топография участков древнейших стен, распределяемых по всему периметру городища, обосновывает тезис о единовременной организации города на всей территории городища. Увеличивающаяся коллекция керамики раннего периода жизни города (Афрасиаб I) позволяет проанализировать формы их развития, выделить переходные комплексы и подтвердить дату образования города VI—V вв. до н. э.

Принципиальное значение для понимания процесса урбанизации в Согде может иметь открытое при закладке котлована на

⁶ Обельченко О. В. Курганы в окрестностях Самарканда. — В сб.: Афрасиаб. вып. II. Ташкент, 1973.

⁷ План, однако, грешил многими недостатками, вплоть до неверных высотных отметок, искажения абриса городища, отсутствия некоторых, четко выраженных следов эрозии почвы.

бульваре им. М. Горького поселение ремесленного облика (Лолазор) и разветвленная сеть каналов.

При обследовании западных районов городища в 1967—1970 гг. получен материал, позволивший выделить два поздних этапа в керамическом комплексе периода Афраснаб I, до сих пор не расчленявшемся.

Изучение квартала, расположенного между так называемой двойной стеной и третьим обводом крепостных стен, началось с рекогносцировки В. Л. Вяткина, установившего здесь гончарный промысел. В настоящей работе освещаются итоги исследования обширного квартала гончаров, проведенного до 1970 г. Сейчас работы на этом объекте продолжаются. В результате раскопок квартала керамистов, перекрывшего раннесредневековые сооружения, получен обширный материал для понимания уровня организации городского ремесла.

Обследование западной окраины городища помогло выявить картину постепенной смены характера застройки этой части средневекового города. Кварталы горожан среднего социального уровня уступают место (к XII в.) каркасным постройкам жителей более низкой социальной ступени.

Предлагаемая книга составлена сотрудниками отдела средневековой археологии Института археологии АН УзССР. Раздел первый написан Э. Ю. Буряковой, второй — С. К. Кабановым, третий — Ш. Ш. Шарахимовым, четвертый — Г. В. Шишкиной, часть раздела, касающаяся раскопа в квадрате 25/XI, У. Алимовым; пятый — Н. И. Крашенинниковой (кафедра археологии ТашГУ) и Ш. Р. Пидаевым.

ПОСЕЛЕНИЕ ЛОЛАЗОР — ПРЕДШЕСТВЕННИК ГОРОДА НА АФРАСИАБЕ

Самарканд — крупный торгово-ремесленный и политический центр Средней Азии — на разных этапах истории занимал значительную площадь. По сведениям античных авторов, в начале IV в. до н. э. город был окружен стеной размером в 70 стадий¹, т. е. более 10 км. Проезжавший через Среднюю Азию тысячелетие спустя, в начале VII в. н. э., Сюанцзян застал город со стеной в 20 ли, что составляет 7—10,5 км². Средневековые восточные географы, описывающие Самарканд IX—X вв., указывают размер его с торгово-ремесленными предместьями в пределах стен размером фарсах на фарсах³, т. е. не менее 36 км². Даже при определенном преувеличении площадь города была значительной. Если учесть, что максимальный размер шахристана и цитадели едва превышал 200 га, основная территория относится к его пригородам. Какова динамика развития этих территорий, какую роль они сыграли в жизни города на различных этапах? Ответить на эти вопросы мы можем лишь после тщательного изучения этих районов.

Исследование отдельных площадей этих районов, проведенное автором в основном в связи с перепланировкой современного Самарканда, дает интересные материалы, позволяющие по-новому подойти к решению ряда вопросов истории города в целом. В результате изучения Регистана установлено формирование здесь поселения с античной эпохи на базе искусственных водных источников⁴,

¹ Пьянков И. В. Древний Самарканд в известиях античных авторов. Душанбе, 1972, с. 12—13.

² Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Д. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с. 6.

³ Вокруг Афрасиаба сохранились остатки стены Девори Кыёмат, размеры которой примерно соответствуют данным средневековых географов. В южной части Самарканда в пределах последней упоминается «стена поперечник» кундаланг. К сожалению, в настоящее время эта стена полностью разрушена и проследить ее направление невозможно. Однако само название ее говорит, что она ограничивает лишь часть территории, окруженной Девори Кыёмат.

⁴ Бурякова Э. Ю., Буряков Ю. Ф. Новые археологические материалы к стратиграфии средневекового Самарканда (по раскопкам площади Регистан в 1969—1971 гг.). — В сб.: Афрасиаб, вып. II, с. 215—217.

а анализ различных участков Девори Кыёмат показал разновременность этой стены на разных участках⁵.

Наиболее интенсивно осваивались площади в пределах этой стены к югу от Афрасиаба, что должно было предполагать наличие здесь развитой ирригационной системы. Это предположение подтвердилось. Кроме того, систематические раскопки и наблюдения на этой территории показали, что она интенсивно обживалась с древнейших этапов формирования Самарканда как городского пункта, т. е. с середины I тысячелетия до н. э. Этот период связан с формированием ранних государственных образований Средней Азии⁶, становлением первых городских центров, развитием городской культуры. Следует, однако, отметить, что данный раздел истории — один из наименее изученных из-за почти полного отсутствия материала. Тем больший интерес представило открытие интересного и значительного по объему комплекса с архаическими и античными признаками вне Афрасиаба на территории рабада в пределах центра современного Самарканда между проспектом М. Горького и ул. Агалькской, на окраине бывшего селения Лолазор.

В 1976 г. здесь начались раскопки, охватившие прямоугольную площадь (120×90 м), замыкающую с запада бульвар им. М. Горького⁷. Обследованная площадь интенсивно использовалась под различные ирригационные сооружения, крупные каналы, их ответвления и, вероятно, отстойники для очистки воды, функционировавшие в различные периоды жизни Самарканда — от эпохи архаики до позднего феодализма.

В 1978 г. к западу от котлована заложили стратиграфическую траншею длиной 25 м (раскоп 2) для определения направлений каналов и изучения характера наслоений на их берегах. Наиболее полно изучен канал № 1, входивший в древнейшую ирригационную систему. Он пересекает котлован с юга на север и уходит в сторону Афрасиаба. Ширина русла 3—4,2 м, глубина на различных участках 0,8—1,2 м (рис. 1, II). Дно ложа находится на глубине 4,5 м от дневной поверхности. Канал функционировал длительное время, поэтому стенки и дно приобрели характерный болотный цвет. Углубления в донной части канала заполнены мелким серым песком с незначительным включением различных находок. Однако основное ложе занесено мощными слоями крупнозернистого песка буроватого цвета, интенсивно заполненного культурными отложениями, включающими каменные и металлические предметы, но преимущественно керамику. Керамика почти не окатана, что дает

⁵ Бурякова Э. Ю. Археологические раскопки и наблюдения в рабаде Самарканда IX—X вв. — ИМКУ, вып. 13, 1977, с. 121—127.

⁶ Дьяконов М. М. Сложение классового общества в Северной Бактрии. — СА. XIX, 1954; Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы. — МИА, 1959, № 73.

⁷ Работы связаны со строительством комплекса узбекского драматического театра. В раскопках, кроме автора, принимали участие лаборанты Б. Абишева и Е. Усова, палеозоолог А. Батыров.

основание говорить о ее неперемещенности. Культурные наслоения на берегу вдоль канала почти нигде не сохранились. Лишь на не-

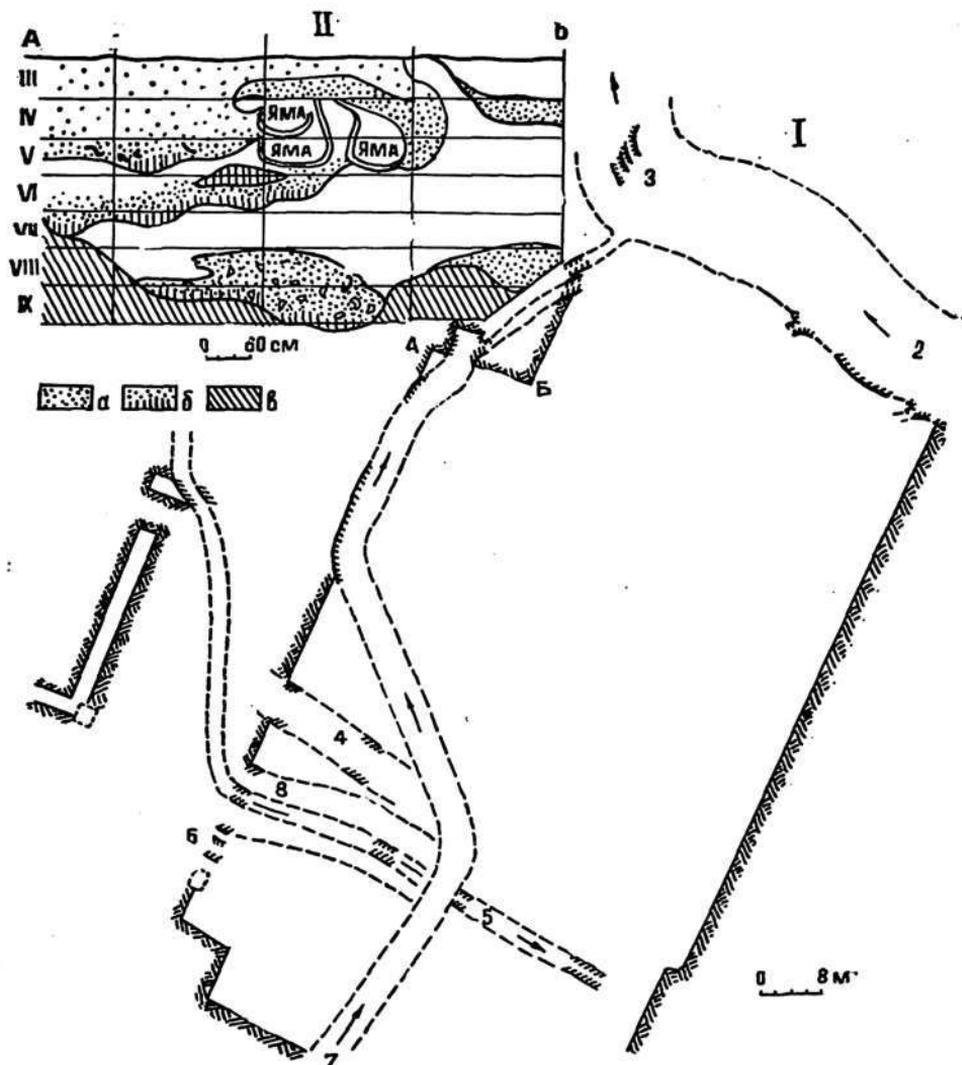

Рис. 1. План котлована и пересекающих его каналов Лолазорского поселения: (I) и разрез канала № 1 и наслоений над ним в северо-западном углу котлована (II):

а—мелкий песок, б—крупный песок с илистыми отложениями и керамикой; в—лесс; 1—8—номера русел.

значительном участке юго-восточней русла раскрыт культурный горизонт, в котором найден фрагмент кубка, покрытого густым слоем красного ангоба.

Севернее расчищены участки русла более крупного канала или естественного протока (канал № 2—3). Сначала он проходит с юго-востока на северо-запад, затем поворачивает на север. Ширина его 12 м; глубина отложений до 1 м. Русло заполнено довольно крупным песком сероватого и ржаво-бурого цвета. Берега его меандрируют, что более характерно для естественного русла, чем для канала. Об этом же свидетельствует и заполнение ложа довольно крупным песком сероватого и ржаво-бурого цвета. Однако среди отложений много материала, подтверждающего активное освоение берегов. Возможно, естественное русло⁸ частично выровнилось, и его превратили в искусственное ирригационное сооружение.

Материалы его заполнения для раннего этапа синхронны каналу № 1, но в перекрытиях его встречено более позднее русло, находки из которого относятся к раннему средневековью. Расчищено несколько мелких отводов, однако направление их детально не прослежено.

Более четко фиксируются отводы канала № 1. К сожалению, данная часть площади была вскрыта механизмами до раскопок, поэтому мы не смогли проследить сочленения каналов. Лишь на небольших сохранившихся участках удалось измерить размеры русел.

Канал 4 — шириной около 6 м и глубиной до 1 м — отходит на северо-запад, а затем, вероятно, поворачивает на север, так как в раскопе № 2 выход его не зафиксирован. Наслоения представлены довольно крупным песком ржавого и красноватого цвета. Среди керамических материалов в отложениях этого канала есть предметы, близкие керамике из русла 1 и более поздние типа Афрасиаб III. Вместе с ними здесь найдено два бронзовых трехлопастных втульчатых наконечника стрел.

Южнее расчищены русла каналов № 6 и 8. Ширина канала № 8 10 м, № 6 — 3 м, но рядом с ним открыт небольшой прямоугольный отвод отстойника. Русла этих каналов заполнены мелким песком, свидетельствующим об очень медленном течении воды. Керамический материал этих русел частично синхронен каналу № 1, хотя в них встречен более поздний комплекс.

В канал № 8 врезан более поздний канал (№ 5), узкого профиля, русло которого проходило с юго-востока на северо-запад и перерезало канал № 1. Местами ширина его достигает 3 м. Канал заполнен песчаными и илистыми отложениями, в которых встречена глазурованная и неполированная средневековая керамика.

Таким образом, наиболее древними являются русла каналов № 1, 2, 4, 6 и примыкающий к № 6 отстойник. В их руслах найден интересный комплекс, позволяющий пополнить материалы древ-

⁸ Есть, однако, основание считать и это русло ложем искусственного канала. — Г. Ш.

нейших этапов Самарканда. Преобладающую группу находок из каналов представляет керамика, разнообразная в смысле форм и характерная для хронологических рамок жизни канала и территории вдоль него.

Основная часть ее сформована на гончарном круге быстрого или медленного вращения, причем на технику формовки влияли в основном форма и размеры сосудов. Мелкие сосуды изготавливали на круге быстрого вращения, о чем можно судить по равномерной толщине стенки иногда довольно тонкого черепка, по гладкости стенок со спиралевидными царапинами на доньшке. Крупные в большинстве случаев изготавливались также на круге, но, видимо, более медленного вращения, на что указывает ребристость стенок. Цвет черепка в изломе красный различных оттенков — от корич-

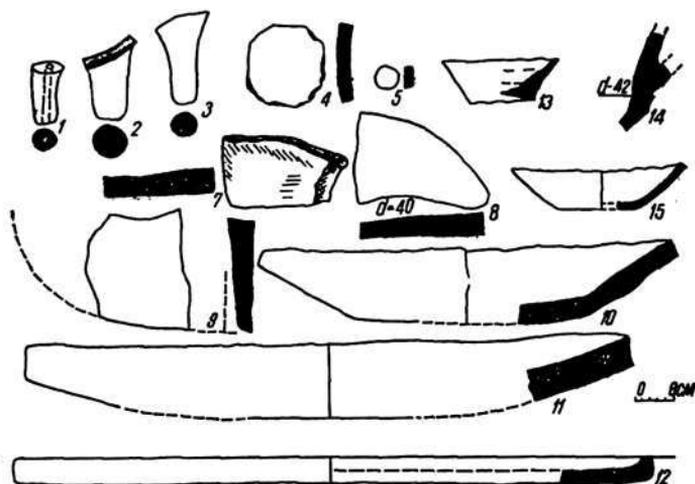

Рис. 2. Керамика с поселения Лолазор.

негато-красного до красновато-оранжевого. У крупных сосудов черепок в изломе красноватый, неяркий, у мелких — красновато-кирпичный или песочно-желтоватый. Керамика ремесленного производства отличается хорошим качеством отмученной и тщательно промешанной глины. В качестве отощителя употреблялись песок и измельченный до состояния порошка или мелких крупинок гипс; встречались и такие сосуды, для которых глина готовилась со сгораемой примесью, оставляющей после обжига пустоты. В глину для некоторых типов керамики в качестве отощителя добавляли шамот и дробленый сланец.

Ремесленная керамика в массе тонкостенна. Даже у таких крупных сосудов, как хумы высотой более 1 м, толщина стенок обычно не превышала 1,5 см и лишь в местах соединения отдельно формовавшихся частей корпуса при переходе стенок к донной части достигала 2 см. Наблюдается присущая раннеархаической по-

суде ребристость, но в общей массе гладкостенных сосудов много больше, чем изделий с ребристой поверхностью.

В технических приемах формовки можно отметить черты, характерные для керамических форм, найденных во всех каналах. Крупные сосуды состояли из нескольких частей, причем если основные части изготавливались на гончарном круге, то нижняя часть лепилась в форме (рис. 2, 10, 11, 12). В форму подсыпали песок или траву. Донную часть формовали так, что следы примесей четко выднелись на внешней стороне стенки. Затем на нее ставили сформованный ранее и подсушенный цилиндр стенок и обе сформованные отдельно части скрепляли, причем в месте соединения между стенками иногда образовывалась щель или утолщенное ребро, которое затем подрезали ножом. Этот прием характерен для довольно широкой территории Согда, Бактрии, Хорезма и Маргианы архаического периода и объясняется примерно одинаковым уровнем керамического производства⁹.

Отличительной особенностью нашей керамики является то, что среди обильного керамического материала почти нет керамики с ангобом; большинство сосудов открытых форм имеют в верхней части внутренней стороны характерное западающее углубление, которое как бы подчеркивает переход устья в стенку сосуда. Аналогичный прием мы находим в керамике Кучуктепа¹⁰, характерно преобладание в керамике крупных форм.

Меньшая часть керамики сформована от руки, иногда с использованием для изготовления отдельных частей сосуда формы.

По способу употребления, технике изготовления и формам можно выделить несколько групп керамики.

1. Посуда, изготовленная на гончарном круге. Сосуды-хранилища, хумы и хумчи — одна из самых распространенных форм комплекса. Это крупные цилиндрические сосуды с широким устьем, легким перегибом стенки вверху и внизу и резким перегибом придонной части, обточенной или подправленной ножом, переходящей в округлое дно. Корпус может быть ребристым (рис. 3, 1, 2, 4, 5) или гладким (рис. 4, 9, 10 и др.), но в основном с четко выделенным переходом ко дну и различной профилировки венчиком (рис. 4, 1—8, 11—12). Диаметр устья 21—64 см. Венчик преимущественно отогнут наружу и утолщен к закраине в виде округлого валика с горизонтальной или скошенной площадкой по бережку (рис. 3, 2, 6) или манжетовидного уплощения (рис. 4, 1, 6, 8, 9, 10). Иногда он подтреугольной формы с расширяющимся к устью бережком. Аналогично некоторым из них, в первую очередь сосудам с уплощенным манжетовидным венчиком, мы находим в материалах слоя Афрасиаб I в Самарканде¹¹, памятниках Северной Бакт-

⁹ Воробьева М. Г. Некоторые вопросы техники изготовления сосудов.— Труды ХАЭЭ, т. IV. М., 1959, с. 170—179.

¹⁰ Зеймаль Т. И. Древнеземледельческие поселения Болдай-тепе. Материальная культура Таджикистана, вып. 2. Душанбе, 1971, с. 86.

¹¹ Немцева Н. Б. Стратиграфия южной окраины Афраснаба.— В сб.: Афрасиаб, вып. 1. Ташкент, 1969, с. 159, рис. 3, 3.

рии — Джандавлаттепа¹², Бандыхан III¹³, Талашкантепа¹⁴, в Дингильдже и Кюзели-Гыр Хорезма¹⁵. Валикообразные венчики аналогичны Яз-депе II в Южной Туркмении¹⁶.

Переходной формой между хумами и горшками являются горшкообразные сосуды с ярко выраженной горловиной, зауженной по сравнению со слегка округлым туловом и утолщенным профилированным венчиком, завершающимся уплощенной закраиной

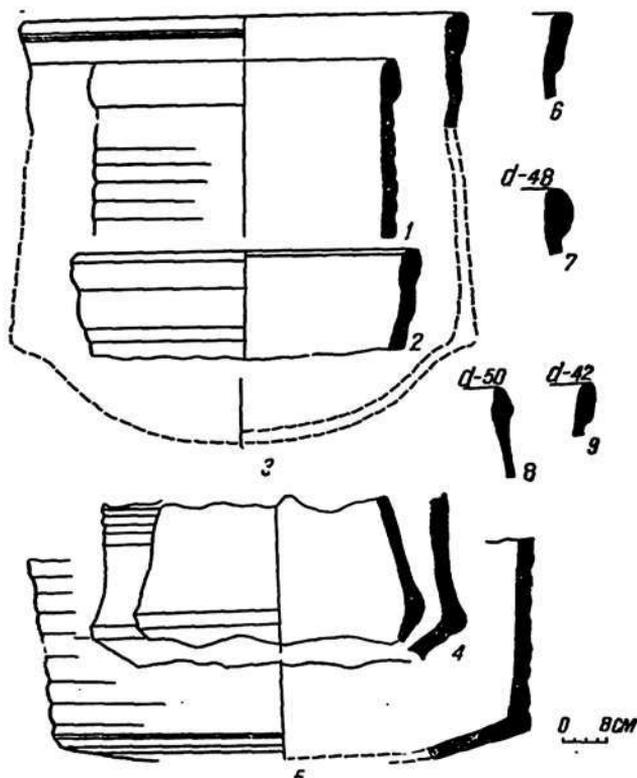

Рис. 3. Лолазор, хумы.

(рис. 5, 1, 2) или чуть отогнутой наружу горловиной (рис. 5, 3). Диаметр устья этих сосудов варьирует от 12 до 50 см. Верхняя

¹² Пидаев Ш. Р. Открытие нового памятника середины I тысячелетия до н. э. — ОНУ, 1973, № 11, с. 77—82, рис. 2.

¹³ Ртвеладзе Э. В. Новые древнебактрийские памятники на юге Узбекистана. Бактрийские древности, предварит. сообщ. Л., 1976, с. 99, рис. 4, 5, 7.

¹⁴ Запаров Ш. Х., Ртвеладзе Э. В. Раскопки древнебактрийского поселения Талашкан-тепе I. Бактрийские древности, предварит. сообщ. Л., 1976, рис. 2.

¹⁵ Воробьева М. Г. Дингильдже, усадьба I тысячелетия до н. э. в древнем Хорезме, с. 121, рис. 33, 1, 367. Аналогичные формы хумчей. Там же, рис. 34, 7, 8, 9.

¹⁶ Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы, с. 204, табл. XXXVII, 15, Хумчи—табл. XXXVIII, 8.

часть тулова некоторых из них ребристая (рис. 5, 4). Фрагмент такого сосуда найден в верхних слоях канала, что позволяет отнести этот экземпляр к позднему из отмеченных здесь этапов. Однако сосуды аналогичной формы встречаются на Афрасиабе¹⁷, вообще эта форма известна с более древних времен, с периода Яз-депе I¹⁸.

Горшки. Очень близки к горшкообразным сосудам, но меньших размеров горшки и горшочки. Они округлой формы, с зауженной

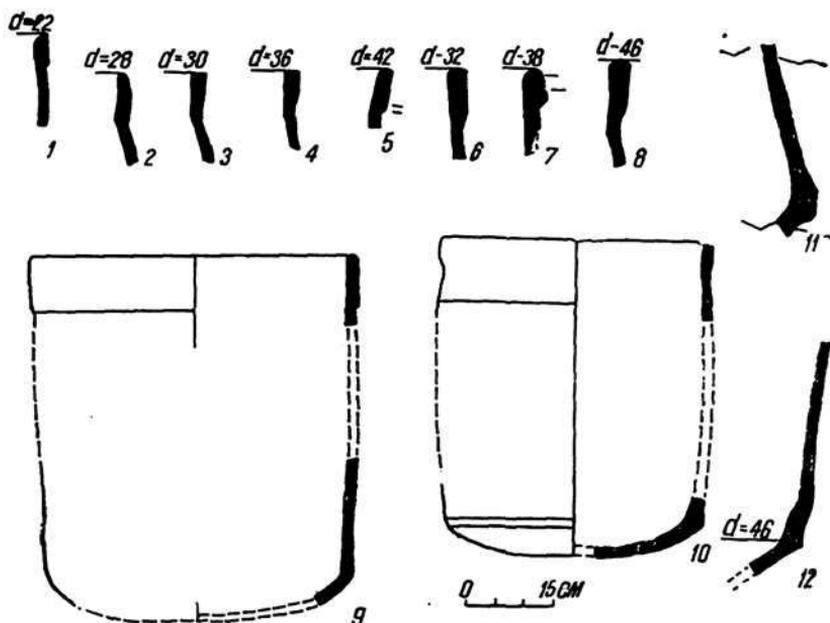

Рис. 4. Лолазор, хумчи.

шейкой, заканчивающейся чуть отогнутым наружу или спрямленным венчиком (рис. 6, 9, 18, 19). Округлое тулово переходит к округлому дну, в месте скрепления донной части со стенкой сосуда отмечаются утолщения, иногда с небольшими пустотами в местах скрепления. Иногда в месте перехода к донной части намечается небольшое ребро, не получившее четкого выражения. По форме округлости тулова, выступающим наружу венчикам горшкообразные сосуды находят аналогию в Кюзели-Гыр¹⁹, Яз-депе I²⁰.

Тагора. К открытым крупным формам относятся тазообразные сосуды. От них сохранились в основном верхние половины с диаметром устья 80—94 см, вертикально поставленной стенкой, кото-

¹⁷ Филанович М. И. К характеристике древнейшего поселения на Афрасиабе. — Сб.: Афрасиаб, вып. 1, с. 211, рис. 2; Немцева Н. Б. Указ. соч., рис. 4, 23, 24, 28.

¹⁸ Массон В. М. Указ. соч., табл. XXIV, 1; табл. XXV.

¹⁹ Воробьева М. Г. Указ. соч., с. 70, рис. 2, 12.

²⁰ Массон В. М. Указ. соч., с. 197, табл. XXIX, 2, 10.

рая на высоте 10—15 см перегибается к скошенной донной части (рис. 7, 3, 4, 7, 9). Толщина стенок 1,5—2 см, венчик подтреугольной формы широкой стороной к закраине, сильно выдвинутой наружу. Аналогичный перегиб прослежен на сосудах Афрасиаба²¹, сформованных на гончарном круге медленного вращения. В тесто включены крупные частицы кварца. Прослеживается интересная эволюция форм открытых сосудов большого диаметра (до 94 см). На первом этапе это формы почти с вертикально направленными стенками, подтреугольным венчиком широкой площадкой выходящей наружу (рис. 7, 1, 5); затем образуется перегиб между венчиком и донной частью (рис. 7, 6). Венчик остается подтреугольным, с внутренней стороны сохраняет вертикальное направление стенки до скошенного перехода к придонной части. Кроме того, отмечен тип тазов и мисок с бортиком, отогнутым почти под прямым углом наружу (рис. 7, 10—13). Подкошенность донной части более значительна, иногда ребро придонной части подрезано ножом (рис. 7, 3, 5) и выделено горизонтальной бороздкой. Диаметр устья 28—50, высота 10—24 см. Таким образом, тазы и миски постепенно эволюционируют за счет перемещения наибольшего диаметра в верхнюю часть. Это наблюдается и по дингильджинским²² сосудам и по комплексу Яз-депе II—III²³. Аналогии данные тазы, миски и их переходные формы находят и в материалах Кюзели-Гыр²⁴. Возможно, что начало они берут в более ранний период Яз-депе I.

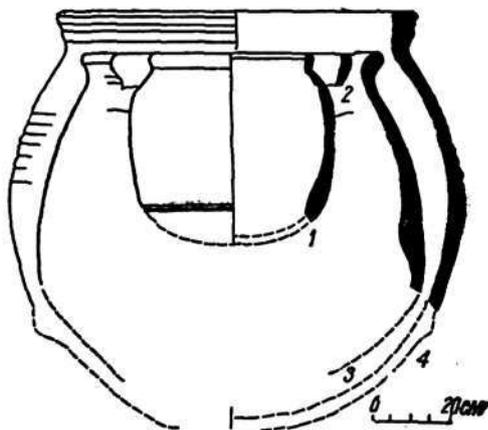

Рис. 5. Лолазэр, горшкообразные сосуды.

Кубковидные сосуды также имеют несколько вариантов — от кубков с прямым венчиком и скругленным переходом ко дну (рис. 6, 2, 4, 5, 7), встречающихся в Тахирбае 3, Яз-депе II, до резко отличающихся от них так называемых кубков и кружек без ручек, плоскодонных сосудов с сильно расходящимися к устью стенками (рис. 6, 8, 10, 11).

Кубковидные сосуды цилиндрической формы с перегибом в нижней трети находят аналогию с материалами Уйгарака VII—

²¹ Немцева Н. Б. Указ. соч., рис. 3, 10; рис. 4, 45, 47.

²² Воробьева М. Г. Дингильдже, с. 123, рис. 34, 35, 36.

²³ Массон В. М. Указ. соч., табл. XXXVIII, 5; табл. XXXIX, 25; рис. 1, 4, XLII, рис. 5.

²⁴ Воробьева М. Г. Указ. соч., рис. 2, 33, 34; рис. 4, 5, 6—8.

V вв. до н. э.²⁵, Талашкан-тепе²⁶, Пшак-тепе²⁷, Кюзели-Гыра²⁸, Яз-депе²⁹.

Среди посуды станковой работы можно выделить нижнюю часть вазообразного сосуда, находящего аналогию на Талашкан-тепе.

II. Кухонно-хозяйственная лепная посуда. Сосуды ручной лепки изготовлены довольно грубо из теста с примесью шамота, иногда дробленного сланца. Котлы полусферической формы, приземистые, с постепенным сужением от средней части корпуса к устью и дну.

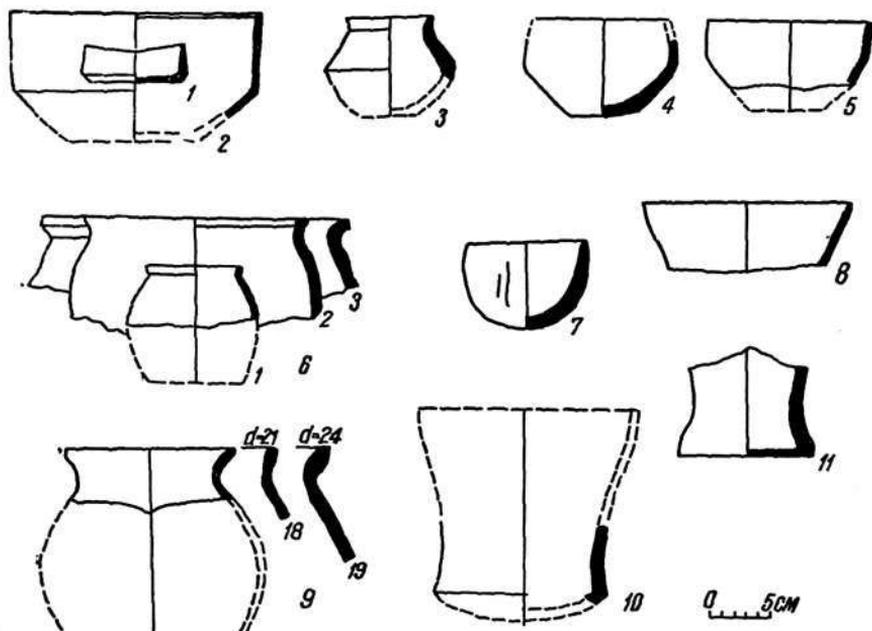

Рис. 6. Лолазор, мелкие горшкообразные сосуды и кубки.

Край скруглен или плоско срезан внутрь (рис. 8). Ручки-уступы горизонтально оттягивались от закраины или делались чуть ниже нее. Диаметр устья 28—50 см. Аналогичные сосуды найдены на Кюзели-Гыре, Дингильдже³⁰, известны они и в древнейшем керамическом комплексе Афрасиаба. В отличие от перечисленных котлы нашего комплекса при сравнительно крупных размерах имеют очень небольшую толщину стенок, меньше 1,5 см. При формовке

²⁵ Вишневская О. А. Культура низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. М., 1973, с. 78, рис. 47.

²⁶ Заппаров Х., Ртвеладзе Э. В. Раскопки древнебактрийского поселения Талашкан-тепе I, 1976.

²⁷ Дуке Х. Пшак-тепе — памятник культуры Северной Бактрии.— ОНУ, 1974, № 12.

²⁸ Дуке Х. Указ. соч., рис. 39, 13, 14, 15; Зеймаль Т. И. Древнеземледельческие поселения Болдай-тепе. М., 1971, с. 85, рис. 1, с. 90, рис. 2.

²⁹ Массон В. М. Указ. соч., табл. XXXVII; Яз-депе III, табл. XI, 10.

³⁰ Тереножкин А. И. Согд и Чач.— КСИИМК, вып. XXXIII, с. 155—156.

использовалась песчаная подсыпка, матерчатые и соломенные подстилки.

Жаровни и сковороды — грубо вылепленные сосуды диаметром до 70 см, высотой 2,5—3 см; с невысокими, в разной степени отогнутыми бортами до 1,5 см, толщина дна 1,5 (рис. 2). В составе теста много дробленного сланца, поверхность заглажена.

Таким образом, несмотря на локальные и хронологические особенности, ранние слои канала дают характерный керамический комплекс, широко известный по ряду памятников раннежелезного века большинства земледельческих областей Средней Азии (Маргиана, Хорезм, Бактрия и Согд).

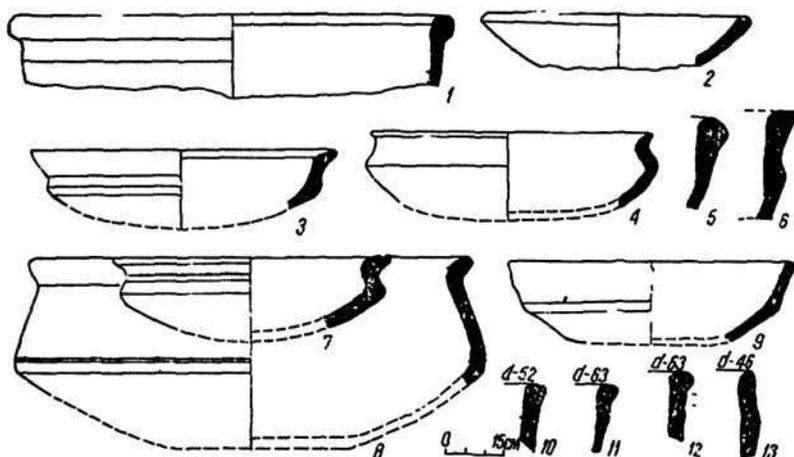

Рис. 7. Лолазор, тазообразные сосуды, миски.

Изделия из камня. Здесь в первую очередь следует отметить зернотерки и куранты с плоской рабочей поверхностью и ладьевидные, приобретшие вогнутость в процессе работы.

Многие каменные орудия предназначены для работ, связанных с разнообразной ремесленной деятельностью. К ним относится точильный камень — оселок в виде полуовальной в сечении продолговатой плитки (рис. 9, II), подквадратные лощильные камни с сильно заглаженной рабочей поверхностью. Для дробления в порошок небольших кусков минералов, красителей использовались различные песты. В большом количестве найдены орудия с сильно сработанными рабочими углублениями, они употреблялись для заточки и правки инструмента, в частности игл (рис. 9, 2, 3). Особенно много встречалось их при раскопках памятников, относящихся ко времени перехода от бронзы к железу. Многие из них продолжали существовать и в период развитой античности.

По определению геологов Самаркандского геологического управления, орудия изготовлены в основном из кремнистого сланца и лишь одно из материала вулканического происхождения. Подоб-

ный материал известен в Зирабулакских горах Самаркандской области.

Из других находок можно отметить костяной предмет — булаву. Это заостренный на конце стержень круглого сечения с удлиненной головкой, оформленной продольными углублениями; головка отделена от стержня тремя поперечными поясками. Обнаружены также кусочки бирюзы, а в канале № 6 бирюзовая бусинка, круглая в сечении с отверстием посередине.

Большую ценность представляет находка кусочков бронзолитейных шлаков и металлических орудий.

Интересны и орудия из бронзы (рис. 9, I). Бронзовые шилья и иглы представлены целыми экземплярами и обломками в виде

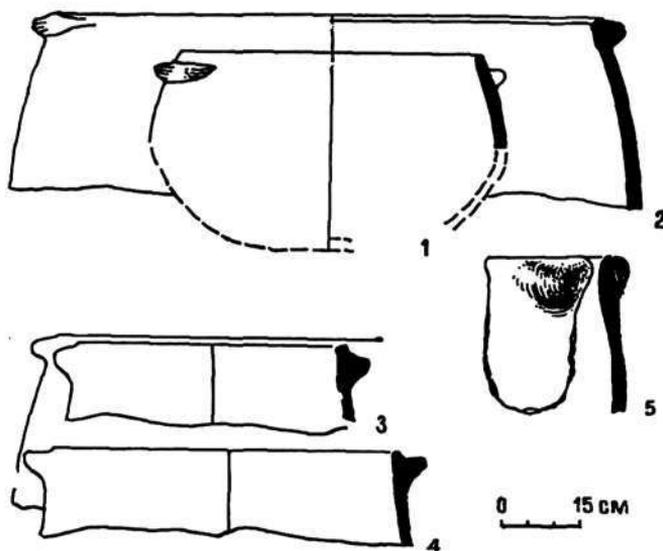

Рис. 8. Лолазор, котлы.

четырехгранных и круглых в сечении, постепенно сужающихся к заостренному концу, вверх и заканчивающихся горизонтальной плоскостью. Углы между гранями сглажены, в середине ушка круглое отверстие. Найдены также бронзовый браслет разомкнутый, уплощенной формы с затупленными краями и кольцо из круглой в сечении проволоки с утолщением в средней части. Отметим и фрагменты железных ножевидных орудий с односторонней рабочей поверхностью.

Следовательно, металлические поделки представлены и орудиями труда, и украшениями, а бронзолитейные шлаки указывают на производство металлических изделий здесь же на месте.

Таким образом, выявление к югу от Афрасиаба в долине правобережья Даргома довольно развитой системы каналов и обильный материал, находящийся аналогии в памятниках архаического и раннеантичного времени (Афрасиаб I, Яз-депе II), — керамика,

бронзовые наконечники стрел, орудия труда из камня и кости — свидетельствуют о плотной застройке этой удобной для освоения земледельцами территории с созданием искусственных ирригационных сооружений. Разнообразный материал раскрывает основные аспекты хозяйственной жизни поселения данной территории.

Наличие большого количества зернотерок и крупных сосудов

Рис. 9. Металлические предметы (I) и каменные орудия (II) с поселения Лолазор.

открытых форм говорит о том, что жители занимались обработкой зерна.

Русла каналов заполнены большим количеством костей домашних животных, в основном крупного рогатого скота; следовательно, население занималось оседлым животноводством. По материалам данного участка оказалось возможным выделить домашние промыслы и различные ремесла. К домашним занятиям можно отнести переработку сельскохозяйственной продукции и продуктов животноводства: это обработка зерновых культур, хранение и перера-

ботка зерновых культур, хранение и переработка молочной продукции, прядение и ткачество (отпечатки тканей на сосудах, заготовки керамических прясел). Однако некоторые занятия перешли в ремесла. Так, не случайно в большом количестве найдены каменные гальки с характерными углублениями (рис. 9, II). По этнографическим данным, такие камни были составной частью набора мастера — кожевенника, сапожника или портного и служили для заточки игл. Таких каменных точил обнаружено более десятка, некоторые из них употреблялись длительно и интенсивно, так как использованы с обеих сторон.

Наличие игл и их обломков свидетельствует о том, что обработка кож и тканей была ремесленной, т. е. являлась производственной отраслью жителей данного поселения.

Важной отраслью ремесла была металлургия — от окончательной очистки чернового металла до изготовления орудий труда, оружия и ювелирных изделий. Об этом свидетельствуют и бронзовый шлак, и наконечники стрел, ножи и иглы, украшения — браслет и серьга.

Несомненно, что здесь было развито и гончарство. Помимо большого количества керамики разнообразных форм, в слое найдены обломки гончарного шлака, чаши, использованные в качестве форм (рис. 2, 10, 11).

В целом изучение пригородов Самарканда показало, что материалы архаического и античного времени прослеживаются на обширной территории в пределах оборонительных стен округа города Девори Кыёмат на севере и Девори Кундалянг на юге. Это материалы VI в. до н. э. — IV в. н. э. с самого городища Афрасиаб и тепа с кушанскими слоями³¹, расположенного к югу от северной стены Девори Кыёмат и захоронения в северном участке стены³². Работы 1969 г. на площади Регистан также дают материалы III—I вв. до н. э. из каналов³³. И, наконец, очень важные материалы, найденные на раскопках южнее Афрасиаба, в районе улицы Ага-лыкской (Лолазор).

Выявленные на южной окраине Самарканда новые материалы дают возможность по-новому рассмотреть вопрос о росте города в древнейший период, и его водоснабжения³⁴.

Проведение древнейших каналов можно связать с нуждами в воде крупного города или его округа. Наличие в одном месте системы каналов, в другом спрямления крупных водных протоков, содержащих массу речного песка с разной интенсивностью запол-

³¹ Буряков Ю. Ф., Тагиев М. О Кангюе-кушанских слоях Афрасиаба. — ОНУ, 1968, № 8, с. 58—60.

³² Массон М. Е. К периодизации древней истории Самарканда. — ВДИ. 1950. 4, с. 155—156; Он же. Могила с одиночным погребением в сидячем положении в стене Девори Кыёмат в Самарканде. — ИТОРГО, т. XVII, 1924, с. 161—163.

³³ Бурякова Э. Ю., Буряков Ю. Ф. Новые данные к стратиграфии средневекового Самарканда. — В сб.: Афрасиаб, вып. II, с. 174.

³⁴ Мухамеджанов А. Р. К вопросу о водоснабжении Афрасиаба. — В сб.: Афрасиаб, вып. I, с. 294—300.

нения, свидетельствуют, во-первых, о тесной связи этих каналов с Зарафшаном и его протоком Даргомом, во-вторых, о неодинаковой степени плотности заселения различных площадей вдоль каналов. А о плотности застройки говорит процент наличия керамического материала. Так, если русла каналов на поселении Лолазор забиты керамикой, то в районе Регистана следы античного обжигания менее значительны. В-третьих, продолжительность жизни каналов и начальный этап их функционирования. Если в Лолазоре мы видим обильный материал, начиная с VI вв. до н. э., то в районе Регистана древнейший материал в основном относится к III—I вв. до н. э.

Открытие крупного ирригационного узла, относящегося по предварительным данным к VI—V вв. до н. э. и имевшего направление с юго-востока на северо-запад, позволяет нам предположить, что данный пункт входит в древнейшее ядро жизни Самарканда. С развитием ирригационной сети возникает жизнь на более удобном в стратиграфическом отношении участке — Афрасиабе.

Наблюдения показали, что уже на первом этапе жизни Самарканд обеспечивался водой не только из источников родникового происхождения³⁵, но и целой системой искусственных сооружений — каналов.

Система каналов, проходящих через Афрасиаб, прослежена в результате раскопок М. И. Филанович³⁶, Г. В. Шишкиной³⁷, Н. Б. Немцевой³⁸, М. Н. Федорова, С. К. Кабанова. Мы получили возможность проследить их направление, а аргументированная датировка материалов из каналов свидетельствует о времени их функционирования. Судя по направлению каналов, подача воды проходила с юга. Это подтвердили результаты работ инженера-ирригатора Н. Ф. Петровского, проводившихся в 1904 г. по просьбе В. В. Бартольда.

В результате нивелировки местности установлено, что для подачи воды самотеком на городище Афрасиаб из арыка Джакардиза, соответствующего современному Шахар-арыку, голова канала должна была располагаться не менее, чем в 2 км к югу от Шахристана, т. е. близ южной границы города XIX в.

Возможно, более обоснованно было бы предположить, что городской проток питался водами канала³⁹, проходившего с юга на север, через ворота Ходжи Ахрара выходившего к бульвару Горького и затем, пересекая город почти в центре, подходившего к Аф-

³⁵ Мухамеджанов А. Р. Указ. соч., с. 294.

³⁶ Филанович М. И. К характеристике древнейшего поселения на Афрасиабе. — В сб.: Афрасиаб, вып. I, с. 206—220.

³⁷ Шишкина Г. В. Материалы I в. до н. э. — В сб.: Афрасиаб, вып. I, с. 209.

³⁸ Немцева Н. Б. Стратиграфия южной окраины Афрасиаба. — В сб.: Афрасиаб, вып. I, с. 166—170.

³⁹ Интересные данные по каналам дает нам Несефи; по его словам, река входила в город через западные ворота и разделялась на четыре протока, каждый потом еще на две ветви, так что в арыках было восемь. Четыре протока назывались Джакирдиза, Музахин, Искандергам, Асенгин и Сангресан, два

расиabu. Направление это очень близко описанному автором XII в. Абу Тахир Ходжой⁴⁰ источника Новадон, который протекал мимо городских ворот, называемых воротами Ходжи Ахрара, проходил по середине города и впадал в Сиаб. Такое же направление имеет и современный канал Мазар⁴¹, выходящий с юга к бульвару Горького. Он протекает там, где проходили зафиксированные нами древнейшие каналы. Вероятно, именно это русло было той мощной водной артерией, которая питала все выявленные нами каналы. Позже, в пору расцвета рабовладельческого общества, был проведен канал Арзиз, проходивший через площадь Регистан и ставший основным источником водоснабжения городского ядра на Афрасиабе.

Таким образом, не отрицая наличия родниковых водотоков⁴², мы можем утверждать, что источниками водоснабжения города с древнейших времен были естественные протоки, превращенные в искусственные каналы.

Ирригационный узел Лолазора и обильный материал VI—IV вв. до н. э., хаузы на Афрасиабе⁴³ с материалами этого же времени указывают на то, что древние ирригаторы искусно пользовались ландшафтом и природными данными, используя и родники и естественные протоки, и реки Зарафшан и Даргом⁴⁴, умело направляя, спрямляя по необходимости естественные протоки и превращая их в каналы. Заслуживает внимания предположение А. Р. Мухамеджанова о том, что в глубокой древности родниковые водотоки, проложившие себе русла, прорезавшие в нескольких местах современный Самарканд⁴⁵, послужили путеводными нитями в проведении каналов, что подтверждают наблюдения на Лолазоре и Регистане⁴⁶.

последних были ветвями одного протока. Арык Джакирдиза эрошал шахристан и тождествен упомянутому у Истахри и Макдиси арыку домусульманского происхождения (Несефи, Кандийа, пер. В. Л. Вяткина).

⁴⁰ Абу Тахир Ходжа. Самария (пер. В. Л. Вяткина). — СКСО, 1898. с. 166.

⁴¹ Канал Мазар берет начало от канала Шавдар, в районе мазара Абди-Бирун.

⁴² Мухамеджанов А. Р. Указ. соч., с. 297.

⁴³ Филанович М. И. Указ. соч., с. 206—220.

⁴⁴ Существуют разные точки зрения на происхождение Даргома. Академик В. В. Бартольд считает его каналом (Географический очерк Мавераннахра. Т. I. М., 1963. с. 133); Г. В. Григорьев (Древнейшая система орошения городищ типа Талли-Барзу. Архив Самаркандского музея, № 324) определяет Даргом как искусственное русло, при проведении которого местами использовались русла естественных саев; А. Р. Мухамеджанов (К вопросу о водоснабжении Афрасиаба, с. 229) строительство канала относит к периоду Кушанской империи. Река Даргом упоминается уже в трудах Птолемея (см.: Гумбах С. Г. Птолемей и Центральная Азия в кушанскую эпоху); М. Е. Массон (По поводу далекого прошлого Самарканда, из истории искусства великого города. Ташкент, 1972, с. 22) считает Даргом одним из древнейших русел Зарафшана.

⁴⁵ Мухамеджанов А. Р. Указ. соч., с. 295.

⁴⁶ Результаты обследования русел саев и обрывистых берегов Даргома В. А. Шишкиным и консультаций с ирригаторами убеждают в том, что водоснабжение древнего Самарканда возможно было только благодаря системе искусственных ирригационных сооружений. — *Примечание Г. В. Шишкиной.*

ОСВОЕНИЕ ЗАПАДНЫХ РАЙОНОВ ГОРОДА НА РАННИХ ЭТАПАХ ЕГО ЖИЗНИ

Во время работ Афрасиабской археологической экспедиции в течение 1958—1965 гг. на западной окраине городища, между двумя последними кольцами городских укреплений, было заложено семь раскопов¹, с шурфовкой в 12 пунктах до материкового лесса. Примерная площадь трех западных раскопов 6800 м², значительную часть которой занимает раскоп квартала в 5600 м². К этому следует добавить раскоп 4 и разрезы по западному внешнему фасу городских стен — в общей сложности около 500 м². На долю участков, опущенных до материкового лесса приходится ничтожный (0,8) процент — около 60 м². Уже незначительность вскрытой площади нижних, наиболее ранних слоев заставляет считать некоторые заключения, сделанные на основе их изучения, лишь предварительными.

В результате глубинных раскопов установлено, что толщина культурных наслоений этого района от 1,70 до 7 м. Исключение при этом представляет низина к востоку от дороги близ современного кладбища, исследованная В. Д. Жуковым (раскоп 2). Доведенный до глубины 12 м шурф в центре низины материка не обнаружил и был законсервирован в связи с опасностью обвала. Исключительная по отношению к прочим местам шурфовок толщина культурных наслоений объясняется наличием здесь в естественных карстовых низинах больших водоемов, заполненных илистыми слоями, содержащими керамику. Ни на территории низины, ни на прилегающих к ней холмах, где велись раскопки и зачистки, слоев раньше IX в. не зафиксировано; только отдельные перемещенные предметы ранних стадий жизни города найдены в слоях XII — начала XIII в.

На бугре, севернее так называемого дворца Саманидов (раскоп

¹ В разные сезоны в работах на раскопках 1, 7, 9 принимали участие Л. Г. Брусенко, Р. И. Кривошей, Ф. А. Бурнашева, К. И. Бирюлина, Л. Шарипова, П. Валиев. Осенью 1960 г. на раскопе 9 работали, кроме упомянутых, С. К. Кабанов, М. И. Филанович, М. Х. Урманова, М. Пачос, Я. Крикис, М. Н. Федоров, Ш. С. Ташходжаев.

² Работы на раскопе 4 вели М. Пачос и Г. Шишкина, а затем М. Пачос с Я. Крикисом. Разрезы стен производились под наблюдением М. Пачоса.

7), во дворе вскрытой части здания заложен шурф 3×3 м. Материковый лесс здесь выявлен на глубине 3 м. Слой шурфа однородной плотности и структуры четкой стратиграфии не дал, хотя керамика из верхних ярусов оказалась сравнительно более поздней, чем из нижних. Наиболее ранние формы сосудов можно отнести к V—IV вв. до н. э. Этим же временем можно датировать отдельные находки еще севернее на раскопе 9, где наиболее насыщенными оказались наслоения периода Афрасиаб II³.

В 1967—1968 гг. археологические работы на городище Афрасиаб были сосредоточены в западной части этого крупнейшего памятника Согда⁴. Весной 1967 г., в начале раскопок на небольшом (40×40 м) участке 25/VI обнаружены наслоения VI—IV вв. до н. э., что позволило продолжить здесь работы в 1969—1970 гг.⁵ и завершить их весной 1975 г.

В результате раскопок на исследуемом участке получены довольно значительные керамические комплексы, характеризующие материальную культуру первых этапов в развитии города. Выявлены и некоторые конструктивные остатки. В данной главе мы рассмотрим эти материалы.

Участок городища, на котором были заложены раскопы сплошной полосой с севера на юг, представляет собой слабо выраженную в рельефе возвышенность, параллельно внешней (четвертой) стене, на расстоянии 200—250 м от нее. Наш раскоп находился примерно в середине этой возвышенности, к западу от одной из больших котловин, определяемых как древние водоемы. Восточнее раскопа — пологий склон к водоему, с запада — овраг естественного происхождения.

Севернее, в квадрате 25/I, вели раскопки Ю. Ф. Буряков и Ш. Ш. Шарахимов на площадке такого же размера, южнее находился раскоп У. Алимова.

Всего на нашем участке раскопками вскрыто около 600 м²; можно считать, что было два раскопа — восточный и западный, соединенные узкой (ширина 2 м) траншеей. В восточном раскопе обнаружена большая древняя яма, вернее котловина, в значительной части расчищенная; в западном раскопе раскрыт фундамент древнего сооружения (рис. 10).

³ Шишкина Г. В. Керамика конца IV—II вв. до н. э. Афрасиаб II.— В сб.: Афрасиаб, вып. III, 1974, с. 28—30. Она же. Эллинистическая керамика Самарканда. — СА, 1976, № 1.

⁴ Работы 1957—1970 гг. на городище Афрасиаб велись под общим руководством Я. Г. Гулямова. В 1967 г. все городище было размечено на крупные (200×200 м) квадраты, обозначенные арабской цифрой, разбитые на более мелкие (40×40 м), пронумерованные римской цифрой (см.: Буряков Ю. Ф. Некоторые материалы к исторической топографии шахрстана Самарканда. — В сб.: Афрасиаб, вып. III, с. 54, рис. 1).

⁵ Расположение раскопа на плане города см. в ст.: Кабанов С. К., Шишкина Г. В. Древнейшие наслоения городища Афрасиаб. — ОНУ, 1968, № 3, с. 54. В 1969 г. основные работы на городище были перенесены в северную его часть.

Раскопки начаты на краю оврага, в юго-западной части исследуемой площадки⁶. Здесь на небольшой (40—50 см) глубине под рыхлым завалом с фрагментами поливной керамики IX — начала X в., был обнаружен материковый лесс. При расширении раскопа к западу, вниз по склону оврага, были раскрыты ступеньки, ведущие вниз, как выяснилось, в землянку, в которой найдены фраг-

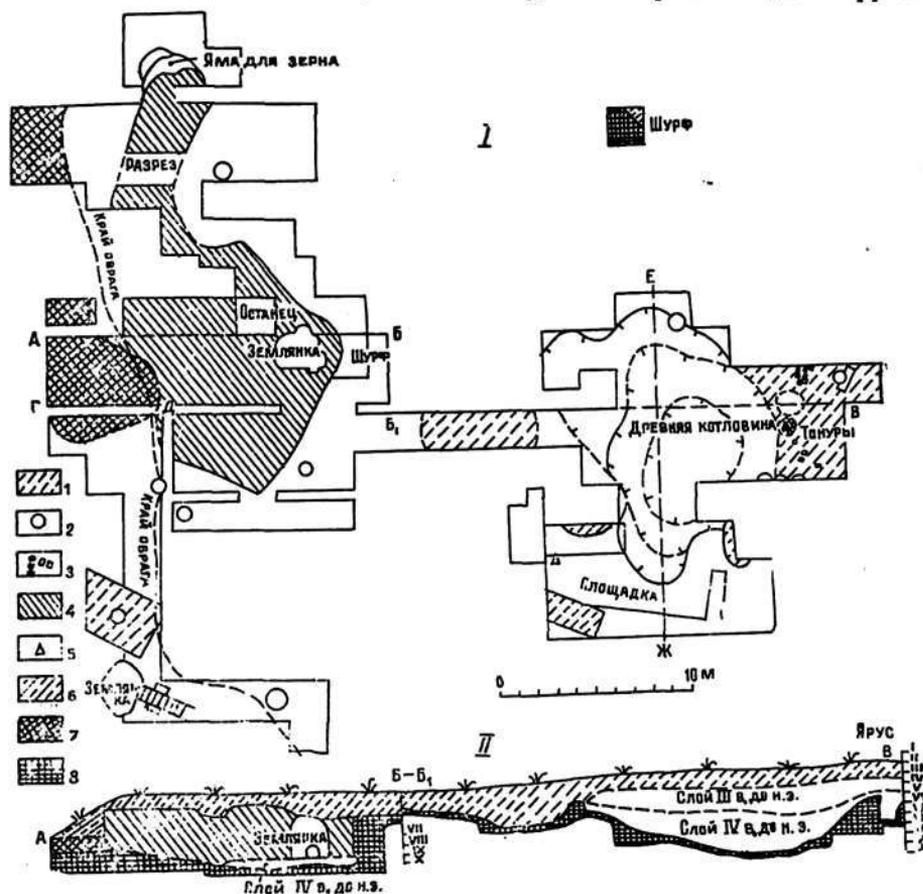

Рис. 10. План и разрез раскопа 25/VI:

1 — наслоения и ямы IX—X вв.; 2 — бадрабы; 3 — камни и кирпич; 4 — фундамент башни; 5 — место находки черепа; 6 — наслоения V—IV вв. до н. э.; 7 — наслоения VI—V вв. до н. э.; 8 — материковый лесс.

менты поливной посуды также IX — начала X в. Рядом с землянкой раскопана яма, предназначавшаяся для бытовых отходов.

Итак, вначале мы открыли наслоения IX — начала X в. прямо на материковом лессе. Однако севернее, среди подъемного материала на склоне оврага, обнаружены фрагменты толстостенных сосудов с подкошенным дном — характерным признаком для

⁶ Как обычно, подготовленная к раскопкам площадка была размечена на квадраты размером 2×2 м. Глубина яруса 50 см.

керамических изделий периода Афрасиаб I по периодизации А. И. Тереножкина⁷. В этом направлении, к северу, вдоль склона оврага, и были продолжены раскопки. Уже через 6-7 м, в которых ничего характерного не встретилось, была выявлена яма, заполненная завалом с фрагментами керамики типа Афрасиаб I без более поздних примесей. Направлялось предположение, что здесь, под склоном оврага, неудобным для застройки, сохранились в неприкосновенности очень древние наслоения; дальнейшие раскопки подтвердили это. Глубина оврага в данном месте 3—3,5 м; такова и наибольшая толщина культурного слоя.

Древние наслоения под склоном оврага отмечены только в северной половине обследуемого участка, в длину они прослежены всего на 18 м, считая и невскрытый промежуток в 6 м (для проезда). Южнее под склоном оврага — или материковый лесс, или наслоения IX—X вв. Древние наслоения не обнаружены и в расположенном южнее раскопе У. Алимова. Судя по материалам дальнейших раскопок, в наслоениях нашего участка остались следы жилого массива древнейшего в истории города периода.

Как и следовало ожидать, никаких конструктивных остатков под склоном оврага не оказалось, грунт был типично завальный. Для того чтобы дать представление о составе этих завалов, опишем наслоения одного из участков, зафиксированные в прилагаемом разрезе (рис. 11, I). Под тонким дерновым слоем, на уровне IV—V ярусов, обнаружен рыхлый грунт из пылевидной глины с большой примесью золы. Ниже отмечен также рыхлый слой, отличающийся зеленоватым цветом и большим количеством обломков керамических изделий; он лежал на останце материкового лесса. К западу от этого завала, вниз по склону, состав грунта был несколько иной: желтоватая глина комковатой структуры.

С уровня поверхности останца материкового лесса характер завалов изменяется: западнее его обнаружена желтая глина средней плотности, а под ней, уже у поверхности материкового лесса, заполнял его неровности относительно плотный слой серого цвета с зеленоватым оттенком; такой же грунт замечен и восточнее от останца материкового лесса. В этих слоях, прилегающих к материковому лессу, также было довольно много керамики, однако по облику она несколько отличалась от керамики верхних завалов.

В нижних слоях, с уровня останца материкового лесса (VI—VIII ярусы), получен древнейший на нашем участке комплекс керамических изделий, описание которого мы приводим ниже.

Весь комплекс состоит из обломков толстостенной посуды станковой работы хорошего обжига, до придания черепку красного цвета, только у наиболее крупных сосудов обжиг относительно слабый, цвет черепка желтоватых оттенков. Поверхность сосудов серая или беловатая, без ангоба.

⁷ Тереножкин А. И. Согд и Чач. — КСИМК, вып. XXXIII, 1950, с. 155—156.

Почти полностью восстановлен крупный сосуд с цилиндрическим корпусом и закругленным дном (рис. 12, 1) в месте перегиба снаружи — валик с подрезом. Венчик — в виде слабо профилированного наружу широкого валика. Под венчиком до обжига нанесен знак в виде запятой. Высота сохранившейся части сосуда 29 см, диаметр устья 28 см. Обломки сосудов этого вида встречаются

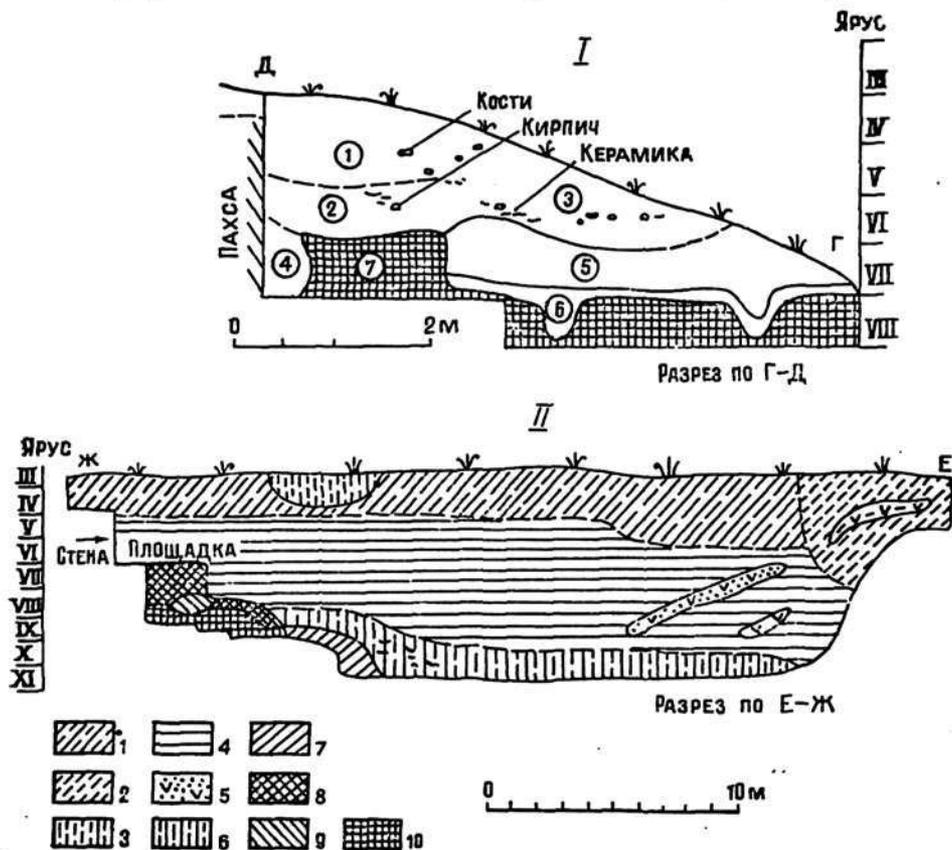

Рис. 11. Разрез к плану раскопа 25/VI:

I: 1 — рыхлый серый грунт с примесью золы; 2 — рыхлый грунт зеленоватого цвета; 3 — желтая глина комковатой структуры; 4 — плотный грунт серого цвета с зеленоватым оттенком; 5 — желтая глина средней плотности; 6 — плотный грунт зеленоватого цвета; 7 — материковый лесс; II: 1 — плотный грунт серого цвета; 2 — рыхлый завал буровато-серого цвета с включением прослойки костей и органических остатков; 3 — позднее погребение; 4 — плотный грунт буровато-желтых оттенков, пятнистый; 5 — зола, органические остатки; 6 — завал бурого цвета; 7 — плотный грунт желтого цвета комковатой структуры; 8 — лессовидный грунт; 9 — линза буровато-серого грунта; 10 — материковый лесс.

особенно часто (рис. 12, 2—3, 7—10); это были крупные сосуды, видимо, вкапывавшиеся в землю и предназначавшиеся для хранения воды или зерна. Толщина стенок — до 2,5 см. На гончарном круге вылеплялась только верхняя цилиндрическая часть с резко выраженными спиральными ложбинками на внутренней поверхности. Днище изготовлялось отдельно, в специальных углублениях

шаблонах: это видно по их гладкой внешней поверхности, без признаков заглаживания или подрезки. Только выступы между корпусом и дном, в месте соединения, часто срезались ножом.

Подобные сосуды, наиболее характерные для периода Афрасиаб I, А. И. Тереножкин ранее датировал VI—IV вв. до н. э.⁸, позднее, под влиянием новых материалов исследований на городище Афрасиаб, датировку всего периода (и комплекса материалов ему соответствующего) он определяет VII—VI вв. до н. э.⁹ Подобные описанным сосуды известны в Средней Азии в широком ареале — в Маргиане¹⁰, Хорезме¹¹, Кобадии¹², датированы они в пределах VI—IV вв. до н. э.

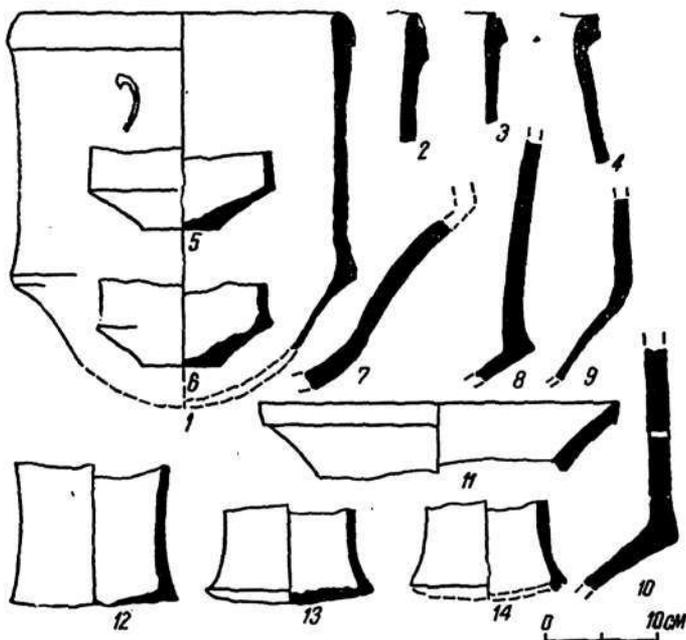

Рис. 12. Керамический комплекс VI—V вв. до н. э.

Ко второму типу можно отнести сосуды меньших (диаметр 15—17 см) размеров, с плоским дном и относительно толстыми стенками (рис. 12, 5—6). Переход ко дну совершен путем подкоса нижней части стенок, с заостренным валиком или без валика в месте

⁸ Тереножкин А. И. Указ. соч., рис. 69, II, 7.

⁹ Тереножкин А. И. Вопросы периодизации и хронологии древнейшего Самарканда. — СА, 1972. № 3, с. 93.

¹⁰ Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы. М.—Л., 1959, табл. XXXVII, 15.

¹¹ Воробьева М. Г. Керамика Хорезма античного периода. ТХАЭЭ. т. IV. Керамика Хорезма. 1959, с. 71, рис. 2, 32.

¹² Дьяконов М. М. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиян) (1950—1951). — МИА, вып. 37. Таджикская археологическая экспедиция. Т. II, М.—Л., 1953, с. 280—283.

перегиба. Подобные сосуды также были известны раньше в комплексе Афрасиаб I¹³. Найдены они в наслоениях указанного времени и на Яз-депе¹⁴, в Кобадiane¹⁵, Хорезме¹⁶.

Очень характерны банкообразные сосуды с изогнутыми внутрь в середине стенками корпуса и слегка выпуклым дном с острием в месте перегиба (рис. 12, 12—14). Аналогичны этим сосудам известны на Афрасиабе¹⁷ и в комплексе Яз-депе III¹⁸, датированном V—IV вв. до н. э.

Видимо, к описанному комплексу относится и сосуд типа тагоры (рис. 12, 11), толстостенный, с отлогими стенками, завершенными снаружи прямым срезом.

Переходим к рассмотрению керамических изделий из верхних наслоений склона, отличающегося от описанного комплекса отдельными предметами. Наиболее характерной находкой в завале с золой является кубок (рис. 13, 1 и рис. 25). От всех ранее известных на Афрасиабе сосудов этого вида он отличается толстостенностью, широкой у основания ножкой и длинным, но ровным, от руки сформованным стержнем; характерен неглубокий выем в доньшке, вырезанный ножом. Верхняя часть корпуса отбита, но по узкой нижней видно, что сосуд был удлинённых пропорций. Кубок из глины неравномерного обжига, в изломе — два оттенка красного цвета. Вся внешняя поверхность сосуда покрыта плотным красным ангобом, внутренняя — без ангоба. Высота сохранившейся части сосуда 19 см, диаметр доньшка 8,3 см. Найдены и мелкие обломки кубков этого же типа (рис. 13, 2).

Другая характерная керамическая форма из верхних наслоений, прилегающих к склону, — сосуд типа чаши с прямым широким бортиком, плавно сужающийся к плоскому доньшку (рис. 13, 4). Сосуд хорошего обжига, красноглиняный, снаружи серый. Высота сосуда 6,8 см, диаметр устья 12 см.

Полностью восстановлена форма сосуда в виде миски с плоским дном и полого расширяющимися прямыми стенками, лишь у устья слегка скругленными (рис. 13, 5—6). Более крупный из них хорошего обжига, красноглиняный. Снаружи вся поверхность сосуда покрыта мелкими царапинами от инструмента типа щетки. Высота сосуда 8 см, диаметр устья 22, дна 8 см. Относительно близкую аналогию этому сосуду удалось найти только в комплексе Яз-депе III¹⁹.

Остальные изделия отмечены лишь в мелких фрагментах, из них характерен сосуд, видимо, типа кринки, с отогнутым наружу венчиком (рис. 13, 7). Более крупный отличается круто отогнутым наружу венчиком с широкой верхней плоскостью (рис. 13, 12); со-

¹³ Тереножкин А. И. Указ. соч., рис. 69, II, 6.

¹⁴ Массон В. М. Указ. соч., табл. XXX, 3.

¹⁵ Дьяконов М. М. Указ. соч., табл. XII, 4, 6.

¹⁶ Воробьева М. Г. Указ. соч., с. 71, рис. 2, 27.

¹⁷ Тереножкин А. И. Указ. соч., рис. 69, II, 5.

¹⁸ Массон В. М. Указ. соч., табл. 42, 6.

¹⁹ Массон В. М. Указ. соч., табл. 41, 21.

суд относительно слабого обжига с отслаивающимся серым ангобом.

В описанном комплексе найден обломок жженого кирпича слабого обжига; толщина кирпича 6,5 см.

Отдельно рассмотрим материалы из завала с комковатым грунтом, западнее завала с золой. Здесь найдены некоторые керамические формы, близкие к описанным из нижних слоев, например, венчики крупных сосудов с подкошенным донцем (рис. 13, 9), более тонкостенные донца (рис. 13, 15—16), но выполненные в той же технике, т. е. в форме-шаблоне. Обнаружено очень характерное донце с подкосом (рис. 13, 14), напоминающее чаши из комплекса Афрасиаб I. Однако отмечены и некоторые новые формы, прежде

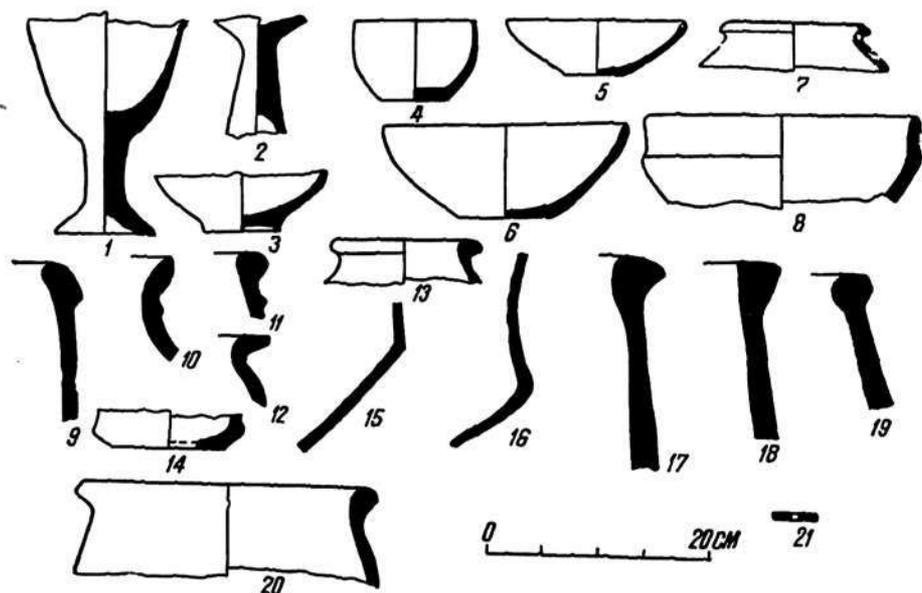

Рис. 13. Керамический комплекс V—IV вв. до н. э.

всего к ним относится сосуд с очень короткой шейкой и профилированным наружу округлым венчиком (рис. 13, 13). Весьма характерен довольно толстостенный сосуд с прямым бортиком и валиком снаружи в месте перегиба (рис. 13, 8); видимо, это переходная форма от сосудов с подкошенным донцем из комплекса Афрасиаб I (рис. 12, 5—6) к более поздним тонкостенным чашам с коленчатым перегибом корпуса²⁰.

Новыми находками в данном комплексе были и фрагменты очень крупных толстостенных сосудов с прямыми или чуть расширяющимися книзу стенками корпуса, с утолщенным краем, образующим профилированный наружу венчик (рис. 13, 17—19). Удалось измерить диаметр одного из таких сосудов — 95 см. Эти сосуды очень хорошего обжига, покрыты серым ангобом или остав-

²⁰ Тереножкин А. И. Указ. соч., рис. 69, IV, 1.

лены без ангоба. Похожая керамическая форма найдена в комплексе Афрасиаб I²¹.

Из лепной посуды в древних отвалах под склоном оврага встречено три небольших фрагмента стенок котлов с отпечатками ткани на внутренней поверхности, что указывает на способ их изготовления при помощи шаблона. Следы такого же приспособления обнаружены и на внутренней поверхности чаши лепной работы (рис. 13, 3). Найдена чаша на кольцевом поддоне, с пологими стенками у доньшка. Внешняя поверхность неровная, с вмятинами и выступающими отдельностями дресвы. Кольцевой поддон определенно необычен в сосуде из описываемых наслоений, как уже видно, очень древних, однако мы можем указать на сосуд с кольцевым поддоном из комплекса Яз-депе II²².

Теперь следует дать предварительное заключение о датировке описанных наслоений, выявленных под склоном оврага. Нижние наслоения, как уже отмечалось, относятся к периоду Афрасиаб I. Прилегающие к ним сверху завалы, разумеется, несколько моложе древнейшего комплекса: некоторыми признаками найденная в них керамика тяготеет к комплексу Афрасиаб I. Выявляются признаки как бы расчленения этого комплекса: если материалы из нижних слоев датировать VI в. до н. э., то керамику из перекрывающих их завалов можно отнести к V—IV вв. до н. э. Находка обломка плохо обожженного кирпича не может поставить под сомнение эту датировку: обожженные кирпичи из древних наслоений уже известны²³, правда, это, по-видимому, наиболее древняя на Афрасиабе находка данного вида строительного материала, служившего еще для вспомогательных целей, а не для массового строительства.

Установив столь раннюю дату описанных материалов, следует обратить внимание на такую известную керамическую форму, как кубок. По периодизации А. И. Тереножкина кубки на высоких ножках появляются только в комплексе периода Афрасиаб III, датированного III—II вв. до н. э.²⁴ Описанный выше кубок отличается от ранее известных толстостенностью, высоким, грубо слепленным стержнем, рельефной спиралью на внутренней поверхности от пальцев гончара: этот последний признак и дает возможность установить причину заметного различия между известным ранее наиболее древним (III—II вв. до н. э.) видом кубка и вновь выявленным арханчным подвидом этого типа сосудов. Причина, видимо, в другой конструкции гончарного круга, обладавшего меньшей скоростью вращения; ниже мы вернемся к этому вопросу.

Итак, в результате расчисток склона оврага установлено два слоя: один из них периода Афрасиаб I, второй не укладывается в периодизацию, разработанную А. И. Тереножкиным; его можно условно определить, как относящийся к периоду Афрасиаб IA.

²¹ Тереножкин А. И. Указ. соч., рис. 69, II, 8.

²² Массон В. М. Указ. соч., табл. 37, 16.

²³ Тереножкин А. И. Указ. соч., с. 156; Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История искусств Узбекистана, М., 1965, с. 45.

²⁴ Тереножкин А. И. Указ. соч., рис. 69; IV, 1—2.

Продолжим описание раскопа.

Восточнее описанных завалов, раскрытых под склоном оврага, замечен мощный массив плотного темно-серого грунта, как потом выяснилось, пахсовой кладки, к которой эти завалы прилегали. Сверху этот массив прикрыт относительно тонким (50—100 см) рыхлым слоем с перемешанной керамикой, среди которой преобладали мелкие обломки сосудов IX—X вв. Как показали зачистки, этот массив представляет собой кладку из крупных блоков, состоящих из очень плотного глиняного раствора типа пахсы, в который вкраплены угольки, крошки обожженной земли и керамики. Признаки кладки определены по трещинам или швам, прорезающим массив, значительная (около 3 м) его глубина установлена при зачистке древних завалов с западной стороны; далее нужно было выявить его очертания в плане.

Оконтуривание массива продолжено с восточной его стороны, где путем зачистки сверху в 10 м от оврага обнаружен его край. Здесь заложили шурф, в котором материковый лесс отметили уже на глубине 1,1 м от поверхности, причем весь прикрывавший его слой датирован IX—X вв. Глубина шурфа доведена до 3,5 м. Четкое отслаивание лесса от кладки наблюдается только в верхней части, примерно до глубины 1,5 м; ниже — отслаивание нечеткое. Пахсовая кладка здесь опущена в яму, выкопанную в природном лессе.

Западнее шурфа (рис. 10), уже в самом массиве пахсовой кладки, обнаружена землянка IX — начала X в.; в результате расчистки этой землянки, ведшейся сверху, установлено, что в этом месте пахсовую кладку подстилает относительно рыхлый слой с керамикой древнего облика, как позднее выяснилось, IV в. до н. э.

В дальнейшем для выяснения контура пахсовой кладки в плане уже не надо было расчищать прилегающие наслоения до глубины 3—3,5 м, по крайней мере с восточной стороны. От описанного шурфа расчистку продолжили в юго-западном направлении в виде неглубокой траншеи до обнаружения кладки.

Длина юго-восточной стороны массива 10 м, в контуре представляет неровную поверхность, к которой прилегают средневековые наслоения, наложенные на материковый лесс. Южный угол почти прямой, уже на глубине 1 м к его кладке прилегает материковый лесс; однако с юго-западной стороны уровень лесса сначала полого, а затем круто понижается: здесь обнаружена яма, заполненная древним завалом. Пахсовая кладка не только прорезает, но и подстилается этим завалом. Таким образом, стенка котлована здесь обнажила не лесс, как с юго-восточной стороны, а содержащее древней ямы. Мощность пахсовой кладки с юго-западной стороны относительно небольшая — 1,5 м; ниже — древние наслоения.

Далее контур кладки пахсового массива прослеживается по склону оврага, расчищенного ранее. Западная сторона массива кладки неровная, видимо, разрушенная, длина ее около 12 м.

С северо-восточной стороны край массива прослежен на отрезке 10 м; здесь к пахсовой кладке прилегал древний завал.

Итак, массив пахсовой кладки образует платформу размером 12×10 м, подпрямоугольную в плане, вытянутую с юго-востока на северо-запад. От этого массива, к северной его стороне, примыкала полоса такой же кладки, проложенной в направлении на север, с отклонением к востоку. Ширина полосы кладки у основания 3,2 м, в высоту она сохранилась на 1,8 м. Полоса кладки наложена

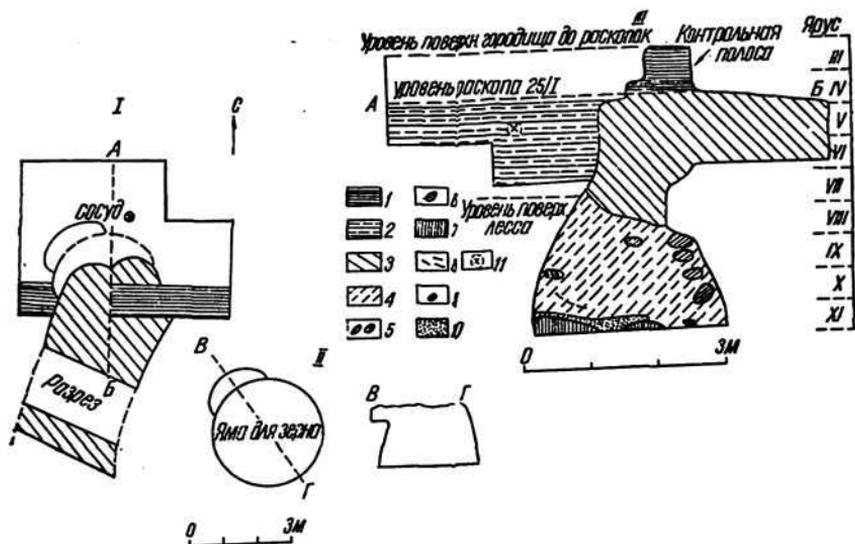

Рис. 14. План и разрезы дополнительного раскопа:

1—плотный грунт серого цвета; 2—плотный грунт светло-желтого цвета; 3—пахсовая кладка фундамента; 4—рыхлый завал; 5—комки плотной земли; 6—обожженная земля; 7—плотный завал из желтой глины; 8—керамика; 9—камень; 10—зола; 11—уровень находки крупного сосуда.

на материковый лесс, на нашем участке она прослежена на протяжении 5 м. Предполагалось, что она продолжается и дальше к северу и что это был фундамент стены, ограждавшей некий участок. Однако для выяснения этого вопроса следовало продолжить раскопки на соседнем участке 25/1. Весной 1975 г. мы продолжили исследования.

Дополнительный раскоп (рис. 14) заложили вдоль контрольной полосы шириной 1 м, оставленной между раскопами, с северной ее стороны, в месте, где намечалось продолжение фундамента предполагаемой стены. В этом месте старый раскоп был оставлен на уровне IV яруса. Ниже обнаружили плотный светло-желтый грунт, в котором вначале встречались лишь мелкие фрагменты керамики эллинистического облика (III—I вв. до н. э.). В V ярусе нашли целый сосуд, стоявший *in situ*, довольно крупный, шаровидной формы, внутри которого оказался другой сосуд в виде миски с

круглым углублением в центре доньшка. Последний признак очень характерен, он означает, что сосуд относится к хорошо известным в археологической литературе сосудам типа «рыбного блюда», которые датируются III—II вв. до н. э.²⁵ На этом же уровне, примерно на 1 м южнее крупного сосуда, обнаружена отслаивающаяся поверхность стены, выступающей из контрольной полосы менее чем на 1 м; выступ в виде двух сомкнутых неправильных полуколонн, ширина его 2,7 м. Это и было искомое продолжение пахсовой кладки, ее окончание. Предположение о стене, проложенной к северо-востоку, отпало.

Далее необходимо было найти основание, на котором покоилась эта полоса кладки. При дальнейшем углублении раскопа на участке, примыкавшем к ней с севера, продолжался завал из плотного грунта. На уровне начала VII яруса возле кладки расчищена яма со стенками с подбоем, расширяющимися книзу. При расчистке содержимого ямы сразу же были отмечены целые «рыбные блюда», фрагменты кубков без ножек, сосуды типа блюдечек. Находки показали, что из этой ямы можно получить интересный комплекс материалов, нужных для датировки исследуемого сооружения.

Для расчистки ямы следовало снять часть пахсовой кладки, прикрывающей ее устье. Кладка темно-серого цвета, аморфной структуры, слегка пористая, очень плотная. При снятии кладки подтвердилось, что она сложена из крупных блоков — до 120 см в длину и 90 см в высоту. В глубину кладку сняли на 2 м; под ней и открыли устье ямы (рис. 14, III). Яму расчищали по частям: вначале вскрыли западную часть до пола с тем, чтобы по останцу с восточной стороны составить разрез содержимого ямы; затем открыли и западную часть. В результате расчистки выяснилось, что яма заполнена довольно однородным рыхлым завалом, в котором попадались крупные комки более плотного грунта, редко — обожженной земли. У пола на плотном завале обнаружена прослойка золы; было много керамики, преимущественно тонкостенной.

В результате расчистки ямы установлено, что она — конической формы с ровными стенками; вершина ее срезана при устройстве описанной кладки. В высоту стенки ямы сохранились до 2,1 м, причем основная часть вырыта в материковом лессе. Пол ямы в плане выведен почти как по циркулю, диаметр ямы у пола 315—330 см (рис. 14, II). В верхней части яма в плане представляет как бы две частично совмещенные окружности, из которых в меньшую, в северо-западной части, вписана ступенька — спуск в яму, находящаяся в 135 см от пола. Пол ямы ровный, чистый, цвета светло-желтого лесса; на полу нет признаков обжигания — ни органических остатков, ни воздействия огня. Можно с уверенностью сказать, что яма предназначалась для хранения зерна. Этот способ хранения зерна широко практиковался и в древности, и в недавнем прошлом. Приведем только два примера.

²⁵ Кабанов С. К. Изучение стратиграфии городища Афраснаб. — СА, 1969, № 1, с. 189—190.

При раскопках древней Гермонассы (современная Тамань) в наслоениях VI в. до н. э. вскрыта яма, заполненная зерном²⁶. Яма врезана в материковый грунт, правда, форма ее несколько иная — круглая горловина, отвесные стенки и прямоугольное в плане дно.

В верховьях Зарафшана горные таджики хранили зерно для посева в ямах «глубиной от 1,5 до 3 м и диаметром внизу до 2 м, а сверху наполовину меньше»²⁷. В разрезе эти ямы имели форму конуса, как и описанная выше, вскрытая на городище Афрасиаб. Следовательно, данных для определения этих ям как хранилищ для зерна достаточно.

Из заполнения ямы собран большой комплекс керамических изделий, как мы ниже постараемся показать, датируемый III в. до н. э. Рассмотрим этот комплекс позднее, после описания раскопа, в котором встретились и еще более ранние материалы. Особое значение этих находок в том, что они составили значительный комплекс предметов, изолированный от случайных примесей.

В результате раскопок в западной части исследуемой площадки руин древнего города выяснилось, что обнаруженный в них массив пахсовой кладки являлся фундаментом относительно небольшого сооружения; в плане это прямоугольник размером 12×10 м, от которого к северу отведен выступ в виде полосы длиной 7,5 м. Учитывая глубину заложения фундамента, можно утверждать, что на нем было возведено здание башенного типа; отведенная к северу полоса фундамента — след входа.

Рассмотрим теперь результаты исследования восточной части площадки, на которой заложен несколько обособленный раскоп, условно (для удобства изложения) названный, как уже указывалось, восточным раскопом.

Выше отмечалось, что к восточной стороне фундамента древнего сооружения прилегал только слой IX—X вв. глубиной около 1 м, наложенный непосредственно на материковый лесс. Нужно было выяснить, изменяется ли характер этого культурного слоя до восточного края обследуемого участка. Характер отложений (завал) позволял осуществить это путем заложения разведочной траншеи шириной 2 м (рис. 10) с условием превращения ее в раскоп при обнаружении конструктивных остатков.

На протяжении 12 м в заложённой траншее выявлены исключительно средневековые (IX—X вв.) наслоения и яма этого же времени протяжением 4—5 м и глубиной до 2 м. Дальше к востоку характер грунта резко изменился, поверхность материкового лесса стала наклонной (рис. 10, II), круто понизилась и толщина культурного слоя увеличилась, поскольку поверхность участка почти ровная. Средневековый слой продолжался только на поверхности,

²⁶ Зеест И. В. Арханческие слои Гермонассы. — КСИА, 1961, № 83, с. 54—55.

²⁷ Давыдов А. С. Жилище. В кн.: Материальная культура таджиков верховьев Зарафшана. Душанбе, 1973, с. 63—64.

до глубины 1 м, ниже выявлялись явно древние наслоения. До глубины 2—2,5 м встречалась керамика типа Афрасиаб II, ниже обнаруживались признаки слоя Афрасиаб I с некоторыми неизвестными керамическими формами. На глубине около 3 м от поверхности (IX ярус) найден бронзовый наконечник стрелы (рис. 15, 1), трехлопастной, втульчатый. В этом месте материковый лесс отмечен на глубине около 4,5 м, т. е. на дне котловины, почти горизонтальном на протяжении 4—5 м. Далее к востоку уровень поверхности материкового лесса стал круто подниматься и на отрезке длиной около 4 м повысился на 2 м: здесь выявили восточный край котловины на одном уровне с западным ее краем. Протяженность котловины с запада на восток оказалась равной почти 15 м.

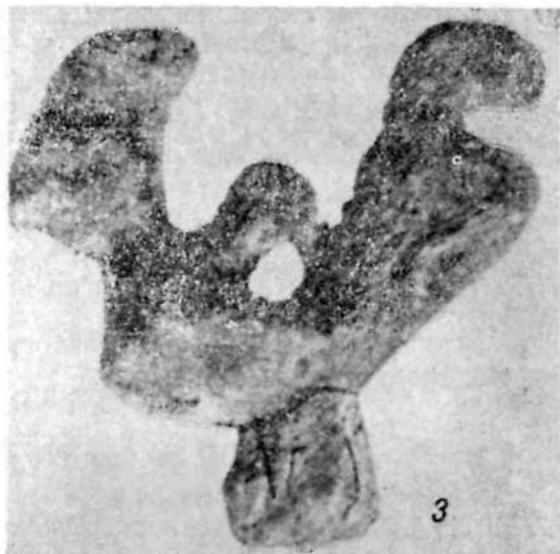
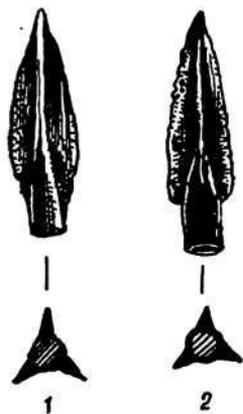

Рис. 15. Наконечники стрел (1, 2) и бронзовая подвеска (3).

Траншея доведена до восточного края исследуемого участка. В ее восточном конце она расширена на 2 м к югу и на столько же к северу. На площадке размером 36 м² выявлены некоторые признаки обживания ее в IX—X вв.; об этом свидетельствуют нижние части стенок двух тунуров (печи для выпечки хлеба), в одном из них сохранилась выкладка пода из клиновидного обожженного кирпича; у северного края раскопа обнаружены признаки фундамента небольшого здания из обломков жженого кирпича и булыжника. Был раскрыт бадраб (сливная яма) и возле него — прямоугольная яма. Основным результатом работ над траншеей — обнаружение котловины, заполненной древним завалом. Керамические материалы из этого завала нам показались настолько важными для изучения древнейших наслоений городища, что мы решили расчистить котловину в значительной части. Следовало расширить траншею и превратить ее в раскоп.

С северной стороны край котловины обнаружен при расширении траншеи в эту сторону на 6 м, на глубине всего 1 м от поверхности (рис. 11, II): он представлял собой довольно крутой обрыв. В верхней части этот обрыв прикрыт рыхлым завалом буровато-серого цвета с прослойкой костей и керамики IX—X вв., однако в этом же слое встретились и две согдийские монеты VII в.—Мастан-Навиан²⁸ (698—700 гг.) — и бронзовый трехгранный наконечник стрелы (рис. 15, 2), несомненно, попавший сюда из более древних наслоений. К нижней части средневекового завала прилегал мощный пласт плотного грунта желтовато-бурых оттенков, пятнистый; фрагменты керамики, найденные в этом грунте, все древнего облика. Замечено, что отдельные прослойки в этом завале идут с наклоном вниз от края; следовательно, заполнение котловины велось с северного края, в плане закругленного.

Итак, контуры котловины с северной стороны установлены. Осталось определить ее южный край, который, как оказалось, был значительно дальше северного от первоначальной траншеи. Вначале от последней в направлении к югу была вскрыта полоса шириной 4 м и длиной 8 м, в конце которой на глубине 65 см от поверхности выявлена вертикальная стенка высотой 1 м, вырубленная в лессовидном грунте; эту стенку и можно было принять за южный край котловины. Вместе с тем определилась и протяженность этой котловины в направлении с севера на юг — 16 м; как выяснилось, она была почти круглой, поскольку и в направлении с запада на восток диаметр ее был почти такой же (15 м).

Таким образом, у южного края котловины впервые при ее расчистке был выявлен некий конструктивный элемент — вертикальная ровная стенка, поверхность которой отслаивалась от довольно плотного прилежавшего к ней грунта, содержавшего обломки древних керамических изделий. Перед стенкой обнаружена ровная площадка (рис. 16) из такого же лессовидного грунта, как и стенка. Ширина площадки почти 2 м, с севера она ограничивалась ступенчатым склоном, продолжавшимся до самого дна котловины; под площадкой отмечен в разрезе как бы подбой (рис. 11, II), заполненный буровато-серым грунтом, в котором найдены кости и фрагменты малохарактерной керамики древнего облика.

Итак, вначале горизонтальная площадка была вскрыта в длину на 4 м, по ширине проложенной к югу траншеи. Далее следовало расширить траншею в ее южном конце с тем, чтобы определить протяженность площадки в направлении с востока на запад. К востоку раскоп расширили на 20 м², на уровне площадки. Как оказалось, с востока площадка была ограничена вертикальной стенкой, сохранившейся в длину на 2,6 м и образующей с южной стороны прямой угол с уже известной стенкой. Собственно с восточной стороны обнаружен лишь останец лессовидного грунта толщиной 80 см, за которым найден завал, образовавшийся в IX—X вв.

²⁸ Определение Т. С. Ерназаровой.

Раскоп в его южной части был расширен к западу на 6 м от первоначально вскрытой полосы площадки. Вертикальная стенка, ограничивающая площадку с юга, сохранилась лишь на небольшом отрезке, западный ее край срезан средневековой (IX—X вв.) ямой, прямоугольной в плане. Горизонтальная поверхность площадки в направлении с востока на запад прослежена на протяжении 8,5 м. Судя по находкам керамики, вырублена она в лессовидном грунте не ранее III в. до н. э. Для чего предназначалась эта площадка, сказать трудно: на ней не обнаружено признаков обжи-

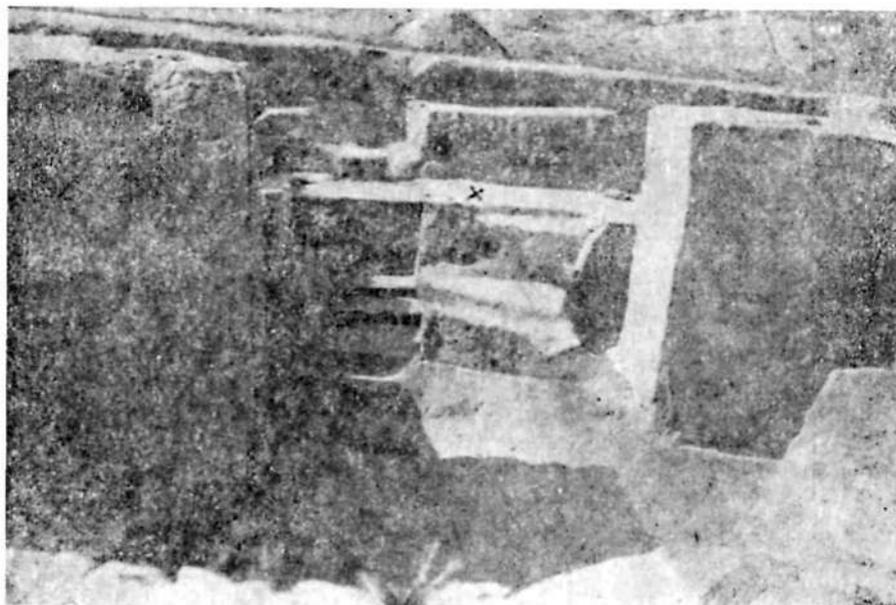

Рис. 16. Южная часть котловины. Знаком X отмечена площадка, ограниченная с юга вертикальной стенкой.

вания вроде обожженной земли или пятен органических остатков; возможно, на ней сушили зерно.

Для раскрытия наслоений, подстилающих площадку, ее западную часть с северной стороны вскрыли до материкового лесса. На уровне площадки (конец VI яруса) грунт желтого цвета с белыми крапинками, как в природном лессе, но буроватого оттенка. Грунт самой площадки — более желтый, также с белыми крапинками, но линия ограничения этой площадки отсутствует, изменение в цветности — без отчетливого перехода. В VIII ярусе (приблизительно 3 м от поверхности) грунт плотный, желтого цвета с буроватым оттенком. Встречаются линзы и прожилки буроватого цвета. Керамики очень мало, вся она малохарактерная. Большой неожиданностью было обнаружение в юго-западном углу вскрываемой площадки, на уровне нижней части VIII и начала IX яруса, человечес-

кого черепа, найденного в срезе южной стенки, под площадкой; для его извлечения пришлось сделать небольшой подбой. Череп лежал теменной частью к северо-западу, лицом вверх; нижняя челюсть отсутствовала. Нижняя часть черепа обращена к юго-востоку, к глухой стенке. Такое положение его указывало, что сохранился он в перемещенном состоянии; признаки погребения отсутствуют. При зачистке стенки раскопа лопатой правая височная часть черепа была срезана. Все же можно считать, что он взят в удовлетворительном состоянии: лицевая часть и левая сторона — в сохранности²⁹.

Немного (на 50 см) ниже черепа продолжались признаки культурного слоя в виде лессовидного грунта с линзами буроватого цвета, мелкими фрагментами керамики и костей. На уровне середины IX яруса (5,5 м от поверхности) по всей углубляемой площадке выявлен равномерно окрашенный желтый лесс без признаков культурного слоя.

Как образовался грунт, названный выше лессовидным, еще не установлено; можно только предположить, что это — переработанный лесс, использовавшийся в качестве строительного материала в древнейший период истории города. Возможно, что в лессе устраивали землянки, позднее обрушившиеся, а над образовавшимся завалом впоследствии выровнили площадку, ограниченную с внешних сторон вертикальными стенками: так пока можно объяснить появление незначительных конструктивных остатков, выявленных на южном склоне котловины.

Бряд ли эту котловину вырыли специально для свалки мусора, об этом говорят не только ее размеры, но и признаки обживания южных склонов. Можно предположить, что ее вырыли для хозяйственных нужд, с южной же ее стороны, защищенной от солнца, выкопали землянки. Использование котловины в качестве мусорной ямы, видимо, было вторичным.

Полностью котловину не расчистили, массивы завалов остались в северо-западной и юго-восточной частях. Возможно, в будущем расчистка этих массивов-останцов даст дополнительные материалы для установления назначения котловины.

Котловина перекрывалась двумя разновременными слоями (рис. 10, II), из которых верхний, до глубины 1 м от поверхности, керамикой датируется IX—X вв. Второй слой насыщен материалами, примерно синхронными найденным в зерновой яме. Материалы из этих двух слоев мы рассмотрим ниже. Собственно котловина (глубина 2,5 м) заполнена завалом, в котором, хотя и различаются прослойки неодинакового цвета, плотности и структуры, содержится одинаковый керамический материал, составляющий единый комплекс; к описанию его мы и переходим.

Найденные в котловине керамические изделия выполнены в хорошей гончарной технике, почти все — на гончарном круге, обычно

²⁹ Череп для исследования передан В. Я. Зезенковой. Предварительно она сообщила, что в нем отмечены признаки монголоидности.

равномерного обжига, красноглиняные; очень редко встречались сероглиняные чаши. Поверхность сосудов беловато-серая, иногда красная. Сосуды обычно толстостенные, с резко выраженными признаками изготовления на гончарном круге (в виде спиральных валиков на стенках), даже на таких сосудах, как кубки и чаши.

Выше уже отмечены находки кубков в слое, датированном V—IV вв. до н. э. Кубки из котловины отличаются от них относительной тонкостенностью и, возможно, еще большей вытянутостью в высоту; целых кубков не встретилось и здесь. Довольно значитель-

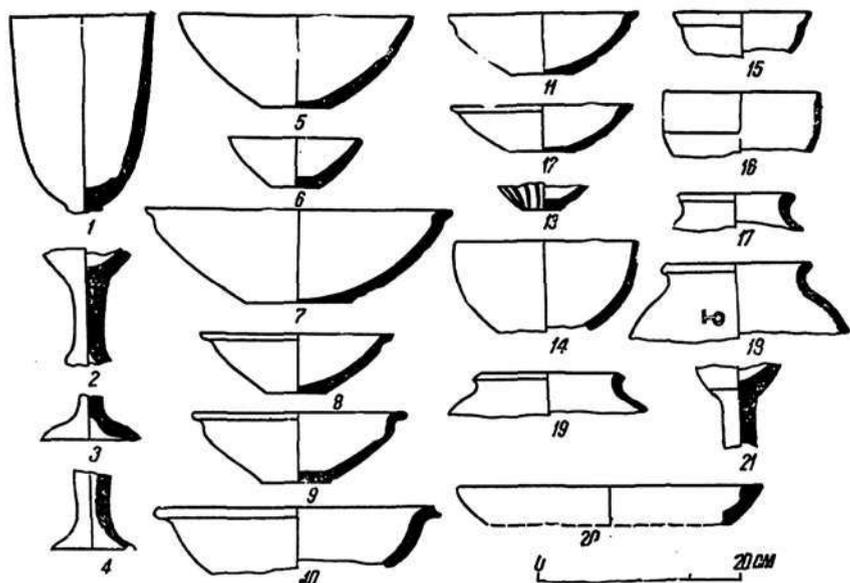

Рис. 17. Тонкостенная керамика IV в. до н. э.

ное количество находок фрагментов этих сосудов позволило установить некоторые варианты их форм (рис. 17, 1—4; рис. 18, 1—4). Кубки на высоких ножках с широким основанием и выемом на нижних поверхностях. Переход от ножки к корпусу обычно плавный, иногда с отчетливым перегибом. При обработке поверхности стержня ножки сосуда применяли подрезку — видны вертикальные заструги от ножа.

Сосуды типа чаш встречались редко, хотя формы их были довольно разнообразны. Наиболее употребительные в более позднее время, в III—II вв. до н. э., чаши с коленчатым перегибом корпуса³⁰ в данном комплексе напоминают сосуды с плавным изгибом стенок (рис. 17, 14); подобные чаши находили в Хорезме, в наслоениях IV—III вв. до н. э.³¹ Лишь в одном фрагменте этот изгиб выражен

³⁰ Тереножкин А. И. Указ. соч., рис. 69, IV, 1.

³¹ Кой-Крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма, табл. III, 21, 44.

несколько более отчетливо (рис. 17, 16). Встретились сосуды с изгибом на самом краю корпуса, в виде скобообразного венчика (рис. 17, 15; рис. 18, 7).

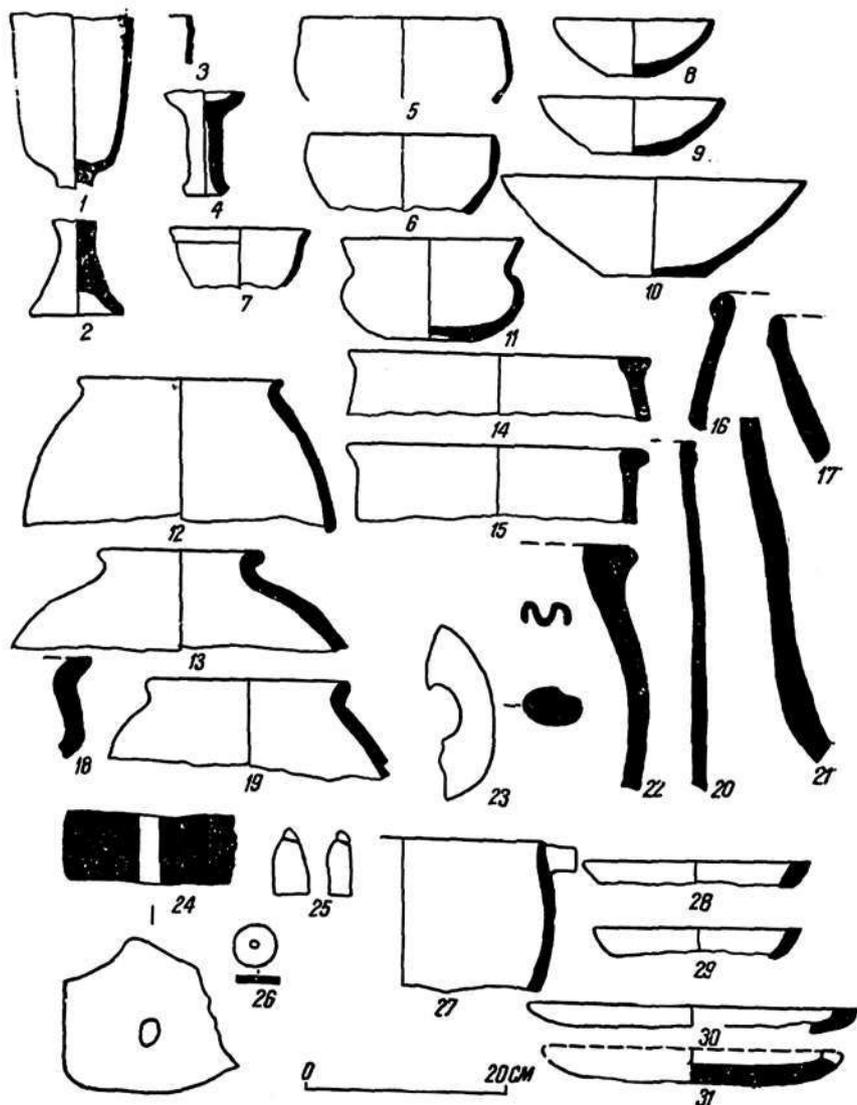

Рис. 18. Материалы из котловины:

1-21, 23, 27—керамика IV в. до н. э.; 22—сосуд III в. до н. э.; 24—керамическая плитка с отверстием; 25—подвеска для ткацкого станка; 26—пряслице; 28-31—обломки мраморных блюе.

Переходной керамической формой от чаш к мискам можно считать сосуды с плоским дном, слегка изогнутыми в разрезе показанными стенками и профилированным наружу венчиком, сверху плос-

ким, снаружи очерченным снизу ложбиной (рис. 17, 7—10); снаружи эти сосуды покрыты серым ангобом, внутри — красным, очень гладким, иногда с признаками лощения. Описываемые полумиски сильно варьируют в размерах — 19—29 см в диаметре устья и 6—9 см в высоту. Обычно сосуды красноглиняные, но встречаются и сероглиняные, небольших размеров (рис. 17, 11—13); наружная поверхность одного из таких сосудов украшена рифлением — ложбинками.

Один из наиболее характерных и часто встречающихся видов посуды в данном комплексе — сосуды типа миски: узкое плоское доньшко, почти прямые в разрезе стенки, без венчика (рис. 17, 5—6). Размеры их 18—30 см в диаметре, 5—10 см в высоту. Сосуды хорошего обжига, глина красного цвета различных оттенков, редко — желтоватого. Для многих из них, особенно крупных, характерна шероховатость поверхности снаружи и внутри, образовавшаяся от ветошки, используемой при формовке сосуда на станке.

Рассмотренные виды сосудов — кубки, чаши, миски — можно отнести к сосудам открытого типа. Встретился сосуд с суженным устьем, полузакрытый: резервуар образован изгибом стенок корпуса внутрь (рис. 18, 11). Корпус в виде широкого диска, с закругленным дном, в центре которого снаружи — неглубокий выем; вместо венчика — отогнутый наружу бортик, образующий широкое устье. Сосуд красноглиняный, снаружи покрыт тонким слоем серого ангоба, наложенного неравномерно, слегка отслаивающегося; внутри — без ангоба. Высота сосуда 9,6 см, диаметр устья 18 см.

Описанная керамическая форма очень характерна, она похожа на бронзовую чашу V—IV вв. до н. э. из Персеполя³². На городище Афрасиаб она попадалась в более позднем слое — Афрасиаб II³³.

Фрагменты узкогорлых сосудов встречались очень редко (рис. 17, 17; рис. 19, 23); если это кувшины, то горлышки их очень невысокие. Гораздо более распространены сосуды типа кринок или горшков с относительно широким горлышком и отогнутой наружу закраиной (рис. 17, 18, 19). Сосуды красноглиняные, поверхность обычно серая, реже красная. На одном сосуде по красному ангобу после обжига прочерчен знак в виде соединенных прямой линии и кружка (рис. 17, 18).

В результате рассматривания толстостенной посуды удалось восстановить формы только двух видов сосудов — тагоры (таз) и хумчи. Тагора — сосуд с широким устьем, невысокими стенками, изогнутыми в виде скобы или почти прямыми, с закругленным донцем (рис. 19, 26—28); венчики профилированы наружу, иногда под венчиком валик. Диаметр сосудов типа тагоры до 40 см, высота до 14 см. Подобные сосуды известны в Хорезме, в наслоениях Кой-

³² Ш и ш к и н а Г. В. Эллинистическая керамика Афрасиаба. — СА, 1975, № 2, 65, рис. 6, 1.

³³ Там же, рис. 6, 2.

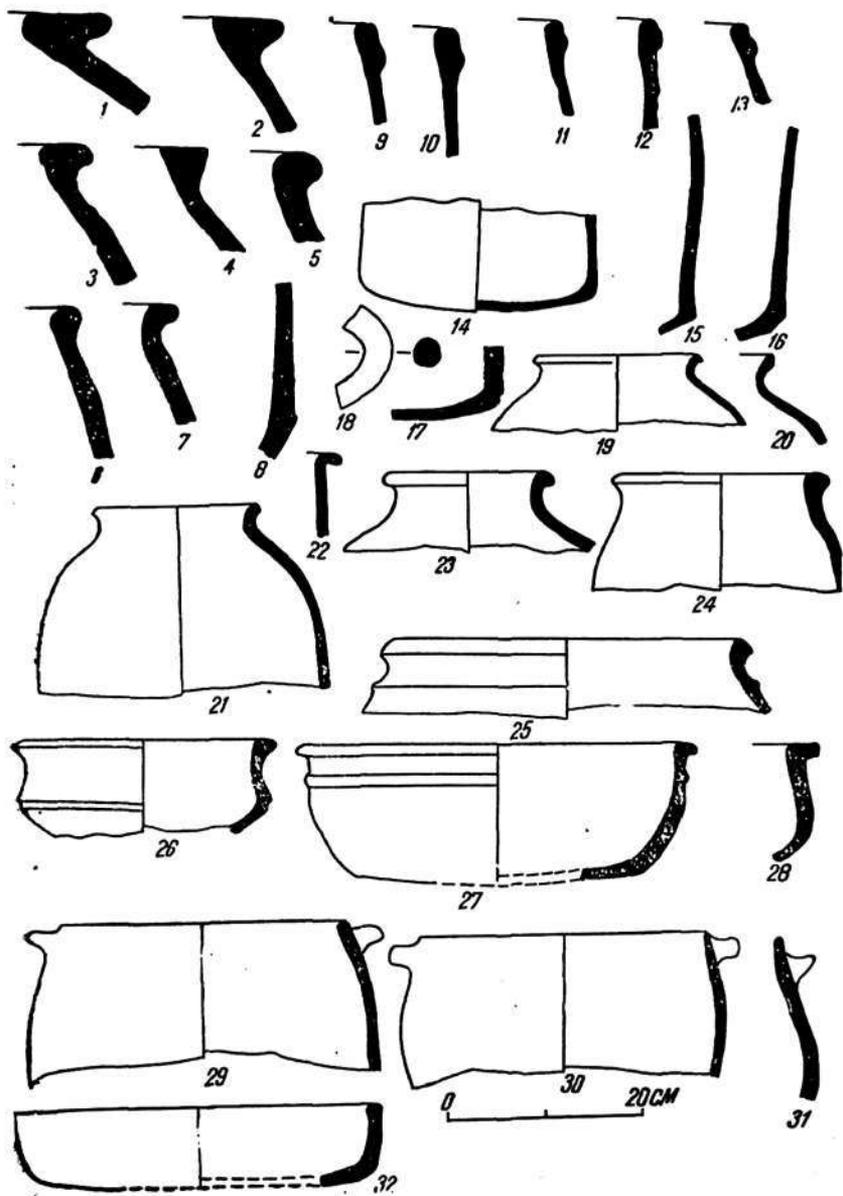

Рис. 19. Толстостенная керамика IV в. до н. э.

Крылган-калы IV—III вв. до н. э.³⁴ и в Мерве, в наслоениях III в. до н. э.³⁵

Сосуды типа хумчи можно восстановить по крупным обломкам

³⁴ Кой-Крылган-кала, табл. II. б.

³⁵ Усманова З. И. Новые данные к археологической стратиграфии Эрк-калы. Труды ЮТАКЭ, т. XIV, 1969, с. 18, рис. 4.

с использованием аналогий: это сосуды с почти вертикальными, лишь слегка изогнутыми стенками, с резко выраженными валиками от гончарного круга. Венчики обычно в виде подпрямоугольного выступа наружу, часто с небольшим усложнением — ложбинкой на внешней поверхности (рис. 18, 20 и рис. 19, 9—12); рельефность венчика иногда усиливается ложбинкой под ним. Днища с подкосом выделялись в особых формах-подставках (рис. 19, 15, 16). Хумчи обычно покрывали плотным серым ангобом.

Генетическая связь сосудов этого типа с наиболее распространенным видом сосудов периода Афрасиаб I очевидна: тогда, как уже известно, наиболее распространены были сосуды с цилиндрическим корпусом и подкошенным днищем. Сосуды из рассматриваемого комплекса относительно тонкостенны, с усложненным венчиком. Подобные сосуды, также в фрагментах, найдены и в других раскопах на Афрасиабе³⁶.

Толстостенные сосуды других видов обнаружены лишь в мелких обломках. Можно предположить, что еще было, по крайней мере, два вида толстостенных сосудов (не считая наиболее крупных — типа корчаги-хума): в разрезе закругленные в верхней части, с плечиками (рис. 18, 12, 13; рис. 19, 21) и широкогорлые, с вертикальными или почти вертикальными стенками корпуса (рис. 18, 14, 15 и рис. 19, 24). Венчики в виде отогнутых под различным углом краев стенок сосудов, закругленных или угловатых. В редких случаях под венчиком — узкая скобообразная ложбинка, шейка сосуда снизу завершается валиком (рис. 19, 25).

Нижние части крупных сосудов — сплошь с закругленными днищами (рис. 19, 14, 17) — изготовлялись в особых формах или чашах-подставках³⁷.

Ручки сосудов лепили от руки, в срезе они округлые, проушные (рис. 18, 23, рис. 19, 18); встречались они очень редко, видимо, в гончарном деле изготовление ручек еще было новинкой.

Наиболее крупных сосудов с диаметром устья до 95 см и толщиной стенок до 3 см было несколько видов, с различным наклоном стенок в верхней части корпуса, но все они — с подкошенными днищами (рис. 18, 21 и рис. 19, 8). Наиболее распространены сосуды с закругленными венчиками и очень слабо выраженными плечиками (рис. 19, 5—7). Встречались сосуды с уплощенными или подтреугольными в сечении венчиками (рис. 19, 1—4). Чаще всего сосуды не ангобировались, лишь заглаживались, однако встречались и с плотным светло-серым ангобом, снаружи и внутри. Некоторые из сосудов по краю донца оконтуривались круговым рядом вдавлений.

Котлы лепили от руки, но иногда, видимо, использовали какое-то вращаемое приспособление: лепка очень тщательная, стенки глад-

³⁶ Немцева Н. Б. Стратиграфия южной окраины городища Афрасиаб. — В сб.: Афрасиаб, вып. 1, Ташкент, 1969, с. 162, рис. 4, 8—10, 60—61; Ш и ш к и н а Г. В. Материалы первых веков до нашей эры из раскопок на северо-западе Афрасиаба. В сб.: Афрасиаб, вып. 3, с. 230, рис. 3, 87, 95.

³⁷ Ш и ш к и н а Г. В. Указ. ст., с. 236.

кие. Жаростойкость глиняной массе придавала примесь шамота. Снаружи сосуды покрывали плотным серым ангобом. Котлы — с широким устьем, стенки их лишь слегка изогнуты в виде скобы, донца — закругленные (рис. 19, 29—32). Ручки — в виде округлых в сечении выступов. Похожие сосуды найдены А. И. Тереножкиным на строительстве дороги, недалеко от нашего раскопа, и отнесены им к периоду Афрасиаб I³⁸.

Обнаружены пряслице и подвеска для ткацкого станка (рис. 18, 25, 26), изготовленные из стенки крупного сосуда; от более поздних изделий этого вида подвеска отличается отсутствием отверстия для подвешивания: ее заменяет неровно вырезанная ложбинка.

Встречались, хотя и в небольших количествах, обломки жженого кирпича толщиной 6—8 см. Кирпич хорошего обжига, глина грубоватая, плохо промешанная, пористая. Как уже указывалось, нахождение обломков жженого кирпича в этих, несомненно, древних наслоениях, не может быть неожиданностью: применение его известно с глубокой древности. В Сузах уже в начале II тысячелетия до н. э. жженный кирпич употреблялся для вымостки полов в дворах зданий и устройства сводов в погребениях³⁹.

Довольно обширный керамический комплекс из древней котловины дополняли лишь немногие находки других видов. Найдено несколько фрагментов мраморных блюд из серого с черными прожилками мрамора⁴⁰. Блюда чаще круглые, с невысоким, плоским сверху, бортиком (рис. 18, 28—30); обнаружен один крупный фрагмент блюда с поддоном (рис. 18, 31). Эти мраморные сосуды — с гладкими, как бы отшлифованными поверхностями. Диаметр блюд 20—32 см, высота около 5 см.

Мраморные блюда также с невысокими бортиками, но несколько иной формы найдены в наслоениях Кой-Крылган-калы⁴¹.

Камни различной формы использовались в качестве терок: встречались терки округлые, с одной или несколькими рабочими поверхностями, пластинчатые, в виде пестиков. Округлые камни, возможно, служили и ядрами для прачи⁴².

Отмечено несколько фрагментов бирюзы, еще не обработанной, вместе с породой, в которую они были вкраплены, и обломок бирюзовой бусины⁴³.

³⁸ Тереножкин А. И. Указ. соч., рис. 69, II, 9.

³⁹ Ghirshman R. Suse. Compagne de l'hiver, 1965—1966. Rapport préliminaire, Paris, 1967, Tome XV, p. 5, 12.

⁴⁰ По определению геолога В. Горра, мрамор происходит из месторождения Аманкутан, известного в горах Зарафшанского хребта.

⁴¹ Кой-Крылган-кала, с. 143—144, табл. XVI.

⁴² Там же, с. 137—139.

⁴³ Фрагменты бирюзы переданы для анализа Е. Б. Пругеру. Приводим его заключение. «Анализировались три кусочка бирюзы из стерильного слоя VI—IV вв. до н. э. Один — светло-зеленого цвета; второй — плотного небесно-голубого с вмещающей породой — кварцем, третий — прожилок светло-голубого цвета в сланце. В результате спектроаналитического изучения находок и сравнения их с анализами самоцвета древних рудников Средней Азии установлено, что все три образца добыты на месторождениях Аякаши I и Аякаши II в горах Букантау (Внутренние Кызылкумы).

Из металлических изделий найдены обломок медного ножа, обломок круглого медного стерженька и бронзовый наконечник стрелы. Обломок ножа представляет собой одностороннее лезвие, к концу приостренное с двух сторон⁴⁴. Длина сохранившейся части ножа 5,5 см, ширина 1,4, толщина до 0,2 см (рис. 20, 4).

Наконечник стрелы, трехперый, с открытой втулкой, длина 3,4 см; он похож на найденный нами в северной части городища Афраснаб⁴⁵, но с более резко выраженными лезвиями-перьями, со срезанными концами (рис. 15, 1). Такие же или почти такие наконечники стрел обнаружены в наслоениях Кюзелигыр в Хорезме,

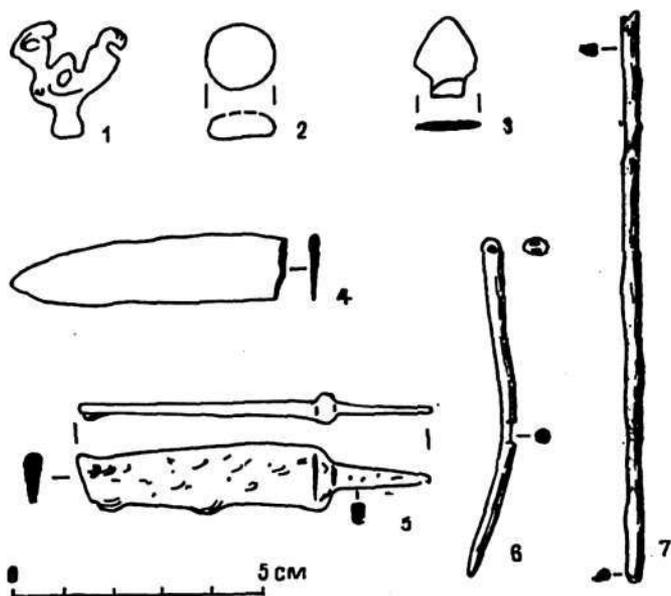

Рис. 20. Металлические изделия и вкладыш из горного хрусталя (?);

1—бронзовая подвеска; 2—вкладыш из горного хрусталя (?);
3—наконечник стрелы (?); 4—обломок медного ножа; 5—обломок железного ножа; 6—медная иглолка; 7—медный стержень.

датированы они VI—V вв. до н. э.⁴⁶ В. М. Массон считает заглубленной эту датировку и относит их к V—IV вв. до н. э.⁴⁷ Описанный выше наконечник стрелы А. И. Тереножкин датирует концом

⁴⁴ Л. И. Альбаум определил, что нож был литой, подобные ножи известны в наслоениях VI в. до н. э. одного из памятников Сурхандарьинской области — Кучуктепа. Возможно, что для данного комплекса эта находка случайна, быть может, она происходит из более раннего слоя, как и некоторые фрагменты керамики, однако не исключено, что использование медных литых ножей продолжалось и в IV в. до н. э.

⁴⁵ Кабанов С. К. Ареал и эволюция двух древних керамических форм.— СА, 1964, № 3, с. 81, рис. 2, 2.

⁴⁶ Толстов С. П. Итоги работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1953 г.— ВДИ, 1955, № 3, с. 193.

⁴⁷ М а с с о н В. М. Указ. соч., с. 46—47.

VI — первой половиной V в. до н. э.⁴⁸ Вряд ли можно согласиться со столь узкой датировкой этого вида наконечников стрел: по данным И. Н. Медведской, «часто тип наконечника почти не меняется в течение двух-трех веков»⁴⁹.

Если проследить эволюцию трехлопастных втульчатых наконечников стрел в VI—IV вв. до н. э. по материалам раскопок сарматских погребений, то выявляется общая тенденция их развития; в начале этого периода преобладают наконечники с опущенными вниз концами перьев, а в конце — они с косыми срезами⁵⁰. Рассматриваемый наконечник стрелы — со срезанными концами перьев, его можно отнести к концу указанного периода — IV в. до н. э. Из приведенного описания материалов, извлеченных из завалов котловины, видно, что их тоже можно датировать IV в. до н. э.: этому выводу не противоречит ни состав комплекса, ни его положение в стратиграфии исследуемого участка городища. Несомненно, он относится еще к периоду Афрасиаб I, но это его самая поздняя стадия — более поздняя, чем выделенная выше стадия Афрасиаб IA: ее тоже условно можно назвать стадией Афрасиаб IB. К этой же стадии относится слой, обнаруженный под паховой кладкой фундамента при расчистке поздней землянки в западной части раскопа; в нем найдены фрагменты сосудов, аналогичные находкам в котловине. Там же, в перемешанном грунте, отмечен обломок железного ножа (рис. 12, 5).

В котловине собраны кости животных, представляющие, несомненно, пищевые отходы. Всего определено⁵¹ около 1 тыс. костей, из них 65% — кости крупного рогатого скота, 25 — мелкого рогатого, 10% — остальных домашних животных (свиньи, ослы, лошади, верблюды, собаки). Найдено пять птичьих (курица) костей и только две кости дикого животного — джейрана. Б. Х. Батыров отмечает, что преобладание крупного рогатого скота необычно, «так как на других участках этого же района преобладал мелкий рогатый скот». Однако кости животных из наслоений IV в. до н. э. еще не определялись на Афрасиабе, как и при раскопках памятников Согда вообще. Конечно, мелкие кости мы могли упустить при раскопках, но не в таком количестве, чтобы существенно изменить общую картину. Видимо, в рационе древних горожан мясо крупного рогатого скота имело преобладающее значение. По заключению Б. Х. Батырова, порода крупного рогатого скота была довольно мелкой, однако встречались крупные особи, видимо, это были волы.

⁴⁸ Тереножкин А. И. Вопросы периодизации и хронологии древнейшего Самарканда, с. 93.

⁴⁹ Медведская И. Н. Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии и Казахстана.—СА, 1972, № 3, с. 85.

⁵⁰ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов. М., 1961, с. 110—140.

⁵¹ Osteологические материалы определил доцент биологического факультета СамГУ Б. Х. Батыров. Приведенные здесь данные из его заключения от 25 сентября 1969 г. несколько округлены.

Как указывалось выше, исследованная котловина перекрывалась слоем, содержащим материалы, примерно синхронные керамике из зерновой ямы и относящиеся к периоду Афрасиаб II. Толщина этого слоя около 1 м, но границы его четко не установлены, так как разновременные, хотя и близкие по времени завалы, перемешаны в ходе их образования. Поэтому, на наш взгляд, целесообразнее сначала рассмотреть комплекс из описанной выше зерновой ямы, как более полный, а главное изолированный от посторонних примесей, что позволит более точно определить материалы этого времени из слоя, перекрывающего котловину.

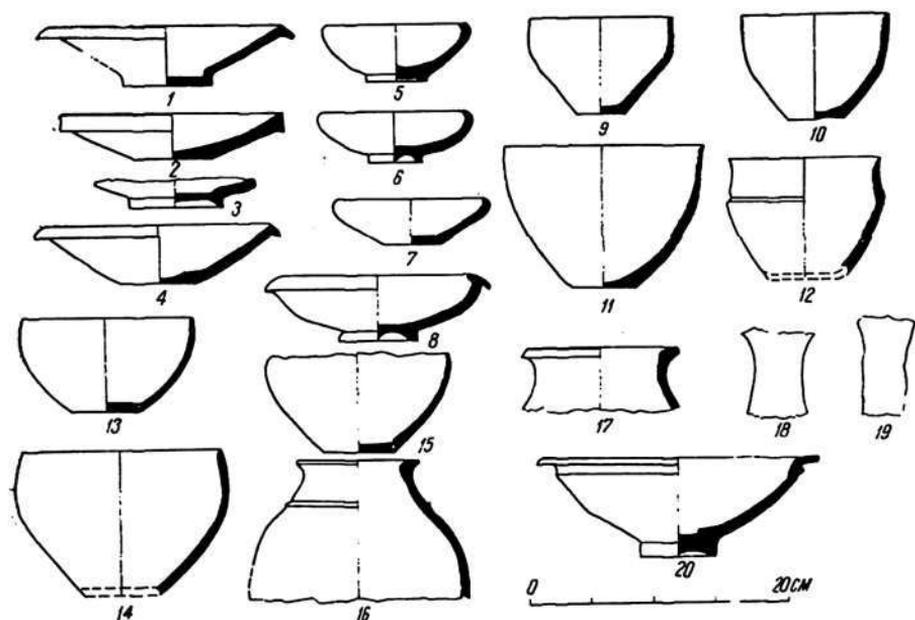

Рис. 21. Керамический комплекс из зерновой ямы. Тонкостенная керамика III в. до н. э.

Одна из наиболее характерных керамических форм комплекса из зерновой ямы — уже упоминавшиеся «рыбные блюда». Всего отмечено десять таких сосудов различной сохранности, из них семь красноглиняных, три сероглиняных. Сосуды, напоминающие тарелки (рис. 21, 1—4), с прямыми, полого расширяющимися стенками, завершенными профилированным наружу венчиком. Обычны «рыбные блюда» на поддоне, однако встречаются и без поддона. Внутри в центре доньшка обязательно круглое углубление (рис. 25, 1, 2). В наиболее качественно изготовленных сосудах углубление со строго вертикальными стенками, в других — края углубления сглажены или смяты. Чаще всего красноглиняные сосуды покрыты желтоватым или беловатым ангобом, иногда непрочным, отслаивающимся. Высоким качеством изготовления от-

личаются сероглиняные сосуды этого вида, один из них — с полсчатым лощением.

Выявлено десять экземпляров сосудов типа уплощенных чаш; условно мы их называли блюдами (рис. 21, 5—7). Диаметр их 11—12 см, высота 4—5 см. Блюда чаще на поддонах, но встречаются и без них. Тонкие стенки сосудов слегка закругленные, завершаются сверху слегка загнутым внутрь венчиком. Все сосуды красноглиняные, покрыты беловатым ангобом сплошь или только снаружи, иногда лишь по краю. На некоторых сосудах ангоб отпал или истерт.

Блюда распространены так же, как и «рыбные блюда», обычно они встречаются в одном комплексе. На городище Афрасиаб их часто находили в наслоениях III—II вв. до н. э.

Видимо, генетически с блюдами связаны сосуды типа миски, более крупных размеров, изысканной формы (рис. 21, 8). Отмечен сосуд на поддоне, с глубоким выемом на нижней поверхности. Стенки закругленные; внутри образуется полусферическая поверхность, сверху завершающаяся выступающим внутрь венчиком, профилированным и наружу; в разрезе венчик напоминает букву «т» с закругленной верхней поверхностью. Сосуд сплошь покрыт плотным красным ангобом, внутри с сетчатым лощением. Диаметр сосуда 15 см, высота 5,5 см. Подобные сосуды часто встречаются и на городище Афрасиаб, в наслоениях III—II вв. до н. э.⁵²

Одна из наиболее характерных керамических форм описываемого комплекса — кубки на почти плоских (с легким выемом) донцах; корпус плавно расширяется кверху, устье образовано прямой круговой стенкой, без венчика. Возле дна ямы найдено три таких почти целых сосуда (рис. 21, 9—11). Самый крупный из них высотой 11,6 см смят при изготовлении: устье у него овальное, в поперечнике 13—16 см, с трещинкой; это — бракованный сосуд (рис. 24). Кубок покрыт плотным красным ангобом, с лощением. Высота наименьшего из сохранившихся кубков 7,7 см, диаметр устья 11 см. На внешней поверхности, в середине корпуса, в результате особенностей обжига (был закрыт доступ кислорода) образовалась штриховая спиралевидная полоска черного цвета. Все кубки — без высоких ножек, характерных для сосудов этого вида как более ранних, так и поздних периодов. Найдено два фрагмента, похожих на ножки кубков (рис. 21, 18, 19), видимо, относящихся к другим видам сосудов — вазам или курильницам.

Похожи на кубки сосуды несколько иного вида — со слегка сужающимися у устья стенками (рис. 21, 13—15); это также тонкостенные сосуды, отличающиеся от кубков и худшей техникой изготовления: они более слабого обжига, снаружи покрыты серым ангобом. Эти сосуды — типа чаш, они крупнее, диаметр устья 13—16 см, высота 8—12 см.

⁵² Ш и ш к и н а Г. В. Керамика конца IV—II вв. до н. э. (Афрасиаб II). — В сб.: Афрасиаб, вып. III, с. 39, рис. 5, 7—10.

Узкогорлые сосуды встречены лишь в фрагментах (рис. 21, 16—17); вероятно, это обломки кринок.

Толстостенных сосудов и их обломков найдено относительно немного. Почти целым взят сосуд с широким устьем, обрамленным скобообразным в разрезе бортиком (рис. 22, 1), опирающимся на расширенную часть корпуса, плавно сужающегося к плоскому дну. Сосуд из желтоватой глины, белый ангоб сохранился плохо. Высота сосуда 13,3 см, диаметр корпуса 20, устья 16 см. Своеобразен сосуд с широким устьем, превышающим ширину корпуса, сужающегося ко дну (рис. 22, 2); устье обрамлено широким пластинчатым венчиком, профилированным наружу. Сосуд из розоватой глины, покрыт плотным белым ангобом. Высота сосуда 14 см, диаметр

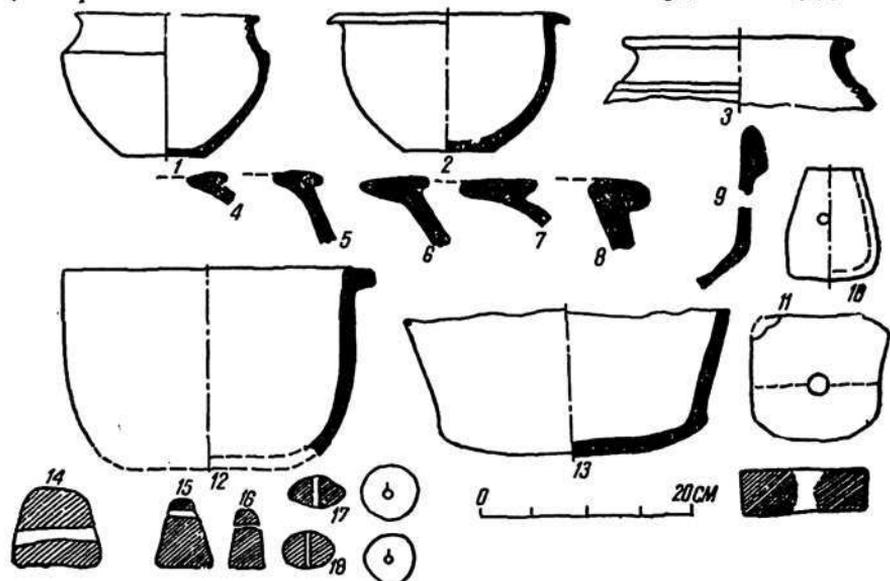

Рис. 22. Керамический комплекс из зерновой ямы. Толстостенная керамика III в. до н. э.

устья 19 см. Отличается совершенством техники крупный сосуд, от которого сохранилась только горловина, в разрезе скобообразная, снизу обрамленная валиком (рис. 22, 3); сосуд покрыт плотным красным ангобом с лощением.

Характерны венчики крупных сосудов с широкой сверху плоскостью; они загнуты внутрь и слегка профилированы наружу (рис. 22, 4—7); подобные венчики А. И. Тереножкин отнес к периоду Афрасиаб III⁵³.

Керамика лепной работы встречалась очень редко. Найден целый сосудик, грубо слепленный, вытянутый в высоту, асимметричный, расширенный к доньшку (рис. 22, 10); устье узкое, без вен-

⁵³ Тереножкин А. И. Указ. соч., рис. 69, IV, 7—8.

чика. Примерно в середине корпуса — отверстие, признак несохранившегося носика. Высота сосуда 11 см; это поильник для детей. Наиболее массовым видом сосудов лепной работы были котлы: один крупный фрагмент позволил восстановить форму этого вида (рис. 22, 12). Сосуд с широким устьем, без венчика, с прямыми стенками корпуса, плавно закругляющимися к днищу. Ручка в виде круглого выступа у края сосуда. Лепились котлы из хорошо промешанной глины с примесью толченного камня для жаростойкости. Высота описываемого сосуда не менее 18,5 см, диаметр устья 27 см.

Кроме посуды, в завале, заполнявшем зерновую яму, попадались и другие виды изделий из обожженной или необожженной глины. Обнаружено приспособление из глины слабого обжига, копусовидной формы, со сквозным отверстием (рис. 22, 14). Высота поделки 8 см, таков же и диаметр у основания. Можно предположить, что это «шашлычница». Встречались подвески двух видов — пирамидальные (рис. 22, 15—16) и дисковидные или округлые (рис. 22, 17, 18). Пирамидальные подвески для ткацкого станка широко известны в археологической литературе⁵⁴, мы их уже находили в слое Афрасиаб IB (рис. 18, 25), однако там отверстие для подвешивания заменяла ложбинка. Дисковидные подвески можно было бы принять за пряслица, но у них у отверстия образовывался желобок от нити, что ясно указывало на использование данного изделия в качестве подвески. Терракотовая плитка с отверстием в середине, сделанная после обжига (рис. 22, 11), видимо, тоже была подвеской.

Кроме керамики, в заполнявшем яму завале было довольно много костей животных. Найден один предмет из горного хрусталя (?). Это дисковидный кружок диаметром 1,3 см, видимо, вставка в ювелирное изделие (рис. 20, 2).

Как уже отмечалось выше, в слое, перекрывавшем зерновую яму, обнаружен крупный сосуд с другим сосудом (типа «рыбного блюда») внутри; здесь уместно более подробно остановиться на этой находке. Сосуд с шаровидным корпусом, слегка вытянутым в придонной части. Узкое горлышко отделено от корпуса валиком; прямоугольный в срезе венчик профилирован наружу. Сосуд красноглиняный, покрыт плотным белым ангобом. Высота сосуда и диаметр его корпуса одинаковы по размеру — 38 см. Одинаковы также диаметры дна и устья сосуда — 19 см, т. е. они равны радиусу корпуса сосуда. Видимо, такая пропорция в соотношении частей сосуда достигнута в результате предварительного расчета гончаров. Сосуд типа «рыбного блюда» (рис. 21, 20), находившийся в описанном крупном сосуде, отличался большей высотой: если остальные сосуды похожи на тарелки, то этот скорее на миску. Сосуд на невысоком поддоне, с закругленными в разрезе стенками, завершенными широким венчиком. Внутри в середине доньшка —

⁵⁴ Кабанов С. К. Археологические данные по истории Нахшеба в III—V вв. — ВДИ, 1956, № 2, с. 167.

углубление, окруженное едва заметным валиком — признак, не встречавшийся в сосудах этого вида из комплекса зерновой ямы, но отмеченный ранее на сосудах из раскопа в северной части городища⁵⁵. Высота описываемого сосуда 8,2 см, диаметр устья 22,5 см.

Отмечено несколько фрагментов гончарных изделий древнего облика: один из них — венчик сосуда в виде профилированного наружу широкого валика, второй — часть подкошенного донца. Найдена еще медная изогнутая игла; длина ее 6,8 см, диаметр ушка 0,4 см (рис. 20, 6).

Из находок в слое, прикрывавшем зерновую яму, наиболее характерен и известен сосуд типа «рыбного блюда». Хотя он и отличается от сосудов этого типа несколько большей глубиной и наличием валика вокруг углубления в доньшке, тем не менее эта находка показывает, что яму можно датировать тем же периодом Афрасиаб II, определенным А. И. Тереножкиным IV—III вв. до н. э., Г. В. Шишкиной — концом IV—II в. до н. э. Ниже мы попытаемся уточнить датировку собранных нами материалов.

Теперь рассмотрим материалы периода Афрасиаб II, извлеченные из слоя, перекрывающего котловину в восточном раскопе. Как и в зерновой яме, здесь были сосуды типа «рыбных блюд» с уже указанными выше отличиями (рис. 23, 5, 7); эти признаки сближают найденные здесь сосуды этого типа с «рыбным блюдом» внутри крупного сосуда, вкопанного над зерновой ямой, что свидетельствует об их более позднем применении. Все эти сосуды хорошего обжига, покрыты красным ангобом или различных оттенков черного, что, видимо, зависело от условий обжига, а не от состава раствора. Попадались сосуды и с черным ангобом. Размеры этих сосудов обычно небольшие: диаметр до 22 см, высота до 7 см.

Встретился фрагмент крупного (диаметр около 40 см) сосуда с усложненным двухъярусным венчиком, с выступом наружу (рис. 23, 18). На внешнюю поверхность венчика нанесен штампованный орнамент, сверху, по краю устья, в виде скоб, на верхней поверхности выступа в виде подковок. Сосуд очень сильного обжига, видимо, до плавления глины; цвет черепка серый. Сверху сосуд покрыт плотным коричневым ангобом.

Несколько грубее, чем сосуды из зерновой ямы, изготовлены блюдца (рис. 23, 9, 10, 13), с почти прямыми стенками и загнутым венчиком; сосуды покрыты серым или светло-желтым ангобом. Отмечено два фрагмента кубков очень хорошего обжига, сплошь покрытых плотным красным ангобом, местами коричневого оттенка, с лощением. Характерен плавный изгиб стенок корпуса (рис. 23, 2, 6).

Узкогорлые сосуды типа кувшинов или кринков встречались лишь во фрагментах (рис. 23, 8, 11); шейка узкая, с плавным переходом к корпусу. Видимо, к типу кринков можно отнести более

⁵⁵ Кабанов С. К. Изучение стратиграфии городища Афрасиаб.—СА, 1969, № 1, с. 189.

крупный сосуд со скобообразным в срезе туловом и уплощенным венчиком (рис. 23, 4). Целым найден сосуд типа кувшинчика — поильник для детей (рис. 23, 16); он относительно толстостенный, покрыт черным ангобом. Фрагмент крупного сосуда с проушной ручкой (рис. 23, 15) слеплен из жаростойкой глины с примесью дровы.

Котлы полусферической формы (рис. 23, 12, 17) лепились из жаростойкой глины при помощи шаблона: стенки их очень ровные и снаружи и внутри. Котлы закреплялись на очаге при помощи массивных выступов-ручек, наклепанных у края устья. Это очень

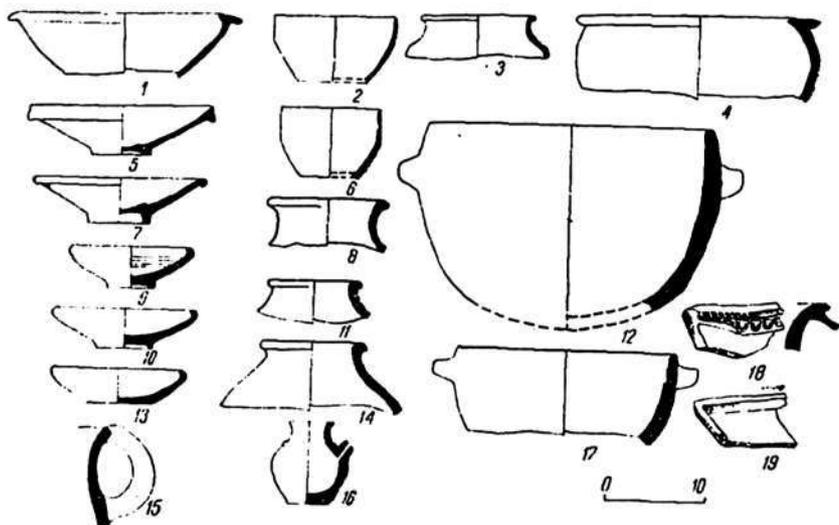

Рис. 23. Керамический комплекс III в. до н. э. из слоя, перекрывавшего котловину (19—обломок мраморного блюда).

устойчивая керамическая форма, характерная для всей второй половины I тысячелетия до н. э.⁵⁶

Наиболее крупные сосуды типа хумов или хумчи широкогорлые, со слабым изгибом корпуса; венчик профилирован наружу, с плоской верхней поверхностью. На одном из них после обжига процарапан знак в виде волнистой линии (рис. 19, 22). Встречаются сосуды с очень резко профилированным внутрь пластинчатым венчиком.

К описанному комплексу периода Афрасиаб II, возможно, относится и найденный на небольшой (около 1,5 м) глубине бронзовый наконечник стрелы, трехперый, с открытой втулкой, как и

⁵⁶ Филанович М. И. К характеристике древнейшего поселения на Афрасиабе.— В сб.: Афрасиаб, вып. I, с. 218: 4, 7; Кабанов С. К. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб.— В сб.: Афрасиаб, вып. II, с. 49, рис. 11, 20—22.

найденный в слое Афрасиаб IB, но с менее четко выраженными жальцами (рис. 15, 2); длина наконечника 3,9 см.

Итак, рассмотрены довольно обширные материалы, относящиеся к периоду Афрасиаб II; намечено две стадии в развитии керамических форм, древнейшая из которых представлена материалами из зерновой ямы, более поздняя — из слоя над этой ямой и из среднего слоя котловины, вскрытой в восточном раскопе.

Выше был описан массив паховой кладки, являющийся, по нашему определению, фундаментом постройки башенного типа. При заложении разреза в северной части массива, кроме мелких обломков керамики, угольков, вкрапленной обожженной земли, найдена еще бронзовая подвеска высотой 2,2 см в виде двуглавой птицы (рис. 20, 1, 15, 3). Подвеска на неустойчивом основании с ушком. В литературе аналогий этому предмету не найдено.

Для исследования северо-восточной части нашего участка был заложен шурф (рис. 10, 1). Древние наслоения здесь не обнаружены. До глубины 2,5 м вскрывались завалы, образовавшиеся в IX—X вв., ниже обнаружился материковый лесс, в котором нашли яму того же времени, выявленную в северо-восточном углу шурфа.

Если нижние наслоения, раскрытые в нашем раскопе, состоят почти из сплошных завалов, то и в верхнем средневековом слое конструктивных остатков сохранилось немного: два тонюра для выпечки хлеба (их основания) и две землянки. Было довольно много бадрабов, оставшихся не расчищенными. В завалах много фрагментов керамики, стекла, встречались отдельные небольшие обломки изделий из железа. Выше отмечена находка двух согдийских монет конца VII в. Материалы этого слоя мы опишем кратко, поскольку они уже широко известны из других раскопов на Афрасиабе.

Из поливной посуды наиболее характерны два вида сосудов типа блюд или блюдец. Один из них, более ранний, характеризуется мутно-белой поливой с расцветкой зеленой и коричневатой красками в виде несложного растительного орнамента и пятен расплывчатого контура. Поддоны этих сосудов плоские. Описанный вид поливной посуды широко распространен на Афрасиабе, датируется он второй половиной IX в.⁵⁷ Второй вид поливы — под прозрачной глазурью плотный белый ангоб с эпиграфическим орнаментом, нанесенным черной краской. Донца тоже плоские, лишь слегка вогнутые. Этот вид поливы датируется X в. К этому же времени можно отнести сосуды с разработанным растительным орнаментом, почти закрывающим белый фон. Блюда — на уплощенном поддоне. С керамикой середины X в. найден фрагмент фарфоровидной чаши, по определению Г. В. Шишкиной, китайской.

Из неполивных сосудов в особенности характерны небольшие кувшины; из них три сосуда взяты в относительно хорошей сохранности. Один из них — грушевидной формы, с очень крутыми плечиками, плавно переходящими в узкую горловину. Ручка в виде

⁵⁷ Здесь и ниже датировка поливной посуды принадлежит Г. В. Шишкиной.

круглого вертикального стержня, сверху круто загнутого к венчику; на вершине ручки виден круглый налест — признак относительной древности сосуда, возможно, VIII в. Высота сохранившейся части кувшина 22 см. Во втором кувшинчике горлышко не сохранилось, но по его остатку видно, что оно было цилиндрическим. Корпус в виде обращенного вниз усеченного конуса, на широком поддоне. Подобные сосуды отмечены на городище Варахша в слоях X в.⁵⁸ Обнаружен еще почти целый миниатюрный кувшинчик (высота 10,5 см), относительно толстостенный, с удлиненным по соотношению с корпусом горлышком. В нижней части корпуса прорезано отверстие: возможно, это поильник для детей.

Довольно много было обломков стеклянных флаконов; характерны высокие выступы на ручках сосудов. В наслоениях Варахши X в. найден целый флакон с такой ручкой⁵⁹.

* * *

Обследован участок городища Афрасиаб, давший новый значительный материал, характеризующий культуру населения древнего города на ранних стадиях развития. Основное значение этого материала в том, что с его помощью из комплекса ранее рассматривавшегося как единый — Афрасиаб I, выделено еще два других, которые на данной стадии исследования можно назвать Афрасиаб IA и Афрасиаб IB; особенно хорошо представлен последний. В соответствующем ему периоде намечаются уже некоторые признаки перехода к этапу Афрасиаб II; выше была отмечена переходная керамическая форма от чаш к мискам (рис. 17, 7—13); способ завершения стенки сосуда в виде отгиба наружу, признаки применения красного лощения, наличие сероглиняных сосудов связывают эту керамическую форму с комплексом Афрасиаб II⁶⁰.

Давно установлен факт сходства наиболее распространенных в середине I тысячелетия до н. э. керамических форм — цилиндрических и цилиндроконических — в основных культурно-исторических областях Средней Азии⁶¹. Разумеется, это сходство обусловлено примерно одинаковым уровнем развития производительных сил и культурно-историческими связями; непосредственная же причина сходства керамических форм заключалась в том, что орудие труда — гончарный круг — в основе был одинаковой конструкции⁶².

⁵⁸ Кабанов С. К. Раскопки жилого квартала X в. в западной части городища Варахша. Труды Института истории и археологии. Вып. VIII, Ташкент, 1958, с. 109, рис. 13, 15, 16.

⁵⁹ Там же, с. 113, рис. 18.

⁶⁰ Это предположение высказано Г. В. Шишкиной при ознакомлении с данной работой.

⁶¹ Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы, с. 62.

⁶² Сайко Э. В. К истории гончарного круга и развития форм керамики (по археологическим материалам Средней Азии). Душанбе, 1971, с. 108.

Известно, что в III в. до н. э. резко изменились формы сосудов, улучшилось их качество, они стали более дифференцированными по назначению и разнообразными; непосредственной причиной этого явления было изменение орудия труда — гончарного круга, улучшились рабочие возможности формирующего инструмента. На основе местных ремесленных традиций осваивались достижения соседних народов и греческих гончаров, обладавших высоким мастерством. Однако разрыва в ремесленном производстве не было, оно развивалось непрерывно вместе с общим подъемом производительных сил. Показателем непрерывности в развитии общества являются переходные комплексы Афрасиаб IА и Афрасиаб IБ.

Рис. 24. Кубок III в. до н. э. с плотным лощением.

Признаки переходных комплексов предметов материальной культуры в хронологических рамках VII—IV вв. до н. э. уже отмечены в различных культурно-исторических областях Средней Азии⁶³. Поставлен этот вопрос на небольшом материале и при стратиграфическом изучении наслоений городища Афрасиаб⁶⁴. Материалы из раскопа 25/VI, пожалуй, наиболее обширны из всех ранее известных в этом направлении.

Особый интерес вызывает находка в комплексах Афрасиаб IА и Афрасиаб I Б такой керамической формы, как кубок (рис. 25, 3).

⁶³ Филанович М. И. Гяур-кала. Труды ЮТАКЭ. т. XV. Ашхабад, 1974, с. 32—35; Зеймаль Т. И. Древнеземледельческое поселение Болдайтепе. — В сб.: Материальная культура Таджикистана, вып. 2, 1971, с. 80—100.

⁶⁴ Филанович М. И. К характеристике древнейшего поселения на Афрасиабе. В сб.: Афрасиаб, вып. 1, с. 214—216.

В самом деле, этот высокий сосуд можно изготовить только на быстровращающемся гончарном круге. Было принято считать, что кубки (или бокалы) появились не ранее III в. до н. э. «А появление этой формы в плане технического связано, с одной стороны, с развитием новых приемов формовки, с другой — с усовершенствованием старых приемов по обработке формы сосуда»⁶⁵. Теперь выясняется, что в городе, развалинами которого является Афрасиаб, кубки (бокалы) изготовлялись гораздо ранее, уже в V—IV вв. до н. э.; следовательно, уже тогда были разработаны приемы формовки высоких сосудов и был известен быстровращающийся гончарный круг. Позже, в III в. до н. э., он был усовершенствован, на нем изготовлялись более тонкостенные сосуды.

Ранее мы уже касались вопросов датировки отдельных комплексов и предметов. Подведем здесь краткие итоги.

Первоначальная датировка периода Афрасиаб I и соответствующего ему комплекса материалов VI—IV вв. до н. э. снята и сужена до VII—VI вв. до н. э.⁶⁶, древнейшие из найденных в описанном раскопе, видимо, нельзя датировать временем более ранним, чем VI в. до н. э., поскольку непосредственно перекрывающий его слой (Афрасиаб IA) можно датировать временем не более ранним, чем V в. до н. э. Самый обширный наш комплекс — Афрасиаб IB — еще более поздний — его можно датировать последней четвертью IV в. до н. э., так как в нем уже наметились признаки эллинистических влияний.

В специальной статье Г. В. Шишкиной, посвященной этому периоду, комплекс Афрасиаб II датируется концом IV — рубежом II и I вв. до н. э.⁶⁷ Для описанных выше материалов соответствующего периода можно предложить более узкую датировку. Конец IV в. до н. э. исключается; в это время страна залечивала раны после опустошительных походов Александра Македонского. Между тем керамические материалы из зерновой ямы — древнейшие из относящихся к периоду Афрасиаб II — показывают, что эти изделия — продукт очень развитого ремесленного производства: в них уже включены и предметы, заимствованные у иноземных мастеров, такие как «рыбные блюда» (рис. 25) и блюда с загнутыми внутрь краями; эти керамические формы, надо полагать, привнесены из стран Передней Азии⁶⁸. Вряд ли гончарное производство могло достигнуть такой степени развития за оставшиеся четверть века до конца столетия после ухода войск Александра Македонского; не мог так быстро отразиться и процесс взаимовлияния. Поэтому дату нижнего предела наших материалов из комплекса Афрасиаб

⁶⁵ Сайко Э. В. Указ. соч., с. 113.

⁶⁶ Филанович М. И. Указ. ст., с. 212; Тереножкин А. И. Вопросы периодизации и хронологии древнейшего Самарканда, с. 93.

⁶⁷ Шишкина Г. В. Керамика конца IV—II вв. до н. э. (Афрасиаб II), с. 50—51. Видно, при датировке периода Афрасиаб II конец IV в. до н. э. теперь снимается самой Г. В. Шишкиной.

⁶⁸ Кабанов С. К. Изучение стратиграфии городища Афрасиаб. — СА, 1969, № 1, с. 189—190.

сиаб II мы определяем III в. до н. э. Однако и расширить датировку их по II в. до н. э. мы не можем, поскольку они соответствуют материалам ранних этапов, установленных в статье Г. В. Шишкиной. Приведенные данные и сопоставления позволяют ограничить датировку обоих намечающихся этапов в развитии керамических форм периода Афрасиаб II одним столетием — III в. до н. э.

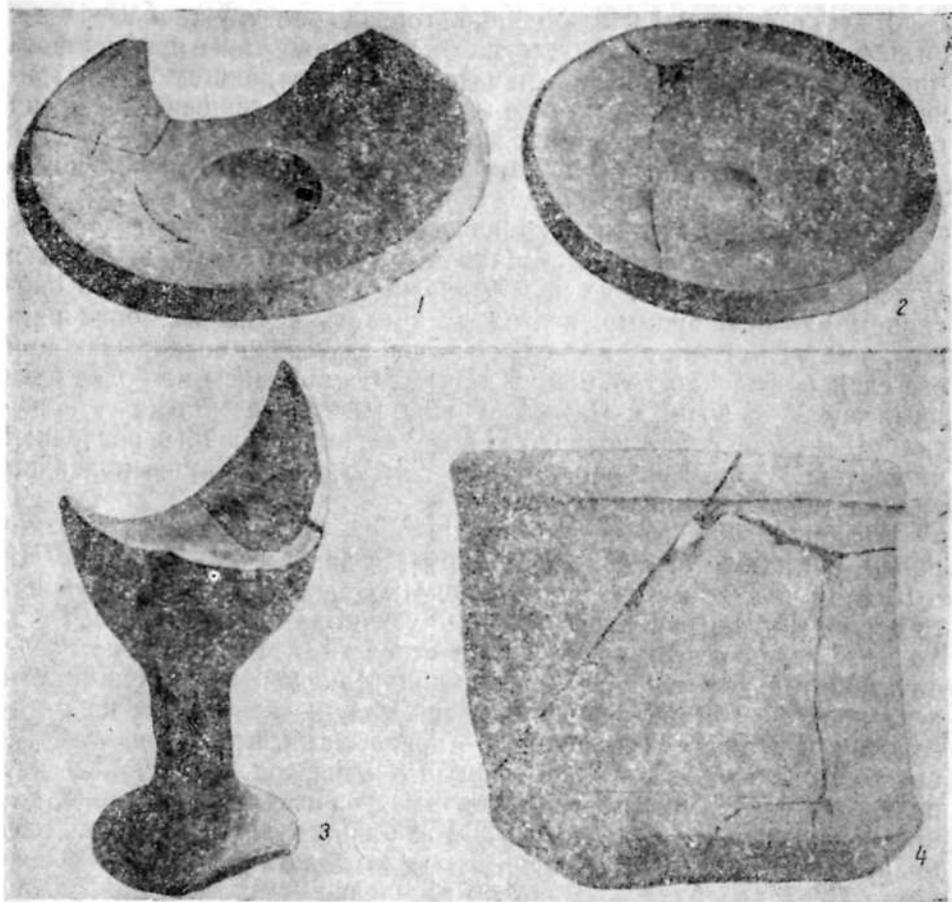

Рис. 25. 1, 2—сосуды III в. до н. э.—„рыбные блюда“; 3—кубок V—IV вв. до н. э.; 4—сосуд с подкошенным дном VI—V вв. до н. э.

Поскольку вскрытый в раскопе фундамент здания башенного типа перекрывает наслоения периодов Афрасиаб IB и Афрасиаб II, следовательно, это здание более позднее, однако не намного, — возможно, II—I вв. до н. э.; если бы это здание существовало, предположим, в первые века нашей эры, в так называемый «кушанский период», то можно было бы ожидать в раскопе и керамические находки этого времени, однако их не оказалось. Не было и керамики, датированной более поздним временем — V—VI вв. В дру-

гих частях городища, например, в северной, обнаружены наслоения времени кушан и эфталитов⁶⁹. Все эти признаки говорят о большом перерыве в обживании данного участка городища, вероятно, до VII в. В IX—X вв. эта часть средневекового города была густо заселена.

Итак, есть некоторые основания, правда, косвенного порядка, считать, что здание башенного типа, фундамент которого выявлен в описанном раскопе, возведено еще в поздние этапы периода Афрасиаб II, возможно, во II в. до н. э. Здесь уместно высказать и предположение о функциональном назначении этого здания.

С глубокой древности известны культовые сооружения башенного типа, основанные на мощных фундаментах-стилобатах; фундаменты таких сооружений выявлены в Южном Туркменистане, определяются они как руины культовых башен, воздвигнутых для алтаря огня⁷⁰. Возможно, что массив пахсовой кладки, исследованный в западной части городища Афрасиаб, служил фундаментом сооружения такого же назначения и был остатком башни, сооруженной для отправления жителями города культа огня⁷¹.

Хотя конструктивные остатки VI—IV вв. до н. э. в описанном раскопе не обнаружены, если не считать площадки неизвестного назначения у южного края котловины, тем не менее масса бытовых отходов свидетельствует о существовании здесь большого жилого массива, расположенного севернее: об этом говорят признаки продолжения древних наслоений севернее нашего раскопа и полное их отсутствие южнее. Оба эти факта, как можно полагать, будут полезными для восстановления топографии города в древнейшие этапы его развития; вероятно, в глубокой древности отдельные жилые массивы были разделены незастроенными участками.

⁶⁹ Кабанов С. К. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб. — В сб.: Афрасиаб, вып. II, с. 64—77.

⁷⁰ Филанович М. И. Башнеобразные культовые курильницы из Мерва. Труды ЮТАКЭ. т. XVI, 1978, с. 38—40.

⁷¹ Вскрытый массив, однако, представляет собой заглубленную часть какого-то сооружения (фундамент) и его интерпретация может быть связана с иным историческим периодом, когда в этом районе городища располагались наусы V—VI вв. н. э. — *Примечание Г. В. Шишкиной.*

КВАРТАЛ ГОНЧАРОВ X — НАЧАЛА XI в.

С юга и востока исследуемый квартал ограничен глубокой впадиной и проходящей по ее краю так называемой третьей городской стеной. На западе и севере в неглубоких ложбинках прослеживаются мощеные улицы. Такая же мощеная улица-проезд прорезала северо-восточную часть квартала гончаров. Наибольшая часть помещений квартала открыта на юг и запад от этого проезда. Сравнительно небольшая группа помещений расположена между городской стеной и проездом. В средней части проезд делает небольшой изгиб. Длина вскрытого участка улицы 47 м, ширина 3 м. Улица вымощена сланцем, месторождение которого находилось недалеко от Афрасиаба. Арабский историк и географ X в. Ибн Хаукал писал, что большинство улиц Самарканда вымощено камнем. Это сообщение подтвердили археологические раскопки последних лет на Афрасиабе. В настоящее время более чем в десяти пунктах городища выявлены остатки вымощенных улиц, связывающих кварталы города. В 1968 г. западнее изучаемого квартала обнаружена часть мостовой, направленной с севера на юг.

Археологические раскопки здесь (раскоп 23) начаты в 1961 г. Ш. С. Ташходжаевым¹ (рис. 28), заложившим стратиграфический шурф (4×4 м) 7-метровой глубины. Он открыл две гончарные мастерские и выявил четыре горизонта культурных наслоений. Первый — помещение гончарных мастерских. Второй горизонт, находящийся под ганчевым полом, достигает метровой толщины и состоит из остатков кирпичной кладки в западной части и слоя разрушения с включением угольков. Этот слой дал среди большого количества обломков неполивной керамики несколько фрагментов глазурованной посуды, украшенной куфической надписью, растительным побегом темно-коричневого цвета на белом фоне. В третьем горизонте — комбинированная кладка из двух рядов паховых блоков. Четвертый горизонт дал фрагменты красноангобной и черноангобной керамики. Эти слои подстилают материковый слой.

¹ Ташходжаев Ш. С. Художественная поливная керамика Самарканда IX — нач. XIII вв. Рукопись дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. Ташкент, 1963 г., с. 42.

В 1970 г. Ш. Шарахимов заложил десять шурфов-зондажей, углубленных до слоев периода раннего средневековья. Данные шурфов совпадают с наблюдениями в верхних слоях шурфа Ш. С. Ташходжаева. В 1965 г. на участке Г раскопа 23 работала Г. В. Шишкина, она начала археологическое исследование с нетронутой части холма, восточнее раскопа Ш. С. Ташходжаева (рис. 26). Для выяснения последовательности нарастания наслоений Г. В. Шишкина провела зачистки стенок бульдозерных траншей². На этом материале и используя данные Ш. С. Ташходжаева она выделила следующие периоды обживания участка: древнейший, связанный с находками краснолощенных кубков и датируемый первыми веками до нашей эры, и три периода, относящихся к средневековью (рис. 27). I период — время функционирования монументального комплекса дворцовых сооружений VII—VIII вв. н. э. II период отмечен существенными перестройками оставленного после длительной борьбы с арабами раннесредневекового квартала, датируемый концом VIII — началом IX в. III период характеризуется значительной перестройкой участка в связи с освоением руин древнего дворцового комплекса ремесленниками-керамистами, лишь отчасти использовавшими старые стены при строительстве жилых и производственных помещений. Квартал датируется X — началом XI в.

На участке Д раскопа 23 работала М. И. Филанович. Несмотря на незначительные остатки верхнего слоя, М. И. Филанович удалось выявить те же три строительных периода³. Хорошо прослеживается первый строительный период, относящийся к раннему средневековью. Второй период характеризуют два маленьких помещения размером 3,75×3,2 и 1,55×1,75 м. По данным исследования, жизнь здесь, на месте старых руин, возродилась в IX в., постройки возводились с использованием старых помещений. В жилом помещении второго слоя расчищен колодец, заполненный обломками керамики. В колодце найдены неполивная керамика, кухонные котлы, миски, широкогорлые и узкогорлые кувшины, неглазурованные чираги с ручками и без них, три фрагмента сосудов, глазурированных по черепку без ангоба, и полуфабрикаты. Кроме того, М. И. Филанович обнаружила три ямы, относящиеся к третьему периоду, заполненные на глубину до 3 м в основном отвалом бракованной посуды. Ямы содержат фрагменты поливной керамики X в., в числе которых — блюдо с изображением фантастического существа с круглым человеческим лицом, волнистыми черными волосами и звероподобным туловищем. М. И. Филанович предпола-

² Шишкина Г. В. Полевой отчет о работах на городище Афраснаб в апреле—июне и сентябре—октябре 1965 г., с. 3. Инв. № 260. Архив Ин-та археологии АН УзССР.

³ Филанович М. И. Отчет о работах на участке Р-23-Д Афраснаба в осенний полевой сезон 1965 г., с. 1. Инв. № 260. Архив Ин-та археологии АН УзССР.

Рис. 26. Общий вид раскопа 23 в 1965 г.

гает, что это изображение женщины-дива, вызывающее невольную аналогию с дивами пенджикентских фресок.

По данным В. А. Шишкина 1965—1966 гг., в верхних слоях квартала и отдельных бадрабах попадалась керамика под голубой глазурью, типичная для XII в. Можно предположить, что в самом

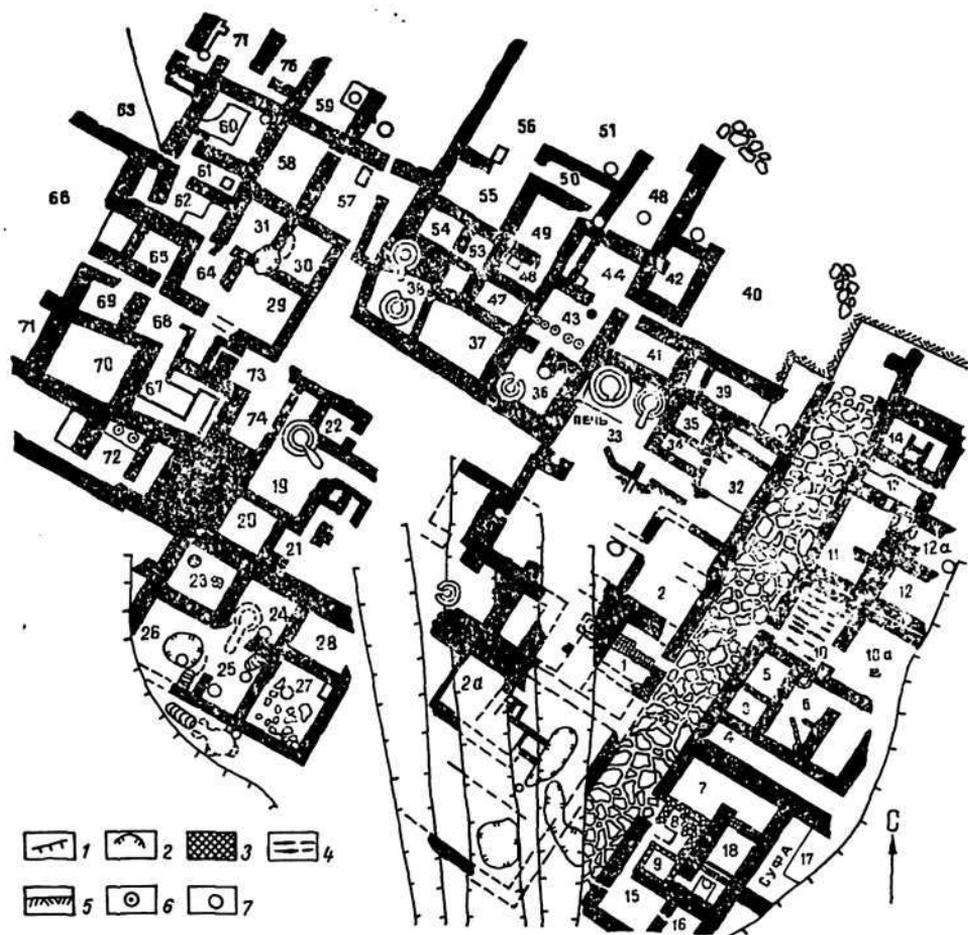

Рис. 27. План квартала гончаров:

1 — края бульдозерных траншей и обрывы; 2 — ямы; 3 — стены раннего периода; 4 — горелые балки; 5 — края раскопа; 6 — хум; 7 — ташнау.

верхнем горизонте данного объекта был не сохранившийся до нас комплекс, не отличающийся монументальностью; возможно, это были каркасные постройки. Таким образом, к уже упомянутым периодам добавляется еще один — четвертый, относящийся к последнему периоду жизни города на Афрасиабе.

Т. А. Агзамходжаев работал в западной части исследуемого объекта. Он вскрыл остатки двух помещений⁴, в которых обнаружили разнообразные формы поливной и стеклянной посуды, два клада медных монет, по 30 и 10 шт., относящихся к IX—X вв. Еще найдены железные предметы: ножи, серп, гвозди со шляпками. Здесь же отмечено два подземных помещения, обычных для Афрасиаба. Внутри этих сардобхана лежали фрагменты керамических сосудов и несколько медных монет.

Участок, где работала Д. П. Вархотова, расположен несколько южнее раскопа Ш. С. Ташходжаева. Верхний слой здесь сильно испорчен бульдозером. Площадь раскопа 120 м²; раскоп находится прямо над залом с росписью. В верхнем слое раскопа прослежены остатки стен помещений X—XI вв.⁵ Стены пахсовые или из сырцового кирпича (38×20×8 см), наиболее сохранившаяся высота стены 30—50 см. Обнаружено три помещения, в одном из них — алебастровая обмазка. В двух помещениях найдено два резервуара, обложенных жженым кирпичом, сверху они завалены керамическим отвалом.

В 1965—1966 гг. в восточной части квартала археологические раскопки вела Л. Г. Брусенко⁶. Она открыла несколько жилых и подсобных помещений гончаров и установила на данном участке три строительных этапа в пределах III периода: I этап — конец IX — середина X в.; II — вторая половина X в.; III этап — первая четверть XI в.

В северо-западной части квартала М. Н. Федоров открыл несколько жилых и подсобных помещений гончаров, которые отнес к гончарным мастерским и датировал концом X — первой половиной XI в.⁷ В. А. Шишкин датирует эту мастерскую X — началом XI в.⁸

В 1968—1971 гг. в течение восьми весенних и осенних полевых сезонов археологические раскопки квартала гончаров в центре городища Афрасиаб проводил Ш. Шарахимов, в результате которых открыл десять больших гончарных печей, две маленькие печи специального назначения, семьдесят четыре жилых, производственно-хозяйственных и подсобных помещений и дворики, вскрытых на площади 4 000 м² (рис. 32). Получен значительный материал для решения вопроса о характере гончарного производства в средневековом Самарканде.

Стратиграфические наблюдения, проведенные в процессе раскопок на территории квартала гончаров, позволили установить в

⁴ Агзамходжаев Т. С. Полевой отчет о работах на Афрасиабе весной 1965 г., с. 1. Инв. № 260. Архив Ин-та археологии АН УзССР.

⁵ Вархотова Д. П. Отчет о работах весеннего полевого сезона 1965 г. на Афрасиабе, с. 2. Инв. № 260. Архив Ин-та археологии АН УзССР.

⁶ Брусенко Л. Г. Раскопки квартала гончаров на городище Афрасиаб. — ИМКУ, вып. 8, 1969, с. 209.

⁷ Федоров М. Н. Дневник раскопок на городище Афрасиаб за 1966 г., с. 3. Архив Ин-та археологии АН УзССР.

⁸ Шишкин В. А. Кал'а и Афрасиаб. — В сб.: Афрасиаб, вып. 1, с. 145; Он же. Афрасиаб — сокровищница древней культуры. Ташкент, 1966.

пределах функционирования керамических кварталов три строительных периода⁹.

К первому строительному периоду относятся жилые помещения, датируемые на основе археологических и нумизматических материалов концом VIII—IX в. После разрушения дворцовый комплекс несколько десятилетий оставался в руинах и лишь в конце VIII в. эта территория вновь стала обживаться. Новые строения возводили на стенах раннесредневекового комплекса, частично используя их, частично перекрывая. В слоях этого периода обнаружено несколько фрагментов трехцветной расписной и одноцветной посуды, датируемой началом IX в., неполированная посуда того же периода и несколько монет IX в.

Ко второму периоду принадлежат парадные жилые помещения, датируемые концом IX — началом X в. После разрушения комплекса помещений первого строительного периода, в конце IX в. были построены новые парадные помещения, украшенные резьбой по глине. Стены их выявлены в северо-западной части раскопа. В слоях этого периода найдены фрагменты поливной и неполивной керамики, многочисленные медные монеты, чеканенные саманидским царем в Самарканде.

К третьему строительному периоду относится четырнадцать разнохарактерных хозяйств с печами, жилыми и подсобными помещениями (рис. 27). Этот период датируется на основе стратиграфического изучения и многочисленных нумизматических материалов X — первой половиной XI в.

Переходим к характеристике хозяйств гончаров.

Хозяйство № 1 занимает площадь 303 м², состоит из семи помещений, одного двора и одной гончарной печи (№№ 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45) (рис. 28). Гончарная печь находится в южной части хозяйства, а двор в северо-восточной. Помещения расположены компактно, связаны друг с другом дверными проемами. Само хозяйство занимает северо-восточную часть квартала и с востока граничит с улицей X в. Помещение 39 было жилым, что подтверждается его планировкой. Помещение 40 — это двор. Помещение № 41 рабочее, обнаруженный жернов-яргучок, основное из орудий труда гончаров, позволяет сказать, что здесь размельчали сырье для глазури и красок. Можно предположить, что в одном из углов помещения стоял гончарный круг. Мы нашли только нижние круги, сделанные из твердой горной породы. Обнаружены также различные орудия труда из кости и металла, которые современные гончары называют «харош». Помещение № 43 — хумхана, т. е. склад, где в хумах хранили запасы ангоба, красок и другого сырья. Помещение № 44 производственное, здесь готовили гончарную глину, формовали и раскрашивали гончарные изделия. По-

⁹ Шарахимов Ш. Результаты археологических исследований квартала гончаров в центре Афрасиаба. Тезисы доклада на сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. Ташкент, 1973, с. 171; Он же. К стратиграфии квартала гончаров в центре Афрасиаба. — ОНУ, 1973, № 10, с. 55—58.

мещение № 42 подсобное, складское. Здесь найдены два ящика-закрома, в которых хранили сырье и, возможно, готовые изделия.

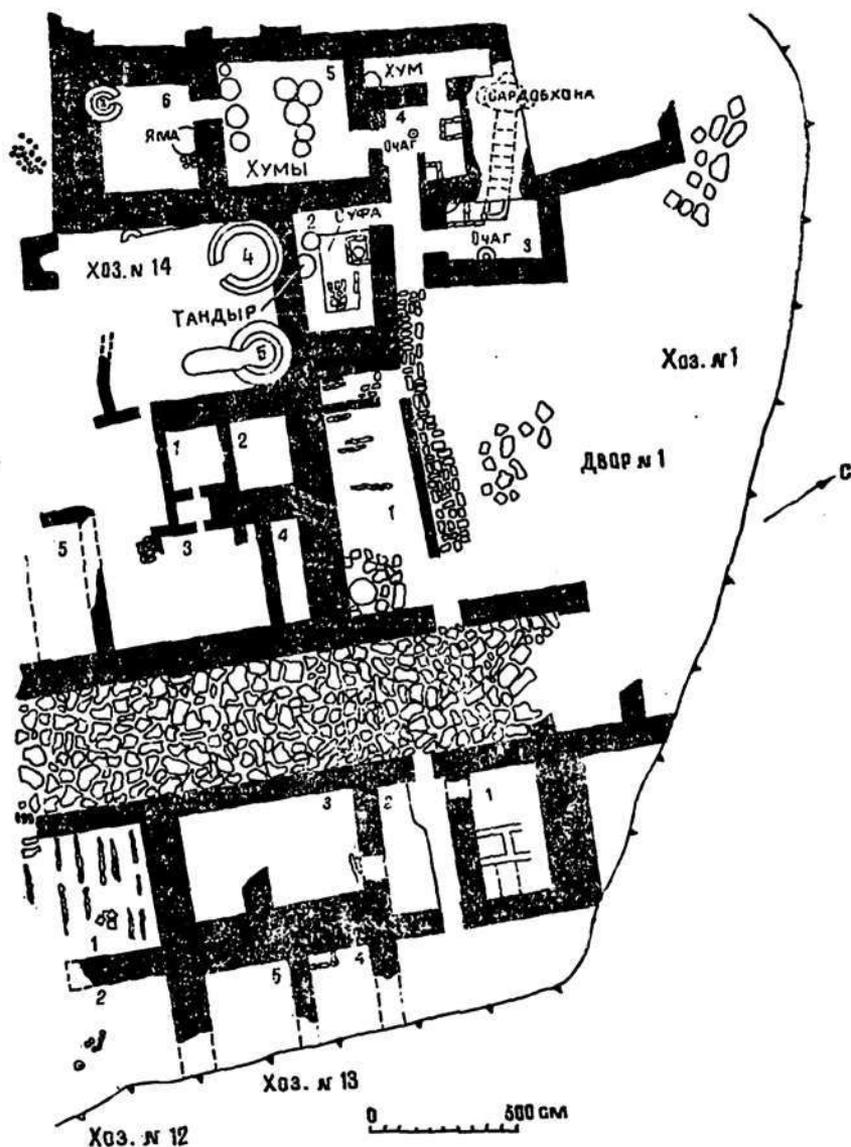

Рис. 28. Планировка хозяйств № 1, 12—14.

В этом помещении находился вход в сардобхану. В одном углу обнаружен хум, закопанный в землю.

Во время раскопок отмечено большое количество поливной керамики. Хозяйство № 1 производило высококачественные поливные блюда, чаши, пиалы, кувшины, вазы, крышки, светильники, чернильницы. Собрано большое количество краски разного цвета и сырья для поливы. В хозяйстве № 1 найдено несколько кусков волластонита, свинца и олова, употребившихся в гончарном деле.

Помещение 39 в плане прямоугольное, размер его 6×3 м. Расположено в северной части квартала, дверной проем шириной 1,30 м выводит к мостовой X в. Стены помещения — из пахсы. В период последнего обживания южную стену подремонтировали сырцовым кирпичом размером 35—36×20×7 см. Кирпичи уложены вертикально. В юго-восточном углу обнаружен ташнау с трубой, пол вокруг него выстлан чупанатинским сланцем. Уровень первого пола лежит на границе 6—7-го ярусов. В конце существования помещения 39 в нем произошел пожар, о чем свидетельствуют четыре обугленные балки, найденные на полу, большое количество золы и угля, обожженные стена и полы. В помещении ниже первого пола обнаружена монета Наср ибн Ахмада чеканки Самарканда в 271 г. (885). Узкой перегородочной стенкой из сырцового кирпича помещение отделено от коридора размером 3,40×1 м, расположенного западнее. Пол коридора выстлан жженым кирпичом (22×22×4 см). Здесь тоже видны следы пожара — упавшие балки, зола и уголь. Когда это помещение пришло в негодность, гончары превратили его в склад для отходов производства. Так здесь возник керамический отвал, образовавшийся из бракованной посуды, печных припасов, шлака и большого количества фрагментов поливной керамики. Этот керамический отвал богат археологическими находками. Здесь найдены вазы высотой 15—20 см разных форм и орнаментов, блюдо с изображением голубя, пять керамических чернильниц — «сиёхдон» и четыре стеклянные чернильницы в гипсовой оправе, очень много светильников плоской формы с зеленой поливой, поливной светильник с длинным носиком, покрытый точечным орнаментом, подставка для светильника с зеленой поливой, целая поливная коса и несколько поливных пиал. В отвале обнаружено много печных припасов: штыри, сепаи, шлак, деформированная посуда, посуда после первого обжига. Отмечено несколько монет, железные и стеклянные изделия.

Номером 40 обозначен двор в северо-восточной части квартала гончаров, самый большой из исследованных нами дворов. Его площадь составляет 180 м². В южной части двора, возле северной стены помещения № 39 идет выстилка жженым кирпичом размером 22×22×4 см (рис. 28). Выстилка рваным сланцем идет в направлении с северо-запада на юго-восток на том же уровне, что и кирпичная. В западной части двора находится ташнау, вокруг которого двор выстлан жженым кирпичом. Западная часть двора ограничена массивной стеной, идущей в направлении с севера на юг. Восточная сторона ограничена вымощенной улицей X века. При чистке двора нами замечены следы пожара: обожжен-

ные черепки в золе, кости животных, уголь. В золе найдена монета Мансур ибн Нуха, чеканенная в Бухаре в 358 г. (969 г.). Пожар, положивший конец существованию помещений в северо-восточной части квартала гончаров, оставил заметные следы. На поверхности двора, ниже пожарного слоя, земля хорошо отслаивается, видны отложения дождевых натеков и ветровых слоев. Все эти факты доказывают, что здесь был двор.

Помещение 41 в плане прямоугольное, размером 4,15×3 м, стены из пахсы. Оно расположено восточнее помещения 43 — хумханы. В середине комнаты суфа¹⁰ с маленьким очагом, пол вокруг которого выложен жженым кирпичом. В очаге обнаружены зола и угольки, земля вокруг него прокалена до красноты. Между суфой и северной стеной помещения находится резервуар, облицованный жженым кирпичом, размер его 70×60 см, высота резервуара от дна до пола суфы 30 см. Размер жженого кирпича 21×21×5 и 33×18×5 см. Внутри резервуара найден жернов-яргучок; это дискообразный кусок горной породы с отверстием в центре. Диаметр его 36 см, диаметр отверстия 3, толщина 4 см. Жернов предназначен для размельчения сырья поливы и красок.

В северной стене помещения находится дверной проем. При разборке верхней части суфы отмечено еще два очага один над другим, а ниже их большой ящик из сырцового кирпича крупного формага, возможно, для размещения продукции. Над этим помещением на глубину 15—20 см идет дерновый слой, ниже следует слой средней плотности, затем завал из кусков обожженных кирпичей и обожженной земли красного цвета. От более раннего строительного периода в описываемых помещениях обнаружен только небольшой фрагмент глинобитной стены длиной 4,2 м, шириной 60 см.

Отметим некоторые из находок. В квадрате Б-16 V яруса найдена одна монета — фельс второй половины VIII в. В нижних слоях отмечены крышка с зеленой поливой, донце косы с узором в виде розетки на красном фоне, верхняя часть шарообразной вазы с зеленой поливой, сосуд с туловом цилиндрической формы, зеленой поливой и венчиком, отогнутым наружу. Обнаружено два тандыра, относящихся ко II периоду; диаметр первого 65 см, толщина стенок 1 см, второго соответственно 70 и 1,5 см. Около них расположен ящик-резервуар размером 80×80 см, толщина его стенки 25 см, внутри него — зола и угли. Видимо, в таких резервуарах временно держали отходы и мусор из тандыра.

Помещение 42 в плане прямоугольное, размер его 4,50×3,50 м. Дверь расположена с южной стороны, ширина ее около 1 м. Стены сделаны из пахсы, толщина их 70 см. В помещении найдено два закроба из сырцового кирпича, в юго-западном углу — большой хум. Еще в помещении 42 открыта сардобхана (рис. 11). Форма ее обычная, часто встречающаяся на городище Афрасиаб.

¹⁰ Суфа — лежанка, стенки ее сделаны из сырцового кирпича, пространство между стенками заполнено землей.

Сардобхана ступеньками опускается вниз, по бокам входа в нее — две ниши, в одной из них обнаружен светильник. Это помещение вроде подвала, высотой выше среднего человеческого роста. Вдоль сардобханы расположена лежанка — суфа и три ниши. Северная стенка сардобханы врезалась в более ранний ташнау, прорезавший пахсовые стены раннесредневекового здания и перекрытый кирпичной кладкой северной стены одного из помещений, расположенных севернее сардобханы. Сардобхана предназначена для хранения воды и быстропортящихся продуктов. Кроме того, в знойное летнее время гончары здесь отдыхали. В рыхлой земле, которой она была заполнена, найдены фельс VIII в. чеканки Ал-Ашаса, фрагменты невыразительной поливной и неполивной керамики, кости животных, зола и уголь. Подобные сардобханы в основном относятся к IX—X вв.¹¹ М. Е. Массон датировал одну такую сардобхану VIII в. на основании найденных там монет¹². Судя по археологическим материалам и расположению сардобханы, она относится к X—XI вв., потому что помещение, в котором она находится, и двор датируются этим временем. На полу помещения около сардобханы обнаружен керамический отвал, содержащий поливную и неполивную керамику.

Помещение 43 в плане прямоугольное, размер его 4,6×4 м, расположено севернее печи № 3. Стены хорошей сохранности, толщина их 80 см, сохранившаяся высота стен от верхнего пола — около 1 м. В помещении два прохода, ширина каждого около 1 м, один из них вел в коридор, расположенный севернее, второй — к гончарным печам. Помещение 43 — это хумхана гончаров (рис. 28). Здесь найдено 13 хумов с ангобом чуть сероватого цвета. Большинство хумов целые. Они закопаны, трамбовка вокруг них представляет смесь ангоба, земли, фрагментов керамики и полуфабрикатов. В процессе использования помещения южная стена разрушалась и перекрывалась землей с ангобом и полуфабрикатами. На 20 см ниже верхнего пола прослежены верхушки кладок из сырцового кирпича — узкие перемычки, образующие отсеки в виде ящичков. Около северной стены этого помещения обнаружен сильно обгоревший наклонный пол, уходящий под южную стену. К югу горелый уровень снижается на 80 см. На всем протяжении этот пол сильно обожжен. Местами встречаются скопления золы с крупными угольками. Этот наклонный уровень прилегает только к восточной стене помещения. Ниже горелого на глубине не более 50 см от него обнаружен еще один пол, на котором выявлены ящички-закрома в виде отдельных отсеков. Ящички-отсеки сложены из сырцового кирпича размером 14×22×6 см; три из них большие (150×60, толщина стенок 24—30 см), но не очень глубокие.

¹¹ Вяткин В. Л. Афрасиаб, с. 17; Шишкин В. А. Из археологических работ на Афрасиабе. — «Изв. УзФАН СССР», 1940, № 12, с. 65—67.

¹² Массон М. Е. К периодизации древней истории Самарканда. — ВДИ, 1950, № 4, с. 161.

На верхнем уровне внутри одного хума найдена целая поливная ваза с эпиграфическим орнаментом. Кроме того, в хумхане обнаружены сосуды с желтой и белой порошкообразной краской. Между первым и вторым полом отмечен фельс, чеканенный в Самарканде во второй половине VIII в. В этом помещении найдено очень много археологического материала: целая неполивная пиала с конусовидным бортиком, два донца необожженных пиал, много фрагментов посуды после первого обжига с орнаментом, нанесенным красной краской.

Помещение 44 расположено севернее хумханы. Оно в плане прямоугольное, размер $4,50 \times 3,85$ м. Стены из пахсы, толщина их 90 см. В центре помещения обнаружен маленький очаг диаметром 15 см, внутри него зола и угольки. Земля вокруг очага прокалена до красноты. Можно предположить, что в нем варили фритту поливы. В юго-западном углу помещения находится резервуар из жженого кирпича размером $22 \times 22 \times 4$ см. От резервуара к северу идет керамическая труба. Ящик-закром из сырцового кирпича обнаружен возле восточной стены помещения. В этих ящиках-закромах хранили сырье и полуфабрикаты. Северная сторона помещения сильно разрушена во время использования хумханы. Отвалы, включающие комки ангоба и фрагменты полуфабрикатов, перекрывают всю северную и часть западной стены. Уровень верхнего пола тот же, что и в помещении 43 с северной стороны. Пол под очагом прокален до 0,15 м. Ниже верхнего пола на 0,4 м прослежен еще один пол со следами огня. В засыпке между полами много комьев горелой земли. Северная часть помещения шириной 0,6 м по нижнему полу отделена сырцовой перегородкой. В помещении 44 в V ярусе найдена монета Ал-Аш'аса-ибн Йахья, чеканки 144 г. х. (761 г.). Под верхним дерновым слоем толщиной 15—20 см идет мягкий рыхлый слой серого цвета. В этих слоях найдено два венчика котла, крышка, венчик вазы, донце пиалы, два штыря, венчик поливного блюда с геометрическим орнаментом, почти целая пиала со стилизованной надписью по черному ангобу «алюмн» (она включает лишь буквы «алиф», «мим», «нун»). Около дверного прохода помещения 44 обнаружен небольшой керамический отвал. В нем отмечены фрагменты поливной и неполивной керамики, штыри, сепан, шлак и др.

Помещение 45 — глухой отсек, расположенный западнее помещения 44, в плане прямоугольный, размер $3,80 \times 1$ м. В юго-восточном углу стоял хум.

Хозяйство № 2 занимает площадь 249 м². В нем восемь помещений (№№ 46, 48, 49, 50, 52, 53, 54, 55) и один двор (рис. 29). Оно находится в северной части квартала гончаров. Помещения расположены компактно и связаны друг с другом дверными проемами.

По археологическим находкам и наблюдениям в процессе раскопок хозяйства выяснено назначение каждого помещения. Так, помещения 50, 52, 53, 54, 55 производственные и хозяйственные; археологические материалы и планировка помещений подсказы-

вают их назначение: стены этих помещений узкие, неровные, сами помещения маленькие. Помещения 48, 49 жилые, об этом свидетельствуют их планировка и парадное убранство. Наличие ташнау в обоих помещениях и суфы (рис. 30), сложенной из фигурных кирпичиков, подтверждают это предположение. Номерами 51 и 56 обозначен двор хозяйства № 2. Хозяйство производило высококачественную поливную посуду. Ассортимент ее был широк — изготовляли блюда, кувшины, вазы, пиалы, чернильницы, светильники и др.

Помещение 46 с трех сторон ограничено стеной. Основание стен лежит на уровне, примерно совпадающем с горелым уровнем помещения 43. Под стенами найдены комья горелой глины, под

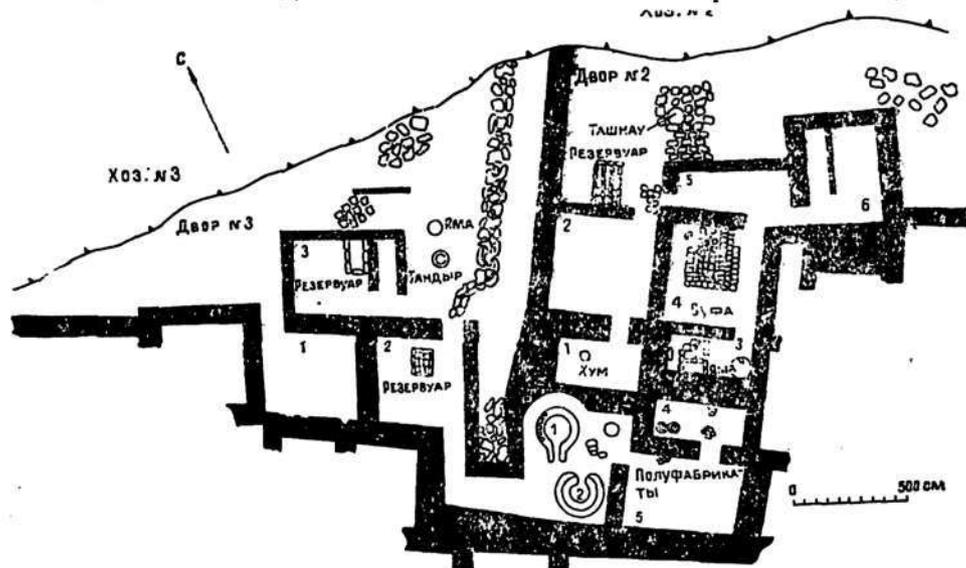

Рис. 29. Хозяйства № 2, 3.

западной прослежен горелый уровень. В центре этого пространства расположен ташнау или бадраб. В юго-западном углу находится колодцеобразная яма, прорезавшая, по-видимому, стену.

Помещение 47 в плане прямоугольное, производственного назначения, размер его $4,20 \times 3$ м. Расположено западнее помещения 43. Стены пахсовые. Дверной проем в южной стене связывает его с помещением, расположенным южнее. В юго-восточном углу на полу обнаружено несколько стопок чаш. Гончары отформовали чаши на гончарном круге, высушили их, но не успели обжечь. Интересно еще отметить, что в юго-западном углу на полу найдено много полуфабрикатов блюд и чаш после первого обжига с орнаментом, нанесенным красной краской. Эти факты подтверждают производственное назначение помещения. Ниже первого пола встречены фрагменты поливной и неполивной керамики. На 60 см ниже первого пола в юго-восточном углу отмечена керамическая труба — кубур, направленная с севера на юг. Штукатурка вос-

точной стены лежит местами на комьях ангобной глины, рассыпанных на полу. На верхнем полу обнаружено несколько комков гончарной глины, ниже (на 0,45 м) верхнего пола лежит обгорелый уровень с фрагментами горна и керамического очажка без орнамента. Под этим полом расчищено несколько ящиков-закромов из сырцового кирпича с шириной стенки 0,25 м.

Помещение 48 в плане прямоугольное, длинной стороной ориентировано с запада на восток, размеры его 3,80×2 м. Дверной проход в северной стороне связывает его с помещением 49. В юго-восточном углу открыта какая-то яма. В западной части помещения 48 расположен резервуар из жженого кирпича, соединенный

Рис. 30. Полукруглая суфа в помещении 49.

трубой с ташнау. Сверху ташнау обложен жженым кирпичом, под него вставлен большой хум кверху дном, донца у хума нет. Размер резервуара 70×60 см. Диаметр трубы 12 см, толщина стенки 1 см.

Размер кирпича 38×20×6—7 см. Такой тип ташнау известен на Афрасиабе и многих других средневековых городищах Средней Азии. В слоях помещения 48 найдены поливная и неполивная керамика, круглый камень со следами желтой краски. В помещении 48 обнаружены фрагменты стеклянных сосудов, фрагменты посуды после первого обжига, маленькая ваза с зеленой поливой и прямым венчиком.

Помещение 49 в плане прямоугольное, размер 4×3,80 м. Стены помещения хорошей сохранности, сделаны из пахсы. Расположено оно севернее помещения 48. В помещении 49 два прохода, один из которых ведет в помещение, расположенное в се-

верной стороне, второй связывает с помещением 48. При расчистке помещения обнаружены фрагменты поливной керамики и фельс Исмаила ибн Ахмада, чеканенный в Самарканде в 280 г. х. (893 г. н. э.).

Помещение 50 тоже расположено в северной части квартала. В плане оно четырехугольное, размер $3,50 \times 3$ м, в нем только один дверной проход с запада. Помещение явно подсобного характера, в слоях встречаются невыразительные фрагменты поливной и неполивной керамики. Видимо, это закрóm. Он находится во дворе (на общем плане он под номером 51). Около стенки закрóма в углу обнаружены остатки разрушенного горна, изготовленного из глины с большой примесью крупного кварца. Диаметр горна 29 см, толщина стенки 5 см.

Помещение 52 в плане прямоугольное, размер $2,50 \times 1,50$ м, дверные проемы в нем с двух сторон. Северная дверь связывает его с помещением 53, западная выводит к помещению 54. Помещение подсобного характера, в нем найдены полуфабрикаты керамики после первого обжига с орнаментом, нанесенным красной краской. В середине помещения обнаружен маленький очаг производственного назначения. Ниже первого пола отмечена монета Наср ибн Ахмада, дата не сохранилась.

Помещение 53 — маленькое рабочее помещение около гончарной печи. Полы помещений 52, 53, 54 расположены ниже верхних полов помещения, примыкающего к ним с востока.

Помещение 54 в плане прямоугольное, находится севернее печи № 1, размер его $2 \times 2,30$ м. Ширина дверного проема в восточной стене 90 см. На полу в западной части обнаружен закопанный в землю хум. Это помещение хозяйственного назначения. Под дерновым слоем идет рыхлый, мягкий слой, смешанный с полуобожженными половинками кирпича, золой, обожженной землей. В слоях зафиксирован венчик тарелки со стилизованной арабской надписью, поливное донце, на белый фон которого нанесен орнамент зеленой краской, фрагмент шарообразного сосуда с пятнистым орнаментом, донце пиалы с тесемочным орнаментом. В слоях помещения 54 найдены бракованная тарелка, несколько венчиков с эпиграфическим орнаментом по белой поливе, четыре светильника плоской формы. В квадрате Е-8 IV яруса отмечен фельс Исмаила ибн Ахмад Саманида, дата не сохранилась.

Помещение 55 в плане прямоугольное, находится севернее помещения 54, размер его 5×4 м. Дверной проем связывает его с двором. За северной стеной помещения 55 расположен ящик-закрóm, сооруженный из кирпича. В слоях заполнения помещения обнаружена глазурованная керамика, в нижних слоях — венчик вазы, фрагмент кувшина со штампованным орнаментом, донце поливной косы и др. В помещении найдены большой фрагмент цилиндрического сосуда, целая поливная пиала, десять фрагментов блюда.

Помещение 56 — двор. Расположен в той же северной части квартала, занимает площадь 71 м^2 , граничит с массивной сте-

ной шириной 1,10 м, фундамент стены сделан из рваного сланца, сама стена — из пахсы, местами из сырцового кирпича. В центре двора расположен ташнау, вокруг которого двор выстлан жженым кирпичом. На поверхности двора видны отложения дождевых натеков и надувной слой. В южной части двора находится резервуар из жженого кирпича размером 1,50×1 м со стоком в направлении с юга на север, стенки которого отделаны жженым кирпичом.

Хозяйство № 3 занимает площадь 300 м². В нем шесть помещений и один двор (№№ 36, 37, 38, 47, 57, 58, 59) (рис. 29, 1). Хозяйство расположено в северной части квартала и разделено на две части. Три помещения находятся в западной части хозяйства, три других помещения и две гончарные печи — в восточной. Обе части хозяйства связаны проездом. Двор находится в северной части. Во дворе с севера на юг проходит тротуар, выложенный жженым кирпичом. Местами выстлан жженым кирпичом (размер 22×22×4 см) и двор. На поверхности двора земля хорошо отслаивается, видны отложения дождевых натеков и ветровых слоев. С восточной стороны двор ограничивает массивная стена толщиной 1,10 м. Фундамент стены сооружен из рваного сланца, сама стена пахсовая. В восточной части двора, на 60 см ниже первого пола, обнаружен тандыр, диаметр его 60 см, толщина стенки 5 см. Стенки тандыра и земля около него прокалены до красноты. В тандыре обнаружена зола, вокруг него найдено несколько фрагментов толстостенных сосудов. Севернее тандыра обнаружена яма-колодец диаметром 60 см.

Хозяйство № 3 производило поливную керамическую посуду: светильники-чираги, чернильницы-сиѣхдон и др. По типу и орнаменту поливная посуда идентична продукции, выпускаемой в описанных выше хозяйствах. В 1961 г. помещения 36, 37, 38 хозяйства № 3 открыл Ш. С. Ташходжаев. К сожалению, описание этих помещений не опубликовано. Во время нашего исследования данного участка стены уже были в очень плохом состоянии, поэтому детально рассмотреть эти помещения мы не можем.

Помещение 57 в плане прямоугольное, расположено западнее помещения 54, размер его 3,4×3,0 м. Восточная стена не сохранилась. В северо-восточном углу помещения на первом полу расположено ташнау из жженого кирпича, размер ташнау 1×1 м. Оно выложено квадратным жженым кирпичом и колотыми из него треугольниками на гипсовом растворе. Западная стена сохранилась отлично, сложена она из сырцового кирпича на глиняном растворе. Вдоль нее идет довольно рыхлый, легко отслаивающийся слой. В восточной части помещения расположен керамический отвал № 4, содержащий обожженные комки красноватого цвета, золу, рыхлую землю, фрагменты поливной керамики. В первый период стены и полы были покрыты алебастровой штукатуркой. В помещении 57 был ремонт, и ремонтная кладка закрыла ганчевую обмазку. После ремонта, в следующем периоде, построили ташнау. В последний строительный период заложили дверной

проем в северном углу восточной стены. Разница в уровне первого и второго периода 0,95 м.

Помещение 58 в плане прямоугольное, размер 4,80×3,80 м. Стены из сырцового кирпича, сохранность хорошая. Толщина стен 70—80 см, сохранившаяся высота 1—1,20 м. В этом помещении два дверных проема; первый соединяет его с помещением 57, расположенным восточнее помещения 58, второй выводит во двор северной части. На северной стене обнаружена резьба по глине, раскрашенная желтой и коричневой краской в виде кругов с завитками. Несколько глубже первого пола встречены стены более раннего периода. Под северной стеной помещения 58 обнаружена другая стена, относящаяся к предшествующему периоду, идущая в направлении с востока на запад. Под западной стеной раскрыта стена раннесредневекового периода в направлении с севера на юг. По характеру помещения последнего строительного периода — жилое, археологических находок, непосредственно относящихся к гончарному ремеслу, не встречено. В помещении 58 в завале найдена монета Ахмада ибн Асада (204—250 г. х.).

Помещение 59 длинной стороной ориентировано с востока на запад. Размер 5,0×3,5 м. Помещение находится в северной части квартала гончаров. В восточной части помещения расположена стена, разделяющая его на две части; толщина перегородивающей стенки 30 см, толщина основной стены помещения 60 см. Дверной проем в восточной части выводит во двор. Северо-восточный угол помещения занимает ташнау — резервуар из жженого кирпича (21×21×4 см). Размер резервуара 90×90 см. Под ним находится сливной колодец. Помещение производственного характера, в ящиках, вероятно, хранили сырье. Верхний пол помещения 59 соответствует уровню пола помещения 58, выстланного жженым кирпичом.

Печь № 1 расположена севернее печей, раскопанных раньше. Устье печи № 1 направлено навстречу устью печи № 2, т. е. к югу. Как выяснилось, печи № 1 и 2 находились в одном помещении (рис. 29). Хорошо сохранились стены помещения из сырцового кирпича. Печь в плане круглая, топочная камера грушевидной формы, диаметр печи снаружи 2,60, внутри 1,90; диаметр топочной камеры с севера на юг 1,30 м, ширина суфы 45 см. Высота сохранившейся стены обжигательной камеры до суфы 35 см, ширина стенки печи 40, высота топочной камеры от пола камеры до суфы 56, ширина устья 20 см. Устье с аркообразным перекрытием. На стене обжигательной камеры сохранился один ряд отверстий, всего их 40. Диаметр отверстий 5 см, глубина 10—12, расстояние между отверстиями 6 см. Печь однокамерная; без пода, в отверстия вставлено несколько керамических штырей. Печь наполовину заполнена полуобожженным сырцовым кирпичом, штырями, большим количеством фрагментов керамики после первого обжига, золой, угольками и др. Внутри печи обнаружено 100 штырей, 355 фрагментов керамики после первого обжига и 5 фрагментов поливной керамики. Печь сделана из сырцового кирпича размером 39×18×7 см. В толке найдены обугленные стебли «верблюжьей

колючки» — янтака. Этот факт еще раз подтверждает, что янтак был одним из топочных материалов гончаров средневекового Самарканда. По нашим наблюдениям, обжиг очередной загруженной сырой партии посуды не доведен до конца.

Хозяйство № 4 включает пять жилых и подсобных помещений, один двор (№№ 20, 30, 31, 60, 61, 62) и занимает 160 м² площади (рис. 32). Здесь прослеживается три строительных периода. К I периоду относятся жилые помещения, датирующиеся концом VIII — началом IX в. Эту дату подтверждают нумизматические и археологические материалы. Ко II строительному периоду относятся

Рис. 31. Гончарная печь в хозяйстве № 3.

парадные жилые помещения, обнаруженные под южной стеной помещения 62, датирующиеся концом IX — началом X в. Строения III строительного периода сохранились лучше всего, они датируются X — первой половиной XI в. Типы и орнаменты поливной керамики хозяйства № 4 идентичны с хозяйством № 3. Изредка встречается неполированная керамика бытового характера. Значит, хозяйства № 3 и № 4 производили высококачественную поливную посуду.

Суммируя археологические данные и наблюдения, мы приходим к выводу, что во втором строительном периоде № 62 был парадным жилым помещением, а в третьем периоде стал подсобным помещением гончаров. Наше предположение подтверждается наличием на южной стене резьбы по глине. Помещения 30, 31 — производственные. Помещения 60, 61 в последнем строительном периоде были жилыми, так как они облицованы алебастровой штукатуркой.

Здесь находки, непосредственно связанные с гончарным производством, не встречаются. Номером 63 обозначен двор хозяйства № 4.

Помещение 29 большого размера, но очень плохой сохранности: целы только северная и восточная стены, сохранились частично южная и западная.

Помещение 30 расположено севернее помещения 29. На полу найдены чаши с желтой и синей краской, подготовленной для росписи сосудов.

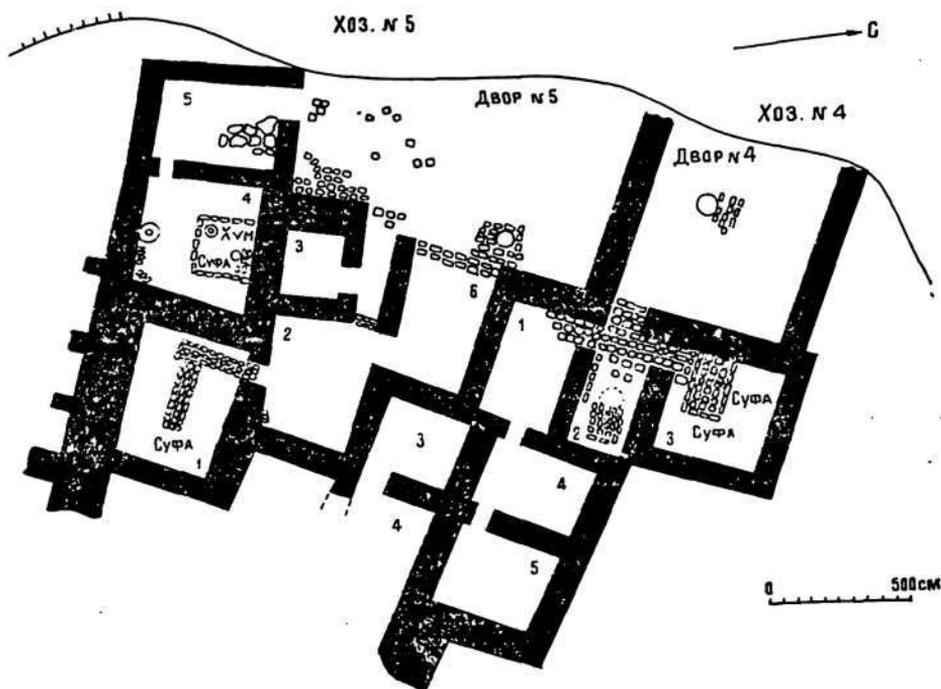

Рис. 32. Хозяйства № 4, 5.

Помещение 31 находится западнее помещения 30. В углу у стенки стояли приготовленные для просушки сырцовые штыри (30 шт.).

Помещение 60 в плане прямоугольное, размер его $3,8 \times 4,0$ м. Сохранность стен хорошая, высота местами достигает 1,5 м, сооружены они из сырцового кирпича, $2/3$ помещения занимает суфа, а $1/3$ — дахлиз¹³, выстланный жженым кирпичом ($20 \times 20 \times 4$ см, $21 \times 21 \times 3$ см). Суфа ограничена бордюром, фигурно выстроенным из жженого кирпича указанного размера, разбитого по диагонали на треугольники. Размер дахлиза $1,65 \times 1$ м. Высота суфы от пола дахлиза 35 см. В северо-западной части его расположена полукруглая суфа — продолжение описанной выше, тоже с бордюром

¹³ Дахлиз — проход или вестибюль около жилого помещения.

из жженого кирпича, обмазана белым алебастром. В южной стене помещения находится дверной проем, ширина его 1 м. Напротив входа, отделенный от него узкой перегородкой, расположен резервуар, северо-западный угол которого занимает полукруглая суфа; резервуар облицован жженым кирпичом (22×22×4 см). Под поверхностью суфы, в северо-западном углу, обнаружено углубление, облицованное жженым кирпичом того же размера, под которым найдена колодезидная яма. Около северной стены на полукруглой суфе находился подковообразный керамический очажок. Резервуар частично заполнен комьями горелой земли и фрагментами керамики первого (утильного) обжига. Внутри этого углубления обнаружены зола и угольки.

В северо-восточном углу заложен контрольный шурф, выявивший большой бадраб. В нем на глубине 1 м от поверхности суфы найден клад согдийских монет (15 экз.). По определению Т. С. Ерназаровой¹⁴, одна монета выпущена царем Тархуном (700—710 гг.), ее вес 2,5 г, диаметр 25 мм. Остальные принадлежат царю Тургару (731—750 гг.) — вес 2,00—1,55 г, диаметр 18—20 мм. В бадрабе отмечены следующие археологические материалы: одно целое блюдо с эпиграфическим орнаментом под белой поливой, фрагмент блюда с арабской надписью, целая стеклянная чернильница на гипсовой подставке с орнаментом, несколько фрагментов неполивной керамики, древесный уголь, фрагменты стекла. На 62 см ниже первого пола открыт второй пол.

К более раннему периоду жизни помещения относится суфа, проходившая узкой полосой вдоль северной стены, занимавшая почти половину пространства вдоль восточной и образующая прямоугольную выемку около южной. Пол, на котором находится суфа, лежит ниже пола раннего периода смежного помещения 58. Юго-восточный угол помещения прорезан ташнау. Южная стена помещения по уровню нижней суфы стоит над заполнением этого ташнау. Около бадраба обнаружен большой керамический сосуд, закопанный в землю. Сосуд толстостенный с прямым венчиком. В слоях ниже первого пола встречена невыразительная неполиваная керамика и целая неполиваная ваза с шарообразным туловом, прямым венчиком, снаружи венчика — круговое углубление. На 20 см ниже второго пола кончается восточная стена второго строительного периода.

Помещение 61 имеет форму коридора, длинная сторона ориентирована с востока на запад. Это помещение расположено севернее помещения 62 и как бы соединяет помещение 60 и 62. Его размер 3,80×1,60 м. С трех сторон есть дверные проемы. Ширина первого дверного проема в северной стене 75 см, второго 1 м, третьего 1,20 м. В западной стене есть ниша шириной 50 см, глубиной 45 см, оштукатуренная белым алебастром. На первом полу восточной части помещения, над ташнау, расположен резервуар,

¹⁴ Ерназарова Т. С. Новые клады согдийских монет. — ОНУ, 1971, № 12, с. 50; Она же. Новые находки монет VII—X вв.—ОНУ, 1972, № 5, с. 51.

сооруженный из жженого кирпича. Размер резервуара 90×90, глубина 50 см. Стенки выложены жженым кирпичом (22×22×4 см). В западной части продолжается дахлиз, выстланный жженым кирпичом, выходящий из помещения 60. Восточная стена помещения 61 покрыта алебастровой штукатуркой с орнаментом, следы которой местами видны и на южной стене. В юго-восточном углу помещения, в завале, обнаружены фрагменты резного ганча. Возле южной стены найден фельс Наср ибн Ахмада, чеканенный в Самарканде в 876 г. Стены помещения покрыты алебастровой штукатуркой с процарапанным орнаментом и местами сохранившейся голубой краской. При чистке комнаты в завале обнаружено очень много фрагментов алебастровой штукатурки. На стене помещения 61, сложенной из зеленоватого кирпича и поэтому условно названной «зеленой», выявлено пять слоев штукатурки: I—III, V — алебастровые, по 1,5 мм; IV — глина с саманом, 5 мм. Углубившись ниже первого пола помещения 61 на 5 см, мы встретили пол с настилом из жженого кирпича. Еще ниже на 5 см — стенку шириной в полкирпича. На 70 см ниже первого пола отмечен второй пол.

Помещение 62 в плане прямоугольное, длинной стороной ориентировано с запада на восток, размер 4,5×3,0 м, с двумя дверными проемами: первый (ширина 1,15 м) в западной стене выходит во двор, второй (ширина 1 м) в северной стене, соединяет помещение 62 и 61. Под дерновым слоем помещение заполнено завалом, содержащим обломки зеленоватого кирпича размером 40×23,5×9 см и рыхлую землю. Здесь найдено три монеты на глубине около 1 м от дневной поверхности, близко к первому полу. Две монеты сильно раскрошились, на третьей читается имя саманидского царя Ахмад ибн Асада (815—876 гг.). Южная и северная стены помещения 62 сложены из зеленоватого кирпича на желтовато-буром растворе. Размер кирпича в стене тот же, что и в завале. В северной стене возле северо-восточного угла обнаружен проход, заложенный сырцовым кирпичом в один ряд, т. е. шириной 24 см. В западной стене помещения 62, примерно против северной стены из зеленоватого кирпича, находится ниша с алебастровой обмазкой. Южная, «зеленая» стена обрывается в юго-западном углу комнаты, образуя проход к западной стене: в месте прохода сохранилась белая алебастровая штукатурка. В завале нашли фрагменты расписной посуды. Расчищен первый пол помещения, половину которого занимает суфа. Дахлиз, соединяющий помещения 62 и 61, выстлан жженым кирпичом (21×21×4 см) и обмазан (как суфа) алебастром. Вдоль восточной стены на суфе выстилка из жженого кирпича (34×17×5 см), на котором видна розовато-серая ганчевая обмазка. В северной стороне помещения 62, в проходе коридорообразного помещения 61 прослеживается пять слоев штукатурки: I—III — тонкая глина толщиной 2 мм; II — алебастровая, 2 мм; IV — глино-саманная, 10 мм; V — алебастровая, 3,5 мм. Восточная и западная стены помещения 62 выстроены из

сырцового кирпича (38×19×8 см). Глубже первого алебастрового пола найдены две ручки светильника плоской формы, горло кувшина, два обломка ручки кувшина, два донца косы с белой поливой, венчик блюда, фрагмент очажка со штампованным орнаментом. На 70 см ниже алебастрового пола обнаружен второй пол, ниже которого идет завал, содержащий обломки стен из пахсы. Археологические находки фрагментарны, невыразительны. В помещении 62 на глубине 1,50 м от первого пола встречены блоки из пахсы раннесредневекового периода. Найдено 20 кусков железа, один фрагмент стекла, несколько фрагментов хума с остатками белой краски. На южной стене помещения, ниже первого алебастрового пола, обнаружена резьба по глине, украшающая стену. Эта стена находилась под стеной III строительного периода. Резьба по глине представляет пять полуколонок, промежутки между ними украшены параллельными черточками. Поверхность двух средних колонок украшена углубленными розетками. Возле этой стены отмечены две спаренные стеклянные чернильницы на гипсовой подставке, стенки которых украшены ромбовидными узорами.

П о м е щ е н и е 63 — это двор, расположенный западнее описанных помещений. Открыто 36 м² площади двора. Северная часть его ограничена стеной толщиной 1,20 м. В центре двора расположено ташнау, пол вокруг него выстлан жженым кирпичом. С северной стороны есть труба, входящая в ташнау. В восточной части двора находится навес типа айвана. Ширина остатков северной и западной стен — полкирпича. С востока айван примыкает к помещениям 60 и 61. Здесь гончары сушили сырую посуду. На айване обнаружено два маленьких очага хозяйственного назначения, а в них — зола и угольки.

Х о з я и с т в о № 5 занимает площадь 224 м². В него входят шесть помещений и один двор (№№ 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71) (рис. 32). Стены из пахсы и сырцового кирпича. Во время ремонта стену облицевали кирпичом, положенным плашмя и оштукатурили глиной с саманом. Размер ремонтного сырцового кирпича 37×19×7 см. В слоях заполнения помещений найдено много фрагментов поливной керамики, незначительное количество фрагментов неполивной керамики с изображением птицы. Обнаружено три медных «сурмадона» плоской формы с длинным носиком. Из неполивной керамики отмечено несколько верхних частей кувшина, разной величины котлы, фрагменты очажков, жаровен и др. Получено много печных приспособов; сепаи, штыри, подставки и т. д. Собрано большое количество разных красок, сырья, глины для ангоба и др. Встречались полуфабрикаты разных форм и типов керамических изделий. Во время разборки керамических отвалов часто попадались бракованная посуда и куски оплавленного лесса.

П о м е щ е н и е 65 расположено западнее описанных помещений. В плане оно прямоугольное, размер 4×3 м, ширина стены 60—70 см. С южной стороны дверной проем связывает его с помещением 68; западная стена не сохранилась.

Судя по находкам в помещении 65 формовали гончарные изделия и заглавливали печные припасы. В обнаруженных очагах готовили фритту для глазури. Соседние помещения — подсобного характера, в них хранили сформованную посуду и печной припас. В одном из них сосуды ангобировали, раскрашивали и глазурировали.

Помещение 66 — двор. Расположен западнее описанных помещений, площадь 44 м². В центре двора обнаружено ташнау, площадь вокруг него выстлана жженым кирпичом (21×21×4 см). Диаметр ямы ташнау около 1 м. В восточной части двора есть суфа, примыкающая к помещению 65. Бордюры суфы сооружены из жженных (21×21×4 см) и треугольных разломов таких же кирпичей. Почти весь двор вымощен жженым кирпичом указанного размера. В северной части двора отмечено два больших хозяйственных очага, расположенных друг против друга. Диаметр очагов 75 см, длина 1 м. В очагах найдено много золы и угольков. Севернее описанных очагов обнаружен еще один, тоже с остатками золы и угольков. Под ним 4—5-сантиметровый слой красноватой прокаленной земли. Позади очага обнаружено четыре фрагмента кирпича толщиной 4 см; два из них поставлены на ребро, два других лежали плашмя. Очевидно, эти кирпичи подставляли под сосуд во время приготовления пищи. Все очаги хозяйственного назначения. Описываемый очаг больше обычного, вероятно, сюда вставляли большой котел, готовили пищу на много человек, видимо, во время цеховых праздников «пироши». Во дворе гончары сушили формованные гончарные изделия. На каких-то этапах часть двора перекрывали навесом. Посуду сушили сначала под навесом, потом на солнце.

Помещение 67 в плане прямоугольное, вытянутое с востока на запад, размер его 5×3,6 м. Сохранность стен и полов очень хорошая. Высота стены 1,1 м, ширина стены у прохода 90 см. Все стены из пахсы. Во время последнего ремонта помещения на южную стену надели «рубашку», т. е. обложили ее плашмя сырцовым кирпичом (35×19×7 см). Стены и пол оштукатурены белым алебастром. Сначала стены оштукатурили глиной с саманом, потом алебастром. Ширина дверного проема в северной стене 1 м. Он вел в помещение 68, расположенное севернее помещения 67. В помещении 67 северную, восточную и южную части занимала суфа высотой 60 см, а в середине помещения, начиная от двери, располагался дахлиз. Пол дахлиза выстлан жженым кирпичом (22×22×4 см). Поверхность суфы находится на границе V и VI ярусов. На поверхности суфы, примыкающей к стенам, отлично сохранилась штукатурка. В период возведения суфы южная стена была облицована кирпичом (39×19×7 см) и вновь оштукатурена, а пол выстлан жженым кирпичом. В слоях помещения 67 найдено несколько фрагментов керамики после первого обжига с орнаментом, нанесенным красной краской, поливной светильник плоской формы на подставке, венчик горшкообразного сосуда с остатками красной краски. В V ярусе слоя обнаружены статуэтка копя, венчик хума

с остатками красной краски, фрагменты керамики с эпиграфическим орнаментом: на белом фоне черной краской написано арабское слово «алюмн» — «благополучие». Еще найдены горшок с белой краской, фрагменты котлов, стеклянных сосудов, три блюда, один горшкообразный поливной сосуд с зеленой и желтой поливой, один целый поливной чайникообразный сосуд — молочник. В слоях замечен кусок ткани. На первом полу помещения 67, в зольнице, на глубине 1,5 м от поверхности земли, обнаружена монета Исмаил ибн Ахмада (892—907 гг.), чеканенная в Самарканде.

Переходим к характеристике слоев помещения 67. Сверху сняли 15—20 см дернового слоя, потом шел рыхлый надувной слой, ниже — завал. В IV ярусе слой средней плотности, до конца V яруса — слой средней плотности серого цвета, содержащий много археологического материала. В конце V яруса открыт пол, оштукатуренный алебастром. Возле алебастрового пола найдена одна целая поливная тарелка, комки гильмай, два куса горной породы — волластонита, употреблявшегося в гончарном деле, два железных гвоздя.

Судя по археологическим материалам и наблюдениям, это помещение — производственное, так как здесь расписывали и ангобировали керамическую посуду. Можно предположить, что в некоторый период помещение было жилым. К этой мысли нас приводит прямоугольная планировка и нарядность: штукатурка стен алебастром, аккуратная выстилка полов четырехугольными (22×22×4 см) и треугольными кирпичами.

Помещение 68 расположено севернее помещения 67 и соединено с ним дверными проемами. В помещении 68 три дверных проема. Форма помещения — прямоугольник с длинной стороной по направлению с востока на запад. Размер 4,7×3 м. Через дверной проем в западной стене оно связано с помещением 69, через второй дверной проем в южной стене — с другим помещением № 67. Стены из пахсы и сырцового кирпича. В юго-восточном углу помещения обнаружено 20 сырых штырей, которые не успели обжечь (рис. 33). Штыри стояли впритык к стене. На первом полу помещения обнаружены остатки очага диаметром 20 см, глубиной 3—4 см. В помещении 68 найдена монета саманидского правителя Асад ибн Ахмада, дата выпуска не сохранилась.

Помещение 69 маленькое, расположено западнее помещения 68. В плане оно почти квадратное, размер его 2,35×2 м. Ширина стены 60 см, сохранившаяся высота 85 см, сложена из сырцового кирпича указанного формата. Помещение 69 соединено проходом с помещением 68. Судя по археологическим материалам и небольшим размерам, помещения 68 и 69 — подсобные.

Помещение 70 в плане прямоугольное, расположено южнее помещения 69 и западнее помещения 68. Размер его 4,10×3,5 м. Все стены из сырцового кирпича. У южной стены помещения обнаружены полуфабрикаты — 75 необожженных керамических штырей, приложенных к стене и оставленных для очередного обжига.

Следовательно, гончары сами готовили печные припасы. Стены помещения 70 сохранились до уровня начала IV яруса, в начале V встречен первый пол. В северной стене начала V яруса обнаружен очаг диаметром 40 см, в высоту он сохранился на 20 см. Очаг в плане полуовальный, стенки его сильно обожжены. В середине V яруса отмечен второй пол. На этом уровне около северной стены, ниже первого очага, обнаружен второй очаг, над которым находилась половина терракотового очажка, украшенного штампованным орнаментом. Пол вокруг очага выложен жженым кирпичом (22×22×4 см). Очаг в плане круглый, диаметр 16 см. В северной половине очага обнаружен жженный кирпич в форме подковы. Видны следы огня — внутри очага была зола. В начале VI яруса

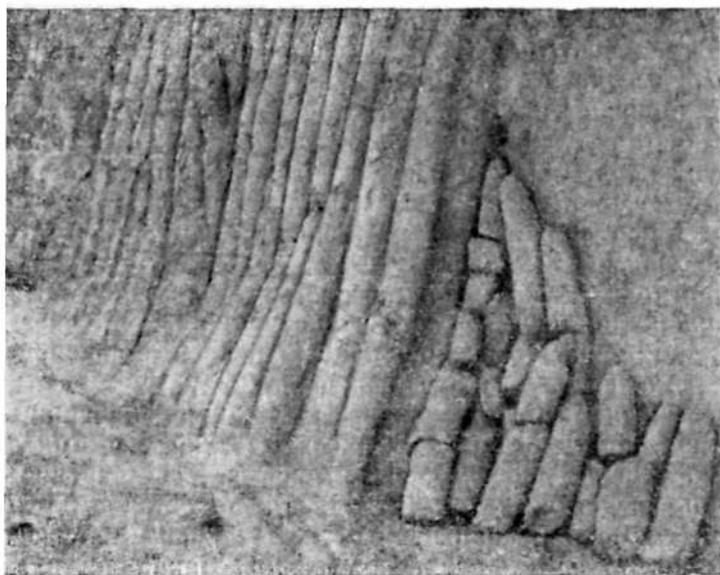

Рис. 33. Заготовка сырых ширсей.

открыты третий пол и третий очаг. Очаг в плане круглый, диаметр 15 см. Второй и третий очаги похожи друг на друга. Внутри третьего очага обнаружена зола и угольки, стены его обожжены до красноты. Снаружи очага есть два круга, вроде низкой ступеньки. Аналогичные маленькие очаги отмечали и раньше в северо-западной части Афрасиаба¹⁵. В помещении 70 найдено две монеты, чеканенные в Самарканде в 144 г. х. (762).

В VII ярусе прослежен нижний пол, в который возле восточной стены врыт на глубину 50 см керамический горн с округлым дном, высота 85 см, диаметр устья по внешней стороне 37 см. Над полом

¹⁵ Шишкина Г. В. Городской квартал VIII—XII вв. на северо-западе Афрасиаба. — В сб.: Афрасиаб, вып. II, с. 153.

он обмазан глиной слоем до 30 см. Глина обгорела на 10 см от стенки горна и на 70 см в глубину от горловины. Ниже обмазка не обожжена. В обращенной к юго-восточному углу помещения стенке горна, на 17 см ниже края устья, пробито отверстие диаметром 25 см. Верхний пол лежит на границе V и VI ярусов, на него поставлены северная стена и ремонтная часть (обкладка) восточной стены. На 40 см ниже лежит второй пол, от уровня которого в центре помещения устроено ташнау. На уровне второго пола стоят южная и западная стены помещения и находятся два очага, описанных выше. Помещение явно производственного назначения.

Помещение 71 расположено западнее помещения 70, в плане прямоугольное, длинной стороной ориентировано с севера на юг, размер его 4×3 м, ширина стены 1 м. Дверной проем в северной стене связывает помещение 71 с двором. На северной стороне помещения найдено много кусков сланца. Вероятно, гончары намеревались выстлать этим сланцем двор или сделать фундамент для какой-нибудь стены.

К хозяйству № 6 относится только двор под номером 72 (рис. 34). Он принадлежал пекарю, обеспечивавшего квартал хлебом. На этом участке квартала выявлено три строительных периода. Стены I периода относятся к концу VIII—IX в. Во II строительном периоде (конец IX — начало X в.) построили новые стены и подремонтировали часть стен первого строительного периода — кирпичи уложили плашмя и оштукатурили саманной глиной. III строительный период датируется X — первой половиной XI в. и относится к хозяйству пекарей. Сначала идет 15—20-сантиметровый дерновый слой, ниже — завал, содержащий половинки сырцового кирпича, комки глины, затем рыхлый слой, местами встречается слой средней плотности серого цвета. На уровне конца VI яруса мы встретили первый пол. В северо-восточном углу двора на первом полу за специальной перегородкой обнаружено два тандыра; один целый, другой без венчика. Сохранность их хорошая, в глину, из которой сделаны тандыры, добавлены шамот и дресва. Диаметр венчика тандыра № 1 35 см, диаметр тулова 80, высота 60 см (рис. 44). Тандыр № 2 расположен рядом с первым, форма его такая же. До сих пор в кишлаках Самаркандской области сохраняются тандыры такой формы и называются «наземными тандырами». На первом полу южнее тандыров мы нашли два хозяйственных очага.

Мы проследили пять этапов жизни во II—III строительном периоде. Полы первого этапа лежат на уровне, соответствующем концу IX яруса, шестой пол, самый ранний из зафиксированных, — в IX ярусе. На первом этапе восточная часть двора 2 занимала суфа с барьером шириной 24 см, за которым сделана забутовка из обломков сырцового кирпича, керамики, отбросов кухонной утвари, фрагментов тандыра, большого количества костей животных. Забутовка перекрывала раннесредневековую стену. Восточная часть суфы поднималась на 85 см, считая от уровня шестого

пола; вдоль западного края она сохранилась на 45 см. По-видимому, у нее был ступенчатый профиль, но со временем углы ступеней разрушились, образовав неровную поверхность. У западного края суфы возведена перегородка из сырцового кирпича тех же размеров, что и кирпич в стене суфы (42—43×22×9—10 см). По нашему мнению, здесь хранили инструменты или сырье. Керамический материал забутовки можно датировать концом IX в. Найдено несколько фрагментов поливной керамики, расписанной темно-коричневой краской на чисто белом фоне.

На втором этапе исчезла первая суфа, появился следующий уровень пола, на котором обнаружено два горна с сохранившимися

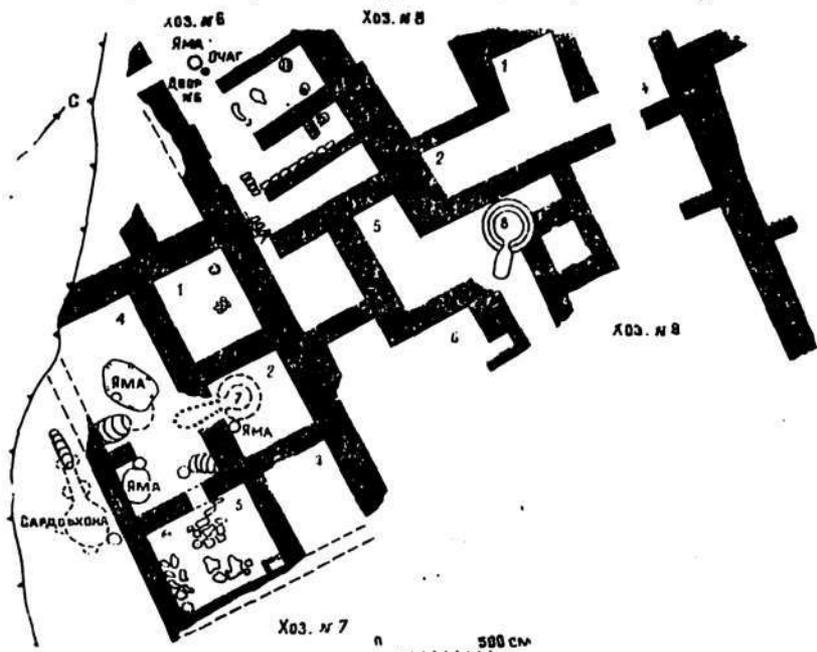

Рис. 34. Хозяйства № 6—8.

нижними частями, врытыми в пол. На этом этапе на пятом полу в восточной части двора, возвели вторую суфу в виде барьера шириной 95 см, а поверхность его расположили на уровне самых высоких участков первой суфы. На суфе расчищены остатки четырех горнов, которые могут относиться и ко второму, и к следующему этапу. Один из горнов перекрыт ремонтной кладкой северной стены, другой разрушен более поздним горном. Пятый пол настелили поверх двух горнов, расположенных около суфы; на нем помещен новый горн. По-видимому, в это же время на суфе вырыли колодец, служивший ташнау.

К следующему, третьему этапу относится северная стена двора, стоящая на четвертом полу, и отрезок восточной стены. Возможно, первоначально в восточной стене был дверной проем, шириной

1,4 м, который позже сузили дополнительной кладкой. Через эту дверь проходили в помещения на восточной стороне двора. Вторая суфа могла служить и на третьем этапе. В северо-восточном ее углу вырыта яма для ташнау, обложенная сначала сырцовым кирпичом, затем жженым. Жженым кирпичом облицован и резервуар ташнау размером 50×50 см со стоком в колодец по трубе-кубуру.

На четвертом этапе вровень с поверхностью суфы насыпали новый пол. Остатки горна около суфы перекрыли. В северо-восточном углу над колодцем поставили керамический горн. Возможно, одновременно с ним функционировала часть (два) горнов на суфе. Примерно в одно время с установкой керамического горна насыпали следующий пол, не перекрывший основание керамического горна, и отремонтировали стены: облицовали северную стену и сузили упомянутый выше дверной проем. Судя по находкам обломков горна, остаткам самих горнов на местах, на всех описанных этапах двор имел явно производственное и хозяйственное назначение.

На пятом этапе на первом полу установлено два тандыра и два очага хозяйственного назначения. Точно такой же формы и размеров обнаружено два тандыра рядом в самой южной части квартала гончаров. Мы предполагаем, что здесь жили лепешечники, обеспечивавшие большой квартал хлебом. При раскопке двора не обнаружено предметов непосредственно относившихся к гончарному производству. С северной и восточной сторон открыты массивные стены, которыми изучаемый двор граничит с хозяйствами гончаров. Еще на территории квартала встречаются единичные тандыры, часто обнаруживаются фрагменты тандыров. Эти факты говорят о наличии специализированных хозяйств, занимающихся выпечкой хлеба. Г. В. Шишкина изучила хозяйство пекарей X в. в северо-западной части городища¹⁶, где производственная деятельность пекарей сосредоточивалась в двух сообщающихся дворах.

Хозяйство № 7. Площадь его 115 м². К нему относятся помещения №№ 23, 24, 25, 26, 27, 28¹⁷. В хозяйстве шесть жилых и подсобных помещений и одна гончарная печь (рис. 34). Все помещения связаны между собой дверными проемами. Последний относящийся к гончарам строительный период датируется на основе нумизматических и археологических материалов X — первой половиной XI в.

В 1965 г. помещения хозяйства № 7 открыл Т. Агзамходжаев, однако описания их не опубликовал, поэтому детально рассмотреть эти помещения мы не можем.

Помещение 23 в плане прямоугольное, размер его 4×3,4 м, расположено в западной части квартала гончаров. Стены из пахсы и сырцового кирпича (39×20×7 см). Наибольшая высота стен не

¹⁶ Шишкина Г. В. Городской квартал VIII—XI вв. на северо-западе Афраснаба. — В сб.: Афраснаб, вып. II, с. 150—151.

¹⁷ В 1965 г. работы производились под руководством Л. Г. Брусенко.

превышает 1,50 м от уровня первого пола. Под дерновым слоем комната заполнена землей с фрагментами сырцового кирпича. Найдено две медные монеты Саманидов. Пол выстлан жженым кирпичом (20×20×4 см), причем для вымостки использовали и целый, и ломаный кирпич. На полу помещения обнаружены остатки желтой, красной, серовато-голубой краски, очевидно, употреблявшихся для расписывания посуды. По утверждению Н. С. Гражданкиной, серовато-голубая краска после обжига становится оливковой.

Помещение 24 в плане прямоугольное, размер его 3,6×5 м, расположено восточнее помещения 23. В нем найдена печь 7, круглая в плане, конструктивное устройство ее такое же, как и у печей описанного выше хозяйства. Устье печи направлено к югу; возле нее была круглая яма, в которую бросали золу из топки.

Помещения 25, 26. В плане прямоугольные, сохранились частично, расположены южнее 23 и 24. Установить их точные размеры невозможно из-за разрушенности. На сохранившихся полах отмечена поливная посуда разнообразных форм, целые стеклянные сосуды и несколько ям с производственными и хозяйственными отходами. В ямах найдены фрагменты поливной керамики, чернильница, из железных изделий — нож, черп, гвозди и др. Кроме того, южнее этих помещений обнаружена сардобхона обычной для Афрасиаба формы. Внутри сардобхоны найдено большое количество керамических сосудов и несколько медных саманидских монет.

Помещение 27 в плане прямоугольное, размер его 5×4 м, расположено восточнее помещения 25. Пол помещения выстлан сланцем. Перекрытием помещения, по нашему мнению, был легкий, открытый для свободного доступа воздуха и солнца навес, под которым сушили сформованные керамические изделия.

Помещение 28 в плане прямоугольное, размер 4,3×3 м, расположено восточнее помещения с печами. Восточная стена не сохранилась. Судя по найденным археологическим материалам, помещение было рабочим.

Хозяйству № 8 принадлежат семь жилых подсобных помещений — №№ 19, 20, 21, 22¹⁸, 64, 73, 74. Площадь хозяйства 200 м² (рис. 34). Описанная выше гончарная печь № 8 непосредственно относилась к этому хозяйству. Все помещения этого хозяйства связаны между собой и расположены компактно. Помещения №№ 19, 20, 21, 22 открыла Д. Вархотова, которая датирует их X — первой половиной XI в. К сожалению, описание их не опубликовано, поэтому детально рассмотреть их мы не можем.

Помещения №№ 64, 73, 74 открыл Ш. Шарахимов. Ниже мы приводим их детальное археологическое описание.

Помещение 19 в плане прямоугольное, размер 4,5×3 м. Здесь находится гончарная печь № 10 (в порядке вскрытия). Возле нее круглая яма, выложенная сырцовым кирпичом, в которую бро-

¹⁸ В 1965 г. работы производила Д. П. Вархотова.

сали отходы из печи. Дверной проем расположен на востоке. Стены из пахсы и сырцового кирпича ($38 \times 20 \times 8$ см).

Помещение 20 в плане квадратное, размеры 2×2 м, расположено южнее помещения с печами. В углу помещения 20 стояло 30 сырых штырей, а на полу помещения 21 — чаши с желтой краской, подготовленной для расписывания сосудов. В помещении 20 обнаружен чистый кварцевый песок. В помещении 21, прилегающем к 20, лежало сырье, необожженные раздавленные сосуды, рядом валялись фрагменты расписанных и обожженных, но еще не глазурованных сосудов. Стены комбинированные — из пахсы и сырцового кирпича ($38 \times 20 \times 8$ см). В северо-западном углу помещения 21 расчищен резервуар из жженого кирпича с алебастровой штукатуркой. В восточной стороне помещения находятся отвалы керамических печей, в которых обнаружено много фрагментов керамики с коричневой, белой, зеленой поливой, чаши разных форм и размеров, блюда, кувшины, чираги на ножках и без них. Фрагменты неполивной керамики найдены в незначительном количестве. Встречаются в отвале фрагменты полуобожженной и раскрашенной для обжига, бракованной и необожженной керамической посуды. В отвале очень много шлака, золы и углей.

Помещение 22 маленькое, квадратное, размер $1,7 \times 1,7$ м, с дверным проемом с восточной стороны. С юга к нему примыкает помещение с печами. В помещении 22 растирались краски для расписывания сосудов. Найдены ладьевидный камень и маленькая терка, по полу разбросаны куски красной охры. Гончарная печь находится в помещении 19. В плане она круглая; в ней почти полностью сохранились обжигательная и топочная камеры. Высота сохранившихся стен обжигательной камеры 1 м. Между топочной и обжигательной камерами перегородки нет. Обжигательная камера цилиндрической формы, сооружена из сырцового кирпича. При переходе к топке стенки ее образовали полку шириной 30 см. Топка грушевидной формы, устье направлено к юго-востоку и оформлено аркой. Внутренний диаметр обжигательной камеры 2,3 м, диаметр топочной камеры 1,1 м; толщина стенок печи 70 см. Стенки сложены из сырцового кирпича ($35 \times 19 \times 7$ см). На внутренней стороне стенок сохранилось два ряда углублений, всего 130 отверстий диаметром по 5 см и глубиной 14—18 см. Возле устья печи обнаружен зольник в виде круглой ямы диаметром 90 см, глубиной 60 см; стенки и пол зольника из сырцового кирпича ($30 \times 17 \times 6$ см). Зольник наполнен золой и углями. В основе печи — искусственный котлован, стенки которого обложены сырцовым кирпичом. Стенки печи обмазаны саманной штукатуркой, в некоторых местах заметна ремонтная штукатурка. В результате работы печей стенки их обжигались или полуобжигались.

Помещение 64 в плане прямоугольное, размер $3,70 \times 2,60$ м, вытянуто с севера на юг. С востока в него ведет проход шириной 80 см (ширина стены 60 см). Этот дверной проем соединяет помещения 64 и 29. Помещение 64 расположено восточнее помещения 65, западная стена у них общая. После дернового слоя идет

завал с комками глины, обломками сырцового кирпича и земляной пылью. На первом полу сохранилась выстилка П-образной формы из жженого кирпича (20×20×4 см). В южной части выстилки — красноватая земля. Возможно, это следы очага. На полу помещения 64 местами заметна розовато-серая ганчевая обмазка. Около западной стены обнаружен большой горшкообразный сосуд с бледно-розовым ангобом. По мере углубления фиксировались 2-, 3-, 4-й полы. Слой рыхлый, археологические находки редки.

Помещение 73 расположено западнее печи № 8, в плане четырехугольное, длинной стороной ориентированное с запада на восток, размер 4×3,5 м, толщина стен 58 см, сохранившаяся высота 1,2 м. Северная, западная и южная стены из сырцового кирпича (36×17×7 см), восточная комбинированная — пахса и сырцовый кирпич (36×17×7 см). На стенах сохранилась саманная штукатурка. Дверной проем был в северной стене, ширина 1 м. Помещение явно подсобное при гончарной печи № 8, выходившей сюда входными отверстиями подовых частей; оно как бы оформляло подступ к печи и являлось площадкой, на которую, возможно, складывали подготовленную к обжигу посуду и куда ее выгружали после обжига.

Помещение 74 четырехугольное, является продолжением помещения 73, размер 4,3×2 м. Стены из пахсы, толщина их 95 см. Западнее печи № 8 на 1—2 м расположен керамический отвал 1 в помещении 73 и керамический отвал 2 в помещении 74. Отвалы очень богаты археологическими материалами. Среди них преобладают фрагменты поливной керамики, однако встречается и неполивная. Попадаются черепки после первого обжига, штыри, сепай, шлак, бракованная посуда, зола и угли. В отвале обнаружена одна чернильница — стеклянная баночка в гипсовой оправе. Отмечены фрагменты керамики с эпиграфическим орнаментом. В углу помещения 74 обнаружен целый керамический котел, покрытый копотью. При раскопках в помещениях 73 и 74 сняли 15—20-сантиметровый дерновый слой, после него мягкий, рыхлый слой, а под ним — завал из обломков упавших стен. В восточной части помещений завал переходит в керамические отвалы, лежащие во II—IV ярусах — один из отвалов занимает площадь 2×? м при толщине 1 м.

Во II ярусе помещения прослеживается первый культурный слой. В нем найдены светильник плоской формы без ручек с коричневой поливой, донце поливной чаши с дугообразным орнаментом на белом фоне, венчик шарообразного керамического сосуда с зеленой поливой, гофрированное тулово другого светильника, оформленное точечным орнаментом белой краской на оранжево-красном фоне, почти целый поливной сосуд — кувшин с носиком.

Второй слой (совпадает с IV — началом V яруса) насыщен археологическими материалами. В восточной части помещений 73 и 74 в этих ярусах продолжают керамические отвалы 1 и 2, здесь мы нашли несколько фрагментов керамики после первого обжига с орнаментом, нанесенным красной краской, штыри, сепай, не-

обожженные штыри-заготовки. Слой V яруса в западной части помещений 73 и 74 мягкий, серый. В конце V яруса обнаружено несколько котлов разных форм, два светильника с удлиненным носиком и округлым туловом с точечным орнаментом черной краской на белом фоне, венчик горшкообразного сосуда, с остатками белой краски (в таких сломанных сосудах гончары держали краски, современные гончары придерживаются этой традиции). Возле южной стены помещения 74 в IV ярусе отмечены целый медный сосуд для сурьмы — сурмадон и целый стеклянный сосуд: горло цилиндрическое, ручка петлеобразная, тулово в форме грозди винограда. Среди керамики отметим венчик широкогорлой вазы, с изображением летящей птицы на белом фоне. Когда помещения 73 и 74 были заброшены, печь № 8 продолжала функционировать, так как в последние годы существования квартала отходы из этой печи бросали прямо в развалины помещений 73 и 74.

К хозяйству № 9 относятся помещения №№ 1, 2, 2а¹⁹, площадь хозяйства 145 м² (рис. 35). В 1965 г. во время земляных работ, связанных с проведением шоссеной дороги через городище Афрасиаб, большая часть хозяйства № 9 была разрушена бульдозером. Однако после окончания работы механизмов удалось расчистить остатки нескольких жилых и подсобных помещений, гончарные печи и др.

Помещение 1 в плане прямоугольное, размер 3,4×3,2 м, расположено в северо-западной стороне проезда, вход обращен к проезду. Северо-западная и северо-восточная стены помещения — остатки раннесредневекового пахсового здания с дополнительной ремонтной кладкой шириной 0,5 м, возведенной внутри помещения. Пол помещения находится на глубине 1 м от поверхности и выложен продолговатым жженым кирпичом. От юго-западной стены остались лишь следы. На остатках северо-западной стены под деревянным слоем прослежена кладка из сырцового кирпича в виде двух параллельных перемычек.

Помещение 2 в плане прямоугольное, размер 4,6×2,5 м, расположено севернее помещения 1, сохранилось лучше предыдущего помещения. Как выяснилось, оно не было связано ни с помещением 1, ни с проездом. Из-за разрушенности северо-восточной стены помещения 2, вход его не фиксируется. Оба помещения относятся к одному периоду обживания квартала и современны мощенному проезду. Группа помещений на противоположной стороне проезда оформлялась в том виде, в каком дошла до нас, несколько позднее мощенного проезда, так как пахсовые стены, идущие вдоль проезда, местами находят на его вымостку.

Помещение 2а в плане прямоугольное, размер 1,6×1,9 м, расположено западнее описанных помещений. В северо-восточном углу его найден ящик-закром из сырцового кирпича. В юго-западном углу обнаружены сырые тарелки-полуфабрикаты, сложенные

¹⁹ В 1965 г. работы производились под руководством Г. В. Шишкиной.

в шесть рядов стопами по 10—13 шт. Стопки первого ряда стояли на обожженном блюде. Гончары не успели обжечь очередную партию тарелок, видимо, произошла какая-то катастрофа, и полуфабрикаты остались под завалом.

Хозяйству № 10²⁰ площадью 130 м² принадлежат семь помещений (№№ 7, 8, 9, 15, 16, 17, 18), связанных между собой дверными проемами (рис. 27, 35). Судя по археологическим материалам, по-

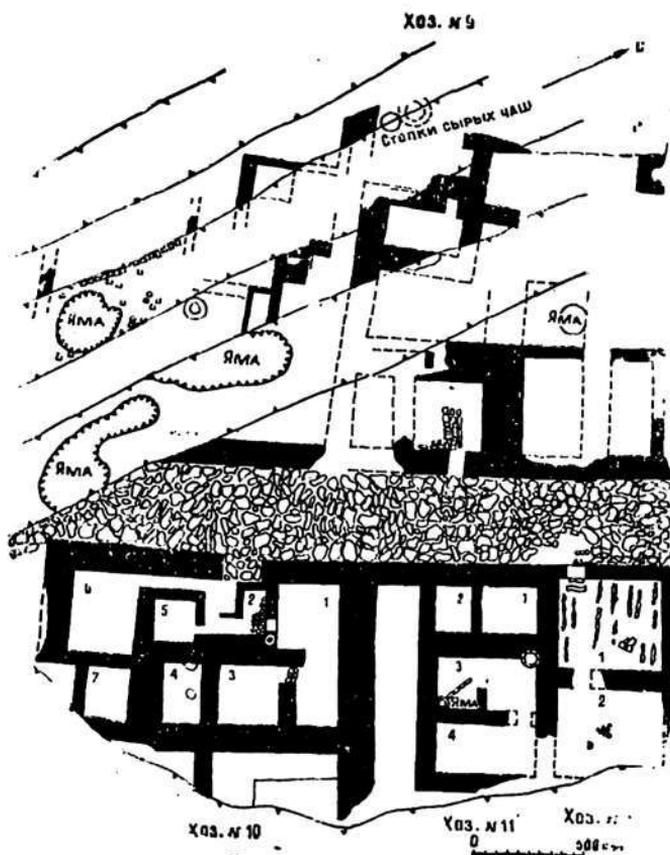

Рис. 35. Хозяйства № 9—12.

мещения 7, 8, 9 производственного назначения, помещения 15, 16—подсобные, здесь хранили сырье (песок и глину). В восточной стороне находился двор, где стояли гончарные печи — одна большая и две маленькие, открытые в 1967 г. возле третьей городской стены,

²⁰ Работы 1965—1966 гг. производились под руководством Г. В. Шишкиной и Т. Кулик. Описание помещений 3—18 см.: Брусенко Л. Г. Раскопки квартала гончаров X—XI вв. на городище Афрасиаб. — ИМКУ, вып. 8. Ташкент, 1969, с. 115—123.

к которой примыкает двор. Мы предполагаем, что в малых печах обжигали печные припасы.

В результате раскопок хозяйства № 10 добыто огромное количество археологического материала, среди которого преобладала высококачественная поливная керамика, разнообразная по типам орнаментации и формам, украшенная геометрическим, растительным и эпиграфическим орнаментами. Хозяйство № 10 производило поливные блюда, чаши, пиалы, кувшины, вазы, чираги и др. Встречалась бытовая неполированная керамика, например, хумы, котлы, горшкообразные сосуды, очажки и др.

Из пумпизматического материала в хозяйстве № 10 найдены: на мостовой — фельс Насра I, в хозяйственном помещении — монета Наср ибн Ахмада, чеканена в Самарканде; в керамическом отвале — монета Мансур ибн Нуха, 352 г., чеканена в Бухаре, в коридоре на глубине 1 м от дневной поверхности — монета Нуха ибн Насра.

Помещение 7, 8 — единое с большими перестройками в плане, коленчатое, размеры 5,5×5 м, состоит из двух частей, западная более обширная, восточная узкая, продолговатая. Стены помещения, сложенные из сырцового кирпича, более ранние, чем западная в помещении 4, так как их основание лежит ниже основания пахсовой стены более чем на 2 м. В промазке между кирпичами найдена керамика периода Афрасиаб III и фрагмент бракованной чашечки с подглазурной росписью. Как нам кажется, помещение жилое, потому что в нем не найдено материалов, относящихся к гончарному производству. Вход в помещение — со стороны мощенного проезда по ступенькам, выложенным, как и вымостка проезда, из рваного сланца. Вход шел через участок, обозначенный на плане помещением 8, представлявшим на одном из этапов существования резервуар, облицованный квадратным жженым кирпичом (22×22×4 см) и водостойкой штукатуркой. Под кирпичной облицовкой в центре резервуара расположено ташнау, а юго-западный угол резервуара, отгороженный узкой сырцовой перемычкой, по-видимому, был небольшой суфой, верхняя плоскость которой не сохранилась. В западной стене помещения 7 параллельно входу с проезда расположен спуск в подземное помещение. На глубине 0,36 м от уровня пола соседнего помещения 4 прослежено четыре уровня пола. Три верхних пола и примыкающие к ним участки стены покрыты белой алебастровой штукатуркой. Под верхними полами найден кусок облицовки какой-то поверхности серой водостойкой штукатуркой толщиной 2 см, покрытой затем тонким белым слоем штукатурки. Дно резервуара в помещении 8 лежит на 0,7 м выше нижнего пола помещения 7. Резервуар перекрыт полом, на котором обнаружен тандыр.

Помещение 9 — это квадратный (1,9×1,9 м) в плане резервуар, смежный с описанным выше. Резервуар без стока. Дно его находится на 0,7 м ниже дна резервуара помещения 8.

Помещение 15 в плане прямоугольное, размер 3,3×3 м. Помещение сохранилось очень плохо, сразу под дерновым слоем обнаружены остатки двух керамических орнаментированных очажков.

Помещение 16 в плане прямоугольное, размер 2,4×2 м — квадратный резервуар, стенки и дно которого облицованы жженым кирпичом. К северу от него расположено небольшое помещение с резервуаром и ташнау. Уровень второго резервуара значительно ниже. Над резервуаром и окружающей его стеной расчищен более поздний тандыр.

Помещение 17 в плане прямоугольное, сохранилось частично. Вдоль южной и западной стороны помещения идет суфа. Стены над суфой окрашены красной охрой по глино-саманной штукатурке.

Помещение 18 смежно с помещением 7 и соединено с ним дверным проемом. Помещения 7, 8, 9, 15, 16, 17, 18 составляют единую группу с выходом в проезд через помещение 7.

К хозяйству № 11 относятся пять помещений и двор (№№ 3, 4, 5, 6, 6а) (рис. 35). Все помещения связаны между собой дверными проемами. В помещении 3 обнаружено дно гончарной печи, прорезающей стену помещений раннего периода. Внутри печи найдено 50 штырей, 25 сепан, пестик для растирания краски. В этом слое обнаружена медная монета, по определению М. Н. Федорова, относящаяся к началу XI в. Хозяйство № 11 расположено между хозяйствами № 12 и № 10 и занимает площадь 115 м². Между хозяйствами № 11 и № 10 расположено коридорообразное помещение 4.

Помещение 3 в плане прямоугольное, размер 2,2×1,7 м, расположено в восточной части проезда. На полу в двух местах отмечено скопление белого песка и, кроме того, заметны следы пожара.

Помещение 5 в плане прямоугольное, размер 2,6×2 м. Как выяснилось после окончательной расчистки, оно являлось продолжением помещения 3, и юго-западная перемычка, разделявшая оба помещения, была, видимо, стенкой закрома, в котором хранились запасы песка. Возможно и другое предположение. Закромами служили оба помещения 3 и 5, этим можно объяснить отсутствие входа, а пользоваться ими могли со стороны помещения 6. Стены описанных помещений, кроме северо-западной, из сырцового кирпича (42×20×9 см), покрыты 3-сантиметровой штукатуркой с примесью самана.

Помещение 6 в плане прямоугольное, размер 4,6×2,7 м, состоит из двух отсеков, перемычка почти не сохранилась. В помещении 6 обнаружено овальное углубление (дм. 50 см, гл. 20 см), заполненное белым песком. Рядом с углублением расположен слив, боковые стенки которого сложены из жженого кирпича в три ряда. К сливу пристроены три соединенные между собой керамические трубы (дм. 25 см, дл. 55 см). Это звено под углом 40° подходит под перевернутую корчагу, где находится поглощающий колодец.

Помещение 6а примыкает к помещению 6 с юго-востока и связывается с ним дверным проемом. Помещение 6а — это маленький дворик, на полу обнаружены остатки обгоревших балок и углубления от столбов. Под слоем обгоревшего дерева и золы найдены полуфабрикаты керамических сосудов. Здесь мог быть легкий навес типа айвана, под которым раскрашивали и сушили сырые изделия. После пожара это место забросили, о чем свидетельствует стерильный слой толщиной 35—40 см, перекрывающий и дорогу, и помещение. Выше идет темный слой толщиной 50 см, относящийся к более позднему периоду. В нем отмечены обгоревшие жженные кирпичи, бракованная керамика, штыри, сепан.

Помещение 4 — узкий коридор, расположенный поперек проезда. Возможно, это было что-то вроде необжитого тупика, разделявшего два смежных хозяйства. На полу коридора обнаружено большое скопление золы и керамики, уходящее под северо-восточную паховую стену. Среди керамики встречено большое количество полуфабрикатов, бракованные изделия, сепан, штыри.

Хозяйству № 12 принадлежат помещения №№ 10, 10а (рис. 35), оно располагается в восточной части квартала гончаров, т. е. восточнее вымощенной улицы, и занимает площадь 41 м². В это хозяйство входят всего два помещения. Можно предположить, что в восточной части его еще были помещения, двор и гончарные печи, но, к сожалению, они не сохранились.

Помещения 10, 10а в плане прямоугольные, размер первого 4,6×4 м, размер второго точно установить не удалось из-за несохранившейся восточной стены; приблизительно оно такое же, как первое. На полу помещений расчищен горелый слой, образовавшийся после пожара, и обгоревшие балки перекрытия, лежавшие параллельно. Под остатками перекрытия найдены полуфабрикаты, фрагменты чаш с росписью. Помещения сообщались проемами и имели один выход на мощенный проезд. С восточной стороны к помещению 10 примыкает помещение 10а, на полу которого обнаружены остатки кирпичной выстилки и ташнау. Группа помещений 3, 5, 6, 6а, 10, 10а расположена компактно, имела различное производственное назначение и выход на проезд со стороны помещения 10. В верхнем слое, в северном углу помещения 6, частично на его стене расчищены остатки небольшой круглой печи, основание топки которой лежит на одном уровне с вымосткой проезда. На полу помещения 10 найден кварцевый песок, употреблявшийся в гончарном деле.

К хозяйству № 13 относятся помещения №№ 11, 12, 12а, 13, 14 и двор (рис. 29). Помещения 11, 12а явно производственного характера. Помещение 12 тоже производственное, здесь раскрашивали гончарную посуду. Площадь хозяйства № 13 112 м². При раскопке добыто большое количество поливной керамики X—XI вв. и пумизматический материал саманидского времени.

Помещение 11 в плане прямоугольное, размер 3,2×3,1 м, расположено к северу от помещения 10. Выявлено два строитель-

ных периода: в поздний оно состояло из двух частей, в ранний период это было большое помещение, вытянутое вдоль проезда. Уровни полов и основание стены здесь резко понижаются: основание западной стены на 0,8 м ниже вымостки проезда, южной — на 1—1,1 м. В северо-восточном углу расчищен резервуар, стенки и дно которого выстланы жженым кирпичом (22×22×4 см), под ним расположен водопоглощающий колодец. У южной стены открыт плохо сохранившийся очаг. В северной стене обнаружен проем, порог которого оформлен двумя ступенями, выстланными сланцевыми плитами. Проем ведет в коридорообразное помещение 13.

Помещения 12, 12а примыкают к помещению 11 с востока. На полу помещения 12 обнаружено скопление белой и красной краски. В юго-западном углу помещения 12а расчищен заком. Сохранность стен плохая, восточные стены не сохранились, поэтому точные размеры не установлены.

Помещение 13 в плане коридорообразное, размер 4,3×2,5 м, вытянуто вдоль северной стороны помещения 11. Больше половины пространства комнаты занимает суфа в южной части помещения.

Помещение 14 в плане прямоугольное, размер 4×2,2 м. В центре его открыта перегородка из сырцового кирпича. В южной стене, внутри отгороженного пространства, расположена ниша с сильно обгоревшими стенками. У основания ниши отмечен цилиндрический горн с овальным отверстием для ввода сопла. За перегородкой обнаружено скопление золы.

Хозяйству № 14 принадлежат помещения №№ 32, 33, 34, 35 (рис. 28), занимает площадь 133 м². За время археологических раскопок открыты рабочие и подсобные помещения. Сохранность стен очень плохая. Все помещения связаны между собой дверными проемами. Между печами и подсобными помещениями расположен дворик, в котором сохранилась выстилка полов. Двор тоже был рабочим местом и местом для сушки формованной посуды. В одном из помещений обнаружен чистый кварцевый песок, в другом — сырье, необожженные раздавленные сосуды, рядом лежали фрагменты расписных и обожженных, но еще не глазурованных сосудов²¹. Все это указывает на производственный характер этого комплекса помещений. По конструкции гончарные печи 4 и 5 идентичны описанным. Нижняя топочная камера, вырытая в земле, ниже уровня полов, в плане грушевидной формы. Обжигательная камера цилиндрической формы, тоже из сырцового кирпича. Ширина стенки обжигательной камеры 50 см. При переходе к топке стенки ее образовали полку шириной 30 см. На внутренней стенке наземной части печи через каждые 30 см расположены отверстия для штырей: сохранилось пять рядов. Устье печи оформлено общей

²¹ Ташходжаев Ш. С. Художественная поливная керамика Самарканда IX — начала XIII в. Рукопись канд. дисс. Ташкент, 1964, с. 48.

аркой. Диаметры обжигательных печей 2,30—2,80 м, 1,80—1,90 м; топочных камер 1,60—1,80 м, 0,70—0,80 м.

К печам примыкают рабочие помещения, в которых мастера подготавливали керамические изделия. В разных местах хозяйства № 14 обнаружены: монета Наср ибн Али, 400 г., чеканенная в Фергане, монета Наср II ибн Ахмада, 331 г., чеканенная в Бухаре; монета Наср I ибн Ахмада, 271 г., чеканенная в Самарканде; бухархудатский черный дирхем; караханидский фельс начала XI в., найден в печи № 4; караханидский фельс начала 354 г. х. (985/6) найден на полу; четыре других фельса династии караханидов начала XI в.; фельс омеядский, Хишама II (724—743).

Таким образом, раскопанные нами в квартале керамистов 74 разнохарактерных помещения объединяются в 14 хозяйств, тесно связанных с гончарным производством. В результате анализа археологических материалов, полученных при раскопках помещений, установлено функциональное назначение каждого из них.

Изученные гончарные хозяйства специализировались по выпуску глазурованной посуды. Небольшое количество неполивной керамики, находимой в квартале, относится к бытовому ее использованию в хозяйстве гончаров. Равенства в хозяйствах не замечено.

В результате археологических раскопок выяснено, что хозяйства №№ 1, 2, 3, 10, 14 были богатыми, в каждом отмечена одна или две печи, 5—8 помещений и один большой двор, занимаемая площадь тоже сравнительно больше, чем в других хозяйствах. В богатых хозяйствах планировка помещений ровная и прямоугольная, полы выстланы жженым кирпичом, стены и полы оштукатурены белым алебастром, иногда стены украшены резьбой по ганчу. В богатых хозяйствах есть тротуары и коридоры, вымощенные рваным сланцем и жженым кирпичом. Все помещения расположены компактно и тесно связаны между собой.

В богатых хозяйствах были большой двор, кухни под навесом с несколькими бытовыми и производственными очагами, хорошие водопроводные и канализационные системы. Каждое помещение в хозяйстве имело определенное назначение: в одном помещении жили, в другом заготавливали гончарную глину и выделывали шарики нужных размеров для изготовления изделий, в третьем на гончарном станке формовали сосуды, в четвертом их ангобировали, глазуровали и т. д. В отдельных складах хранили в хумах сырье и красители.

Хозяйства №№ 4, 5, 6, 7, 8, 9 были средними, в них найдена только одна печь, 4—5 помещений и один двор. Хозяйства №№ 11, 12, 13 — самые бедные, они без печей, с 2—3 помещениями, некоторые были даже без дворов. Можно предположить, что они пользовались печами соседних хозяйств. В каждом хозяйстве планировка помещений разная. Бедные хозяйства с меньшей площадью, планировка помещений неровная, стены кривые, полы и стены сложены из половинок жженных и сырцовых кирпичей.

Не все открытые нами хозяйства занимались гончарным производством; одно из хозяйств занималось выпечкой хлеба. В хозяйстве пекаря было два таандыра; возможно, это хозяйство обеспечивало хлебом весь квартал гончаров.

Основные гончарные хозяйства центрального квартала в отличие от северо-западных и южных гончарных мастерских гораздо богаче, занимаемая ими площадь шире, высококачественной продукции они выпускали больше.

Еще В. Л. Вяткин обратил внимание на расположение кварталов гончаров на Афрасиабе²². Он открыл несколько гончарных печей и подробно описал их устройство. Результаты этих работ изложены в книге В. Л. Вяткина «Афрасиаб — городище бывшего Самарканда». В. Л. Вяткин отмечал, что на Афрасиабе гончарные печи находятся не повсеместно, а в двух районах, которые, вероятно, являются кварталами гончаров. Первый из них располагался в центре города, второй, более поздний, в юго-западном углу города, что подтвердили археологические работы. Однако кварталы гончаров находились не только в этих двух районах. Выявлено восемь пунктов на городище, где размещались кварталы гончаров и отдельные керамические печи, функционировавшие в различные исторические периоды.

1. Квартал гончаров X — начала XI в. в центре города, указанный В. Л. Вяткиным, исследовали археологи Афрасиабской экспедиции.

2. А. И. Тереножкин обследовал в северной части городища, возле мавзолея Ходжи Данияра, гончарные печи²³ и мастерскую, которые датировал временем Тали-Барзу I, т. е. рубежом нашей эры²⁴.

3. В 1947 г. при реконструкции дороги Самарканд—Аэропорт, прорезавшей западную часть Афрасиаба, А. И. Тереножкин и Л. И. Альбаум проводили археологический надзор. На участке 7-го пикета А. И. Тереножкин²⁵ обнаружил четыре гончарные печи и большое количество археологических материалов. Впоследствии основываясь на этих материалах, Л. И. Альбаум опубликовал специальную статью²⁶. Все открытые гончарные печи одинаковой конструкции, но различной сохранности. В плане они круглые, с двумя камерами — обжигательной и топочной. Л. И. Альбаум датирует печи X—XI вв. н. э.²⁷

²² Вяткин В. Л. Афрасиаб — городище бывшего, Самарканда. Ташкент, 1927.

²³ Тереножкин А. И. Археологическая разведка на городище Афрасиаб в 1945 г. — КСИИМК, вып. XVII, 1947, с. 117.

²⁴ Тереножкин А. И. Раскопки на городище Афрасиаб. — КСИИМК, вып. XXXVI, 1951, с. 137.

²⁵ Это место отмечено А. И. Тереножкиным на археологической карте Афрасиаба пунктом 34. См.: Монгайт Л. Археология СССР. М., с. 278.

²⁶ Альбаум Л. И. О гончарном производстве на Афрасиабе в X—XI вв. — В сб.: Афрасиаб, вып. I, с. 256.

²⁷ Альбаум Л. И. Указ. соч., с. 267.

В 1960 г. в этом же районе городища обнаружено две гончарные печи с большими отвалами из шлаков и кусков извести²⁸.

Обнаруженная гончарная печь в плане овальная (длина с севера на юг 2,9 м, ширина 2,5 м), четко выявлены только внутренние контуры печи, снаружи к оплавленной поверхности примыкала обожженная земля толщиной до 50 см.

Гончарные мастерские здесь датируются второй половиной X — началом XI в.²⁹

4. Осенью 1958 г. В. Д. Жуков³⁰ начал археологические раскопки квартала гончаров в юго-западной части городища Афрасиаб. Здесь открыто 10 гончарных печей.

Печи данной мастерской расположены примерно на одном уровне. Гончарные печи, производственные и жилые помещения гончаров относятся к двум хозяйствам.

В 1967 г. Ш. Шарахимов производил чистку гончарных печей данной мастерской. В результате обнаружено шесть монет, четыре из них относятся к периоду последнего хорезмшаха Мухаммада б. Текеша, две монеты очень плохой сохранности. В результате обработки археологических материалов, изучения конструкции гончарных печей и проведения аналогий с другими печами городищ Средней Азии установлено, что гончарная мастерская относится к XII — началу XIII в.

5. В 1963 г. Н. Б. Немцева, изучавшая Шахи-Зинда, обнаружила гончарную печь³¹ XII — начала XIII в.³² вблизи крепостной стены городища, примерно 130 м на запад от «средней группы» мавзолеев ансамбля Шахи-Зинда.

6. Весной 1965 г. в юго-западной части Афрасиаба, близ 4-й городской стены И. Ахраров открыл три гончарные печи. Печи в плане большие, одинаковой конструкции. В 4 м южнее печей находился большой керамический отвал. В нем найдены печные припасы, бракованная посуда, фрагменты кашинной керамики и стекла, куски шлака. Из печных припасов отмечены сепай, штыри, круглые лепешки и комья глины для подставки под посуду и др. Большая часть материала из керамического отвала — производственный брак. И. Ахраров датирует мастерскую XII — началом XIII в.³³

7. Западнее центрального квартала, под третьей оборонитель-

²⁸ Кабанов С. К. Полевой отчет о работах раскопа Р 9а за 1960 г. Архив Института археологии АН УзССР, с. 1.

²⁹ Кабанов С. К., Филанович М. И., Урманова М. Х. Раскопки части жилого массива IX—XI вв. — В сб.: Афрасиаб, вып. III, с. 82—83.

³⁰ Жуков В. Д. Полевой отчет отряда № 2 Самаркандской экспедиции за 1959 г. Архив Ин-та археологии АН УзССР, с. 1; Он же. Некоторые материалы к топографии юго-западной части Афрасиаба. — ОНУ, 1961, № 4, с. 42.

³¹ Немцева Н. Б. Стратиграфия южной окраины городища Афрасиаб. — В сб.: Афрасиаб, вып. I, с. 194.

³² Немцева Н. Б. Шахи-Зинда. К истории ансамбля и исторической топографии юга Самарканда. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1972, с. 7.

³³ Ахраров И. К истории керамического производства на городище Афрасиаб. — В сб.: Афрасиаб, вып. I, с. 301, 308—310.

ной стеной Афрасиаба, отмечена одна гончарная печь IX—X вв. (раскопки В. Л. Вяткина, М. Н. Пачоса).

Кроме того, существовали гончары-одиночки, имевшие одну или две печи. Местоположение керамических мастерских на территории городища Афрасиаб не было постоянным. В X — начале XI в. квартал гончаров находился в центре городища. В XII — начале XIII в. гончарные кварталы переместились на юго-запад, юго-восток и юг. Видимо, это объясняется административными мерами городских властей, разрешавших ремесленникам обосновываться в той или иной части города. Такое продвижение кварталов прослеживается и в Мерве³⁴.

Большой интерес представляет узкая специализация гончарных мастерских. Так, гончарная мастерская IX—X вв. в западной части центрального квартала выпускала только неполивную керамику. Исследованные нами гончарные хозяйства X — первой половины XI в. изготавливали только высококачественную поливную посуду разных форм и большого ассортимента. Северо-западная гончарная мастерская конца X — первой половины XI в. выпускала только очажки и котлы³⁵. Южная гончарная мастерская второй половины XII — начала XIII в. производила дорогую фаянсовую и люстровую посуду³⁶. Юго-западная гончарная мастерская, расположенная за третьей оборонительной стеной и датированная XII — началом XIII в., специализировалась по выделке очажков, котлов, крышек и др.

Вопрос организации труда средневековых ремесленников интересовал многих ученых — историков, археологов, востоковедов и этнографов. До последних лет он остается дискуссионным. Существуют две точки зрения. Большая группа ученых утверждает наличие цеха в средневековых городах X — начала XIII в. Другая группа отрицает существование цеха в данный период. Этот интересный вопрос стал предметом исследования Ш. С. Ташходжаева³⁷.

Была ли цеховая организация в X—XII вв. на территории Средней Азии? Письменные источники, свидетельствующие о наличии цеховых организаций ремесленников в этот период, нет.

А. Ю. Якубовский считал, что уже в X в. ремесленники Средней Азии были объединены в цеха, хотя самые ранние письменные источники о цеховых организациях относятся к первой половине XIV в.³⁸ Б. Н. Заходер придерживался мнения, что по крайней мере с XI в. в ремесле начали складываться цеховые отношения³⁹,

³⁴ Лунина С. Б. Гончарное производство в Мерве X — начала XIII в. — Труды ЮТАКЭ, т. XI, с. 217.

³⁵ Пашкина Г. В. Древний Самарканд, с. 106.

³⁶ Немецва Н. Б. Стратиграфия южной... с. 194.

³⁷ Ташходжаев Ш. С. Керамическое производство Афрасиаба и вопросы организации труда ремесленников X — начала XIII в. — В сб.: Афрасиаб, вып. IV, с. 58.

³⁸ Якубовский А. Ю. Феодалное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. I. М., 1932, с. 9—33.

³⁹ Заходер Б. Н. История восточного средневековья. М., 1944, с. 94.

А. Е. Бертельс также подтверждал наличие цеховой организации⁴⁰. Б. Г. Гафуров подчеркивал, что время правления Сельджукидов было в известной степени периодом мирного развития и подъема феодального хозяйства и торговли. Росли города, в них увеличивалось число ремесленников, организованных в цеха⁴¹. И. Петрушевский отмечал, что в X—XI вв. в городах Средней Азии не было общегородского самоуправления, оно существовало только в рамках отдельных социальных групп, торговых, ремесленных и духовных корпораций и кварталов⁴².

А. М. Беленицкий, основываясь на письменных источниках XVI в., утверждает, что главную роль в гончарном производстве Самарканда играл хозяин-мастер. Помимо него, в хозяйстве были ученики и рабочие, положение последнего определить трудно⁴³.

М. Е. Массон считает, что уже в XI—XII вв. среди ремесленников существовало четкое расслоение на мастеров-хозяев, подмастерьев — муздор (получающих плату) и учеников⁴⁴.

О. Г. Большаков пишет, что топонимика пока не дает однозначного ответа на вопрос о ремесленной специализации кварталов и не может служить основанием для выводов о наличии или отсутствии цеховой организации⁴⁵. В письменных источниках до монгольского времени слово «синф» — цех встречается только раз при описании Самарканда: «Его базары, постоянные дворы, синуф (мн. ч. от синф) и товары находятся в рабаде, за исключением небольшого количества в Медине». В приведенном контексте не исключено и иное значение слова «синф» — базары разной специализации.

О высокой степени развития ремесленной деятельности в Средней Азии уже в IX в. свидетельствует Якуби. При описании рабадов Багдада он указывает, что на рынках его есть «люди из Балха, Мерва, Хутталаяна, Исфиджаба, Иштихана, люди Кабулшаха, люди Хорезма, и у каждой группы людей имеются свои кази и райсы»⁴⁶. Из контекста ясно, что под «людьми» здесь подразумеваются не купцы, а ремесленники. Таким образом, большинство историков и востоковедов утверждают, что цеховое объединение зародилось задолго до завоевания Средней Азии монголами. Большой интерес к изучению организации цехов ремесленников и их статусов — «рисаля» — проявили А. Ф. Миддендорф, С. М. Смирнов, Н. Ф. Петровский, В. П. Наливкин, Н. И. Остроумов, И. П. Петрушевский,

⁴⁰ Бертельс А. Е. Носир Хосров и исмаилизм. М., 1959, с. 44—45.

⁴¹ Гафуров Б. Г. Таджики. М., 1970, с. 357.

⁴² Петрушевский И. П. Городская знать в государстве Хулагидов.— СВ. V, 1948, с. 88.

⁴³ Беленицкий А. М. Организация ремесла в Самарканде XV—XVI вв.— КСИИМК, VI. М., 1940, с. 46.

⁴⁴ Массон М. Е. Городище старого Термеза и их изучение. Труды УзФАН ССР, серия 1, вып. 2. Ташкент, 1940, с. 97.

⁴⁵ Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с. 301.

⁴⁶ История Узбекской ССР. Т. I. Изд. 3-е. Ташкент, 1967, с. 318—319.

М. Ф. Гаврилов⁴⁷, Е. М. Пещерева⁴⁸, О. А. Сухарева⁴⁹. Е. М. Пещерева⁵⁰ пишет, что «ремесленные организации сохранились вплоть до Октябрьской революции и в зависимости от разных историко-экономических условий находились на разных ступенях развития от самых примитивных форм, связанных с положением ремесла в сельской общине, где оно только начинало выделяться из сельского хозяйства, и до ремесленных организаций больших городов, которые в ряде случаев приобретали очень большое сходство с западноевропейскими цехами».

С. Б. Лунина, основываясь на этнографических материалах, считает, что, судя по объему работ, хозяин-мастер, имевший одну-две обжигательные печи, держал примерно до десяти работников: в их состав входили и ученики, и подсобные рабочие⁵¹. В крупных хозяйствах, имевших до 5 печей и много подсобных помещений, должно было быть до 20 и более учеников и подсобных рабочих. Однако на основе этнографических данных нельзя установить достоверность существования цеховых объединений в X—XII вв., и цеховые объединения, отраженные в этнографической литературе, могут во многом отличаться от цеховых организаций предшествующих исторических эпох.

Археологические раскопки кварталов керамистов с печами и остатками архитектурных сооружений (производственные помещения, инструменты, жилые комнаты и т. д.) могут только косвенно помочь нам в решении вопроса о наличии цеховых организаций. Цеховые объединения ремесленников — явление социального порядка, непосредственно не отражающееся на изделиях ремесла и производственных помещениях. В Мерве, например, вскрыты кварталы керамистов, изучены хозяйства ремесленников, известны имена мастеров на штампованной керамике, однако С. Б. Лунина считает полученные данные недостаточными для утверждения, что цеховые организации уже были⁵². Ш. С. Ташходжаев пишет, что в X—XII вв. в Средней Азии существовали цеховые организации ремесленников⁵³. И. Ахраров тоже подтверждает существование цеховых организаций в X—XII вв. в городах Ферганской долины⁵⁴.

⁴⁷ Гаврилов М. Ф. О ремесленных цехах Средней Азии и их статусах — рисоля. «Изв. Средазкомстариса», вып. 2. Ташкент, 1928, с. 233.

⁴⁸ Пещерева Е. М. Из истории цеховых организаций в Средней Азии. Краткие сообщения Ин-га этнографии им. Н. И. Миклухо-Маклая, вып. VI. М.—Л., 1949, с. 34—40.

⁴⁹ Сухарева О. А. К вопросу о генезисе профессиональных культов у таджиков, узбеков. Труды АН ТаджССР, т. 120, 1960, с. 195—207 и др.

⁵⁰ Пещерева Е. М. Ремесленные организации Средней Азии в конце XIX и начале XX в. Доклады делегации СССР на XXV Международном конгрессе востоковедов. М., 1960, с. 1.

⁵¹ Лунина С. Б. Гончарное производство в Мерве. — Труды ЮТАКЭ, т. XI, 1961, с. 405.

⁵² Лунина С. Б. Указ. соч., с. 406.

⁵³ Ташходжаев Ш. С. Ремесло в средневековом Самарканде. — «Вопросы истории СССР», 1970, № 1, с. 142.

⁵⁴ Ахраров И. Керамика Ферганы IX—XII вв. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1966, с. 12.

Здесь уместно привести текст из «Истории Узбекской ССР»: «От X в. не сохранилось прямых указаний на существование ремесленных организаций, называющихся в феодальной Европе цехами. Однако вся последующая история ремесленных цехов в средневековом Мавераннахре говорит о том, что цехи эти как определенная форма организации ремесленников существовала»⁵⁵. Далее приводятся источники, указывающие на наличие квартальных цехов (главы кварталов) в ряде городов того времени. Едва ли ошибочным будет предположение, что шейхи махалля являлись одновременно предводителями того ремесла, которым занимались жители данной махалли, и что люди, занимавшиеся ремеслом, были объединены в свой цех⁵⁶.

Мы располагаем лишь косвенными данными, в какой-то мере указывающими на наличие цехов в больших городах Средней Азии.

1. Наличие торгово-ремесленных кварталов, занимающих определенные территории города и, возможно, запирающихся воротами, общность территории квартала.

2. Предполагаемое разделение видов труда между участниками гончарного дела.

3. Высокий уровень развития торговли в самом городе и между городами.

4. Наличие узкой специализации в гончарном производстве. Учитывая косвенные данные по Самарканду и другим средневековым городищам Средней Азии о возможности цеховых организаций в X—XII вв., мы допускаем наличие ремесленных корпораций, координировавших работу гончаров, устанавливавших объем и виды выпускаемой продукции. У таких ремесленных объединений был устав.

Самарканд X—XIII вв. был крупным торгово-ремесленным центром, вывозившим на внешний рынок различные товары. Восточный историк X в. Макдиси писал: «Из Самарканда (вывозятся) ткани серебристые (сумгун), самаркандские большие медные котлы, изящные кубки, палатки, стремена, удила, ремни... Из Самарканда еще идет парча, красные ткани, известные под названием мамаджили, ткань синизни (полотняная), много шелку и шелковых тканей, орехи». Макдиси не упоминает о гончарных изделиях Самарканда. Однако находки самаркандской керамики в других городах свидетельствуют о том, что и изделия гончаров вывозились из Самарканда. На это косвенно указывает и очень высокий уровень развития гончарного производства в Самарканде. Поэтому в освещении истории гончарного ремесла важное значение имеют археологические материалы, обнаруженные в гончарных мастерских городища Афраснаб. Археологические работы в центральной части Афраснаба позволили выявить и точно датировать богатейшие комплексы керамики, изучить техническое устройство

⁵⁵ История Узбекской ССР. Т. I, с. 318—319.

⁵⁶ История Узбекской ССР. Т. I, с. 319.

гончарных печей, проследить весь процесс производства керамики. Разнообразие и оригинальность форм керамической посуды Афрасиаба свидетельствуют о существовании в изучаемый нами период местной, самобытной керамической школы. Поливная керамика XI—XII вв. продолжает традиции поливной керамики IX—X вв. Основные орнаменты предшествующих веков продолжают применяться в XI—XII вв.

Археологические исследования доказывают широкое использование гончарных изделий всеми слоями населения. Она была предназначена не только для утилитарных целей, но и для украшения жилых помещений. Гончары выпускали высококачественные и изящные изделия широкого ассортимента. В истории гончарного производства Самарканда керамическое ремесло в X—XI вв. достигает вершины развития. Продукция его великолепна по техническому совершенству и разнообразна по орнаментации. Гончары использовали высококачественные красители и поливы.

Ш. Шарахимов, исследовавший квартал гончаров в центре городища и гончарное производство Самарканда X—XII вв., пришел к следующим выводам.

1. Квартал керамистов, располагавшийся в центре Самарканда, один из крупнейших в городе, в котором выявлено 14 хозяйств, в основном ремесленников-гончаров. В результате топографического изучения городища Афрасиаб установлено, что каждое специализированное хозяйство гончаров находилось в определенном квартале, а изменения в их расположении прослеживаются в разные исторические периоды.

2. X—XI вв. в истории гончарного производства Самарканда стали наивысшим периодом расцвета.

3. Существовала узкая специализация гончарных мастерских, выпускавших определенную разновидность керамической продукции. В процессе смены одних видов керамики другими наблюдалось стремление мастеров творчески использовать наследие своих предшественников. В X—XI вв. неполивная бытовая и кухонная посуда улучшается по сравнению с предшествующим периодом по качеству и усложняется по форме.

4. В городах централизованного государства Саманидов и Караханидов ремесло, в частности гончарство, занимало почетное место. Ремесленники играли большую роль в экономической, политической и культурной жизни города. Численность ремесленников, в том числе гончаров, была значительной.

5. На основе косвенных данных письменных источников, этнографических материалов и археологических исследований можно сделать вывод, что в X — начале XIII в. в Самарканде уже существовали цеховые организации.

6. Перечисленные факты и результаты исследований кварталов, керамических мастерских, локальных хозяйств, техника и технология гончарного производства, изучение гончарной продукции свидетельствуют о высоком уровне культуры и искусства средневекового Самарканда.

К ТОПОГРАФИИ ЗАПАДНОЙ ОКРАИНЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО САМАРКАНДА

За время работ Афрасиабской экспедиции на западной окраине городища между двумя последними кольцами городских укреплений исследованы значительные площади с шурфовкой в 20-ти пунктах до материкового лесса. Как установлено, в одних местах культурные наслоения этого района уничтожены, в других — их толща составляет 1,7—7 м. Исключение при этом представляет низина XIII близ современного кладбища (рис. 36), исследованная В. Д. Жуковым (раскоп 2). Шурф в центре низины, доведенный до глубины 12 м, материка не обнаружил и был законсервирован из-за опасности обвала. Исключительная по отношению к другим местам шурфовок толща культурных наслоений объясняется наличием здесь в естественных карстовых низинах больших водоемов, заполненных илстыми слоями, содержащими керамику. Ни на территории низины XIII, ни на прилегающих к ней холмах, где велись раскопки и зачистки, слоев раньше IX в. не зафиксировано. Однако на любом из затронутых раскопкой участках в перемещенном состоянии обнаруживается некоторое количество материала периодов Афрасиаб II и III, что, впрочем, не означает отсутствия признаков периода Афрасиаб I, поскольку керамику этого времени трудно отличить от близких ей форм двух последующих периодов.

На участке городища между дорогой и внешней городской стеной исследования велись в семи пунктах. Значительная (около 6,500 м²) доля раскопанной площади приходится на один раскоп (№ 9) в северной части исследуемого участка.

На западной окраине Афрасиаба раскопки производились уже в 1912 и 1925 гг. В. Л. Вяткиным, в 1933 г. В. Р. Чейлытко, а в 1941 и 1947 гг. осуществлялся археологический надзор при прокладке дороги (П. В. Лифиренко, А. И. Тереножкин)¹.

Место для раскопа I (рис. 36 и 37) выбрали на отлогом холме с крутым южным склоном в сторону впадины близ городской стены. Работы велись в весенний полевой сезон 1958 г.² Сохранность

¹ См.: Шишкин В. А. История изучения...

² В работах участвовал лаборант П. Валиев.

вскрывавшихся построек чрезвычайно плохая, что в значительной мере объясняется характером сооружений. Тонкие стены построек быстро разрушались и заменялись новыми. Судя по их остаткам, возведенные на окраине города дома принадлежали беднейшим слоям горожан.

К наиболее ранним находкам здесь относится монета с квадратным отверстием Вархумана (650/55—696 гг.)³; диаметр ее

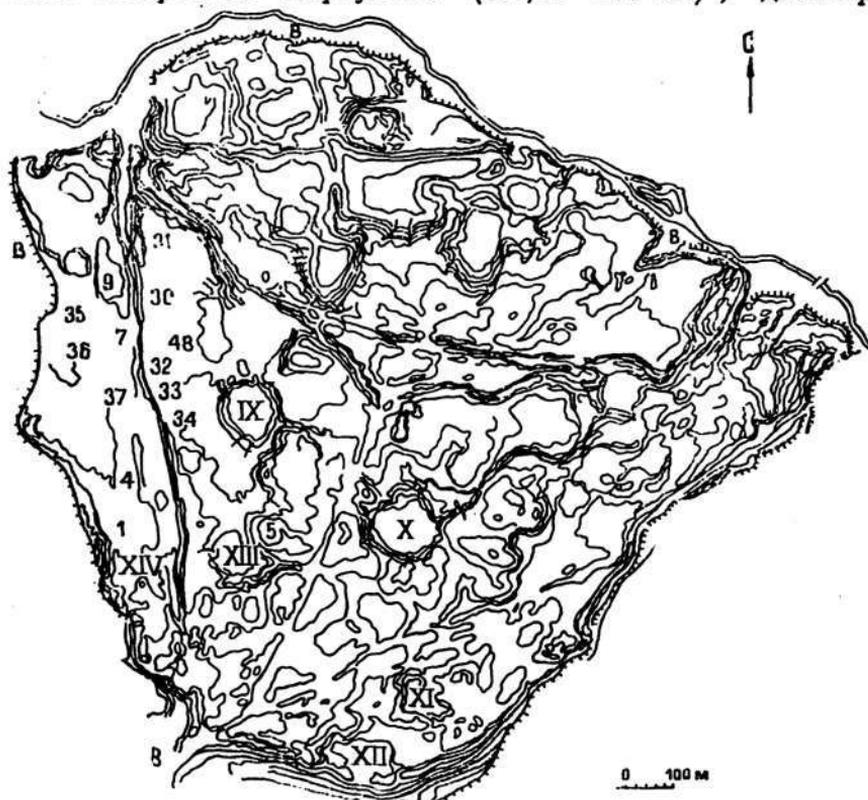

Рис. 36. Расположение западных раскопов. В—городские ворота, римские цифры—номера больших низин, арабские—номера раскопов.

2,29 см, вес 4,07 г. Культурный слой этого периода толщиной 30—40 см, вскрытый на площади 9 м², выклинивается к склонам холма. Из керамики здесь оказались две петлевидные ручки кружек (рис. 38, 40).

Из материалов IX в., явно перемещенных в более поздние слои, в раскопе оказалось несколько поддающихся определению сосудов; нижняя часть небольшого кувшина на дисковидном поддоне, расписанного ярко-желтыми крапинами и черными точками в ячейках марганцево-черной косой сетки и покрытого ирризованной гла-

³ Определение по публикациям О. И. Смирновой.

зурью — I.O.RA.gД.(55)⁴ (рис. 38, 23); фрагмент цилиндрического сосуда с простым рельефом из четырех горошин в круге, оттиснутым отдельными штампами, покрытый зеленой глазурью по черепку — I.O.RБ.с (рис. 38, 32); неглазурованный чираг-плошка без ручки. В нижний зольный слой ямы 9, относящийся к одному из последних периодов обживания участка (и по стратиграфическому положению, см. рис. 39, и по материалу в заполнении), попали более ранние предметы, видимо, тоже IX в. (рис. 38, 51—54), в их числе свистулька в форме птички (рис. 38, 52) и фрагмент кувшина

Рис. 37. Общий вид раскопа I с запада с оплыва городской стены.

с лошенной поверхностью по красному ангобу, орнаментированный резьбой (рис. 38, 53).

К X в. относятся остатки стены (рис. 39) из сырцового кирпича невыявленных размеров (толщина 10 см). С уровня пола опускается ташнау 6, где найдены фрагмент глазурованной керамики с пятнистой россыпью по процарапанному рисунку на белом ангобе — I.I.ZA.gД.(81).б и часть котла диаметром 34 см плохого обжига с примесью большого количества кварца в формовочной массе (рис. 38, 50). Позднее, но в пределах того же X в. здесь возвели постройку из пахсы. К уровню полов с пахсовыми стенами относятся два (2- и 3-й) ташнау, один из которых (ташнау 3) перекрыт хумом и выстлан жженым кирпичом 20×20×5 см; 22×22×5 см

⁴ Пояснения к кодовой записи типов глазурованной керамики см.: Ш и ш к и н а Г. В. Глазу рованная керамика Сог да. Ташкент, 1979.

(рис. 39, 40). Хум, закрывающий ташнау, яйцевидной формы с за-
щипами по накладному валуку под венчиком.

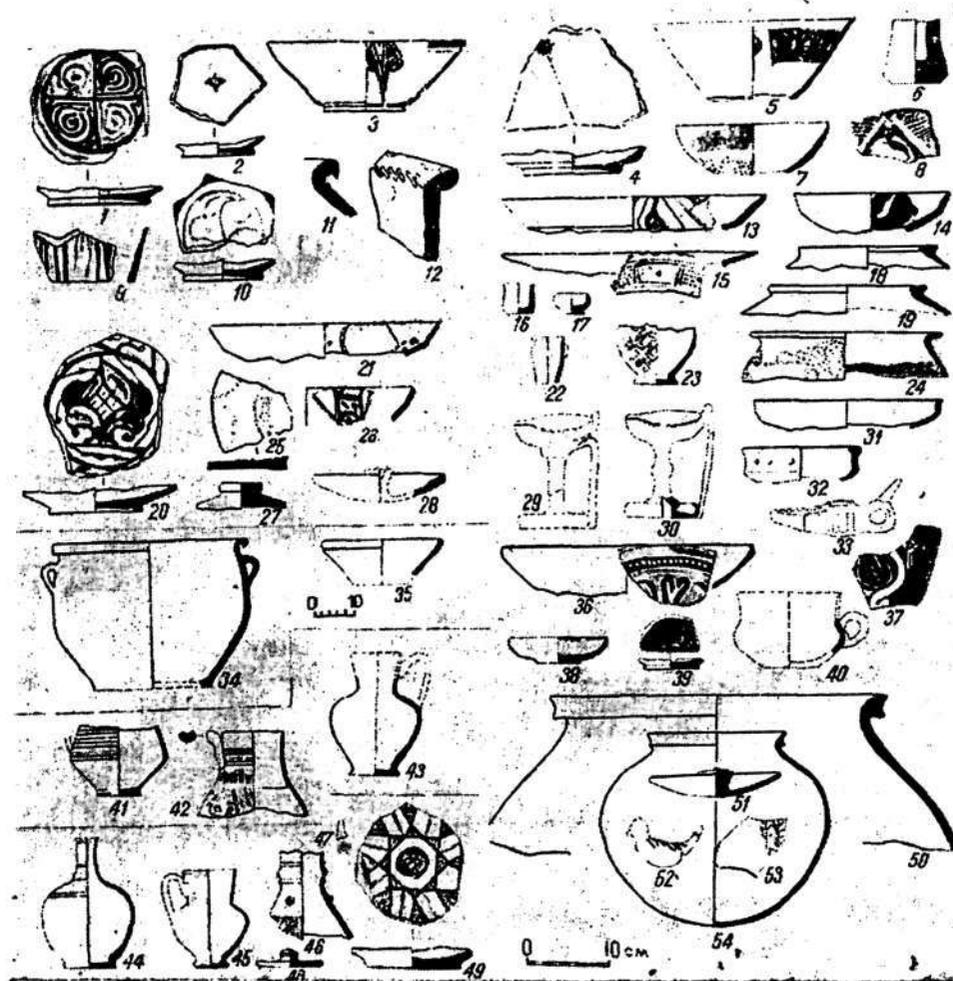

Рис. 38. Керамика из раскопа 1 и шурфа над низиной XIV: 1—3, 9—12—шурф
4—8, 13—19, 22—24, 29—33, 36—39—верхний слой раскопа; 20—21, 25—28—
ташнау 2; 40—нижний слой; 41—43—ташнау 4; 44—49—нижние завалы шур-
фа Р-1; 50—ташнау 6; 51—54—яма 9.

Ташнау 2 перекрыт широкогорлой корчагой с двумя вертикаль-
ными ручками на плечах (рис. 38, 34). Перекрытие ташнау такими
сосудами обычно для X в. и не раз отмечалось на раскопе 9.
В ташнау найден фрагмент тагоры, попавший сюда, видимо, при
сооружении этого водопоглощающего устройства (рис. 38, 35).
О разрушении на этом участке значительной мощности слоев X в.
свидетельствует большая примесь керамики этого времени в слоях

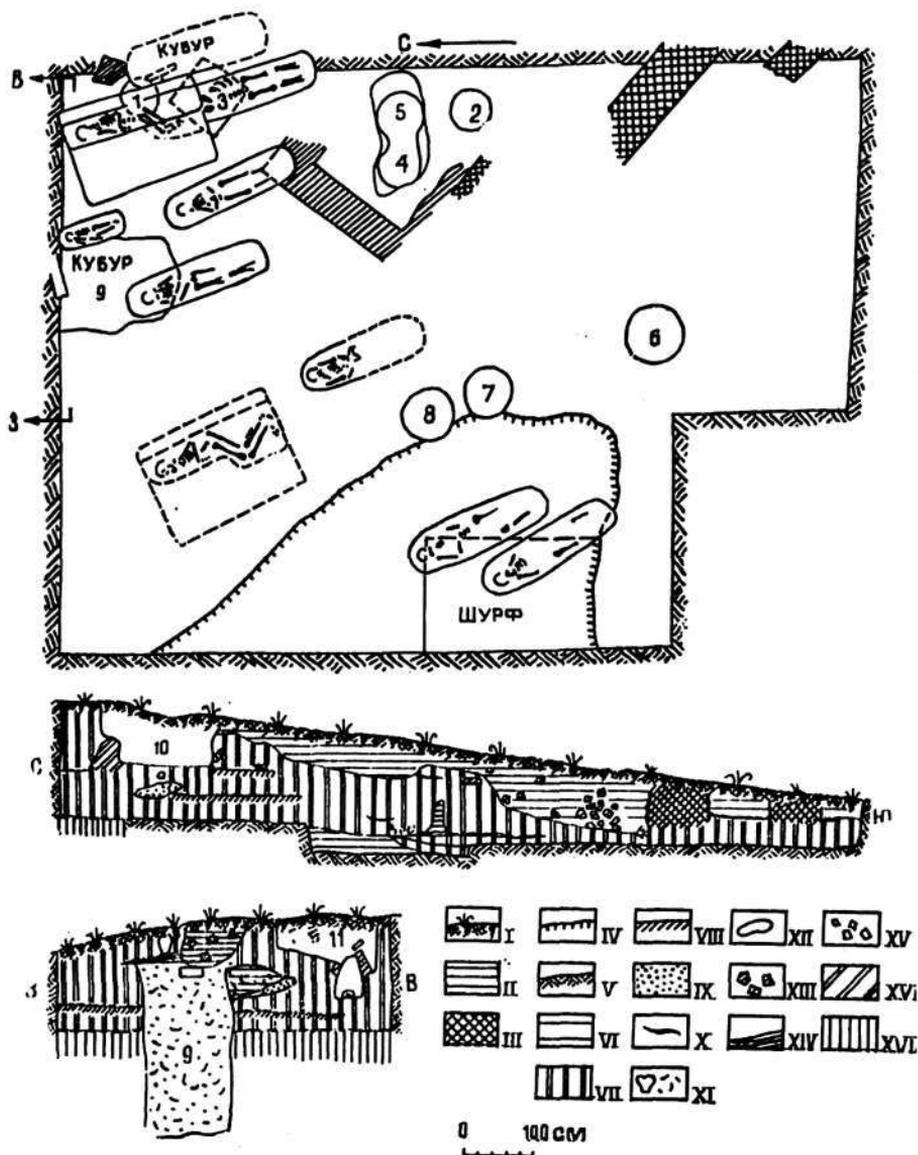

Рис. 39. План и разрезы раскопа I:

I—дери; II—стена 1-го периода; III—стены 2-го этапа 1-го периода; IV—обрыв лессового холма; V—граница раскопа; VI—рыхлый слой; VII—плотный слой; VIII—уровни полов; IX—золяники; X—уплотненный слой угля и золы; XI—керамика; XII—погребения; XIII—завалы сырового кирпича; XIV—натечный слой; XV—мелкобитый жженный кирпич; XVI—стена 2-го периода; XVII—материковый лесс; 1—9—ташнау и мусорные ямы; 10—11—погребения в разрезе.

заполнения колодезидных ям (1, 4, 5) последнего периода жизни городища — XII — начала XIII в.

К ранним в ташнау 4 относятся маленький светлоглиняный узкогорлый кувшин (рис. 38, 43) и фрагменты сероглиняных кувшинов: один с горизонтально-ребристой верхней частью тулова и пояском *z*-образных оттисков штампа (рис. 38, 41); другой орнаментирован многозубчатой гребенкой и оттисками отдельных (до пяти видов) штампов (рис. 38, 42).

В ташнау I к ранним (X в.) можно отнести крышки котлов (рис. 38, 25, 28).

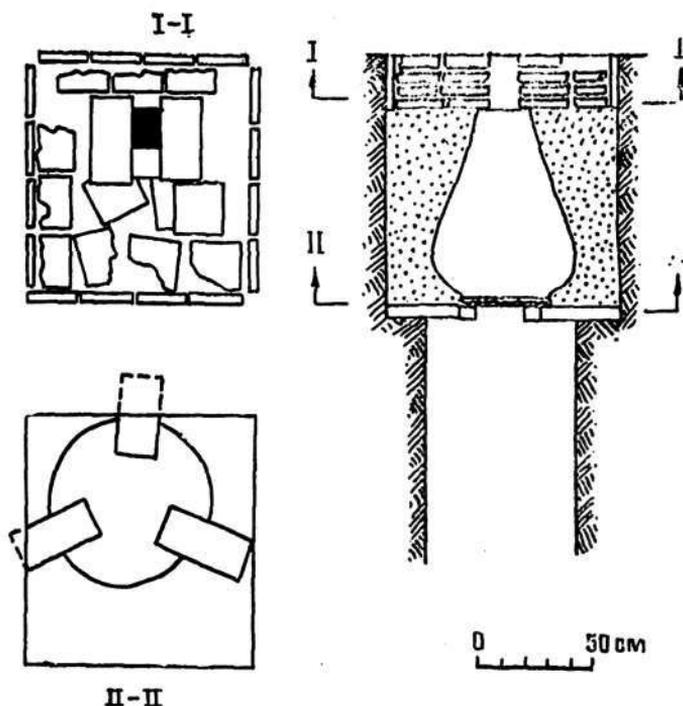

Рис. 40. Раскоп I, ташнау X в.: I—I план верхней части резервуара; II—II — план резервуара с опорными кирпичами; справа—разрез.

На раскопе I и южнее на краю городской стены заложено два шурфа. Один из них доведен до глубины 6 м от вершины холма и приостановлен из-за сыпучести вскрытых завалов. Тем не менее выяснилась картина интенсивного обрушения городской стены в IX—X вв. Завалы больших глыб пахсы наблюдались от современной поверхности на всю глубину шурфа. Они заполняли глубокую (не менее 5 м) ложину, пролегавшую между городской стеной и холмом с постройками на его вершине. Нижние из вскрытых 1—1,5 м завала могли образоваться еще в IX в., поскольку извлеченная отсюда керамика вполне укладывается в рамки этого столе-

тия: хум с налепом-оборочкой, кувшин с резным и налепным штампованным орнаментом, небольшие светлоглиняные кувшины, плоская крышка кувшина, глазурованная по черепку (I.O.RB.a), фрагмент чаши с расплывчатой росписью по непрозрачной глазури (I.O.NA.fвл) (рис. 38, 44—49).

Второй шурф показал ту же картину заброшенности внешней городской стены. Здесь, в стене, вырыта яма типа пещеры или чилляханы, в X в. заполненная мусором (рис. 41). Керамика из бадраба, прорезавшего прилегающие к стене слои, и из заполнения чилляханы принадлежит к X в.: I.I.ZAgD.(81); I.I.ZAgm.(18); I.I.ZA.gm.(11) — сравнительно поздний для X в. вариант; фрагмент переносного очага с простейшим рисунком оттисков кольцевых и дуговидных штампов и косых насечек (рис. 38, 1—3; 9—12). Слой датирован двумя фельсами Насра II. Здесь же найден «черный дирхем» с круговой арабской надписью.

Одна из монет Насра хорошей сохранности датирована 304 г. / 916/17 гг. н. э. (диаметр 2,52 см; вес — 3,26 г). На лицевой стороне в поле в линейном круге: لا اله الا الله وحده لا شريك له.

Круговая легенда: بسم الله ضرب بهذا الفليس بسمر قند سنه اربع و ثلثمائة
На оборотной стороне в поле в точечном круге: لله/محمد/رسول/
الله/نصر/

Вокруг: هما امر به الامير السيد نصر بن احمد لله (؟) الله

Вторая монета худшей сохранности; диаметр 2,10 см; вес 1,80 г.

AV. В поле в линейном ободке: لا اله الا الله وحده لا شريك له

Круговая легенда стерта.

RV. В поле в точечном круге: لله/محمد/رسول/الله/نصر/

От круговой надписи остались только начальные буквы.

Диаметр черного дирхема 2,57 см, вес 2,36 г. На лицевой стороне изображен бюст царя в зубчатой короне с точкой между зубцами. Сзади за головой три больших вертикально расположенных точки, внизу мелкие точки, слившиеся в линию. Вокруг арабская легенда:

بسم الله محمد [رسول] الله محمديه مما امر به الامين على سليمان لله

На оборотной стороне — изображение жертвенника со стражами по сторонам его. В «огне» жертвенника — голова царя в профиль. По Дж. Уолкеру, монеты этого типа чеканились в 193—195 гг. х. (808—811 гг. н. э.)⁵.

⁵ Walker J. m. a. A Catalogue of the Arab-Sassanian Coins, London, 1941, p. XCVI.

XI в. на раскопе 1 представлен несколькими фрагментами переложенной, но легко определяемой керамике: I.1.ZA.гм.(37); I.2.ZA.го.(37); I.2.ZA.го.(25) (рис. 38, 5, 36, 37).

Последний период жизни на этом участке датируется XII—началом XIII в. Над паховой постройкой в это время опять возвели сооружения из сырцового кирпича. Над верхним уровнем пола и в относящихся к нему ташнау (1-, 4-, 5-й) и яме 9 найдены фрагменты керамики, характерные для последнего периода жизни на Афрасиабе. Из ташнау 1 — это фрагменты блюд с вертикальным бортом, орнаментированных простым процарапанным рисунком по светлому ангобу и разбросанными коричневыми, красными и зелеными крапинами I.4.ZA.гр.(Д).д.(100). В другой манере был орнаментирован сосуд на дисковидном поддоне с кольцевым вырезом и росписью крупными оранжевыми и зелеными пятнами в коричневых контурах: I.4.ZA.гр.(14) (рис. 38, 20, 21, 26). Из заполнения ташнау 4, где преобладает керамика X в., извлечена коническая чаша на поддоне с кольцевым вырезом, внутри покрытая зеленоватой глазурью по белому ангобу, по наружной стороне от устья потоки ангоба и глазури I.I.ZД.а.у.00⁶.

В верхнем слое раскопа, где содержится довольно много ранних предметов, преобладает керамика, которую принято датировать XII—началом XIII в. (рис. 38, 4—8, 13—19, 22—24, 29—33, 36—39), чираги на высокой ножке, покрытые голубой глазурью (I.O.NГ.а); сосуды с полосой марганцево-красно-

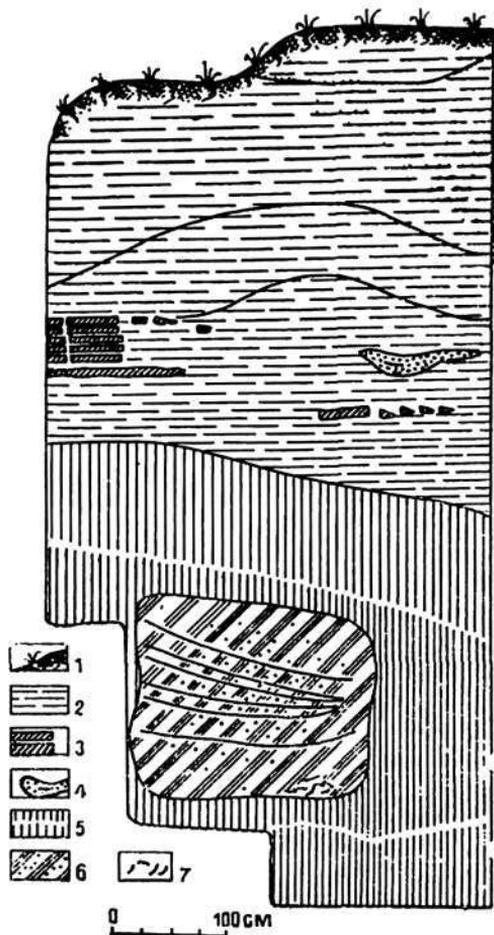

Рис. 41. Западная стенка шурфа, заложенного вдоль западного фаса внешней городской стены над низиной XI:

1—дерновый слой; 2—плотный слой с редкими включениями угольков и керамики; 3—сырцовый кирпич и прослойка серой глины; 4—линза обожженной земли с золой и фрагментами тандыров; 5—материковый лесс, уплотняющийся книзу; 6—часть подземного помещения, заполненного плотной землей с угольками, костями и керамикой; 7—керамика.

⁶ Два нуля обозначают отсутствие ангоба на тыльной поверхности сосуда; 01 — ангоб полосой по борту; 02 — не ангирован поддон; 03 — ангоб сплошь.

го ангоба на тыльной стороне (I.O.NГ.а.у.ф), (рис. 38, 7), частично ангобированные снаружи (I.4.ZД. g.p.y.01, реже 02) (рис. 38, 13—15) глазурованные котлы.

После разгрома Самарканда монголами и запустения территории Афраснаба образовавшийся на месте разрушенных строений холм использовали под кладбище. Всего зафиксировано 11 погребений, ориентированных головой на северо-северо-запад. Отмечено два периода кладбища (рис. 39). К первому относятся девять погребений в простых грунтовых ямах овальной формы с положе-

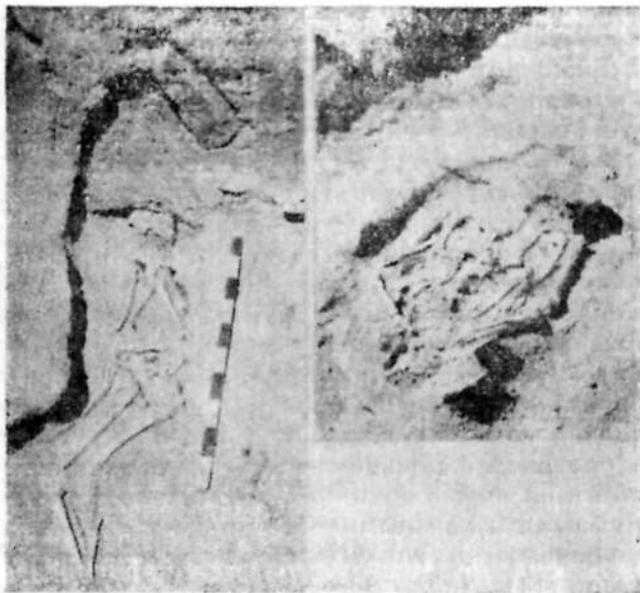

Рис. 42. Полуразрушенное погребение 1-го (А) и 2-го типов (Б) в раскопе I.

нием вытянутого костяка на спине (рис. 42, А). Некоторые ямы обложены наклонно поставленным на ребро сырцовым и жженым кирпичом. Размеры жженого кирпича $38 \times 20 \times 7$; $39 \times 19 \times 6,5$; $42 \times 21 \times 8$; $43 \times 22,5 \times 7,5$; $? \times 16 \times 4$ см. Размер сырцового кирпича $44 \times 34 \times 9$ см. Погребения, опущенные на глубину 0,70—0,80 м от современной поверхности, первоначально были значительно глубже за счет верхнего слоя, позже смытого со склонов холма в низину. Так, в одном случае контуры могильной ямы прослежены от древней дневной поверхности (0,60 м ниже современной) на глубину 1,2 м.

Второму периоду принадлежат два захоронения, сильно отличающиеся конструкцией погребения и положением костяка. Погребальная яма второго вида с подбоем, перекрытым сырцовым кирпичом. Верхняя часть ямы шириной 0,80 м суживается двумя ус-

тупами на противоположных стенках, переходя в подбой шириной 0,6 м. Костяк лежит на правом боку лицом на юго-запад, ноги согнуты в коленях, правая рука вытянута, левая согнутая лежит в области пояса. Подбой у ног расширен до 0,8 м (рис. 42, Б).

Погребения этого типа на Афрасиабе больше не встречались, а их принадлежность не определена. В одном случае погребение с подбоем нарушило две могильные ямы первого типа, чем и уста-

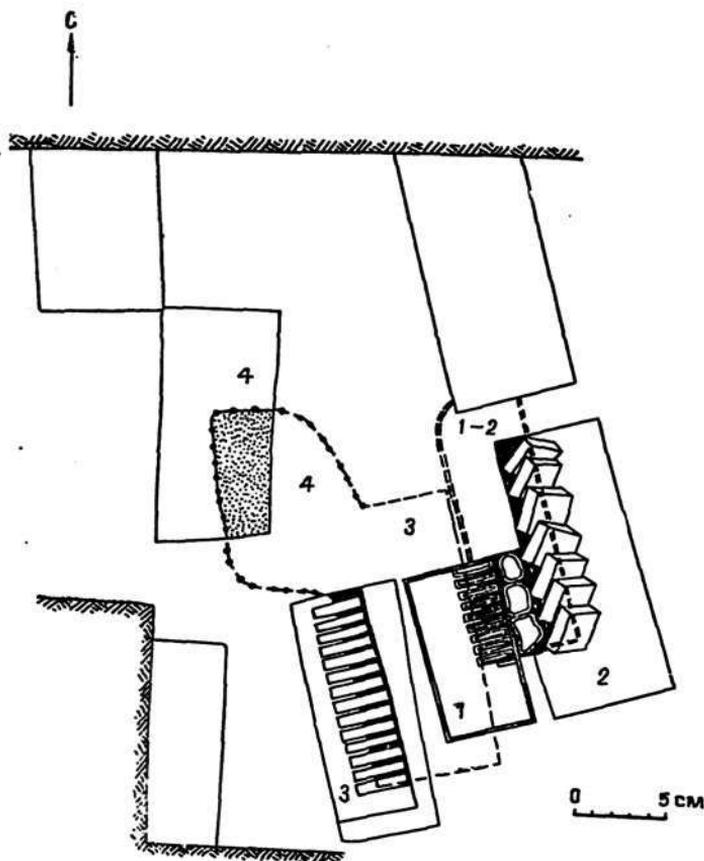

Рис. 43. Раскоп 4. План могильных ям, перекрывающих одна другую:

1-4—впускные ямы и соответствующие им ляхады.

навливается последовательность двух видов погребений во времени. Датировка погребений затруднительна, очевидно только, что они не могли здесь появиться раньше конца XIII в.

Осенью 1958 г. севернее раскопа 1 на холме высотой 1,5 м заложен раскоп, получивший порядковый номер 4⁷ (рис. 36). С са-

⁷ О работах на раскопе 4 см.: Па ч о с М. Стратиграфический раскоп в западной части Афрасиаба. — Научные работы и сообщения, кн. 4. Ташкент, 1961.

мого начала работы стало ясно, что холм был занят долго функционировавшим кладбищем. Могильные ямы располагались тесно и часто перекрывали друг друга. Иногда дважды использовался ляхад, когда на него натыкались при рытье новой впускной ямы (рис. 43, 1—2). В одном пункте расчищено три яруса погребений. Почти все погребения с подбоями. Исключение составляют всего три простых могильных ямы. «Вход» в подбой (ляхад) проходил обычно по всей длине ямы, но есть случаи, когда он вырыт в углу впускной ямы⁸. Подбой мог устраиваться с любой стороны впуск-

Рис. 44. Раскоп 4. Вымостка двора, прорезанная погребениями.

ной ямы. Встречено погребение с двумя подбоями. Костяки лежат на спине (только в одном случае на правом боку) и всегда ориентированы на северо-северо-запад. Перекрывались могилы сырцовым кирпичом, уложенным наклонно плашмя или ребром (рис. 43 и 44). Размеры кирпича 46—48×30—33×6—8 см; 35×37×7; 35×35×13—16; 50×32—35×7—10 см. Последовательность использования разноформатного кирпича установить не удалось; возможно, все они употреблялись одновременно. Кладбище или часть его была огорожена пахсовой стеной, которая могла служить оградой площадки для фамильных погребений, подобно упомянутой в Са-

⁸ Погребениям на раскопе 4 посвящена специальная статья: Пачос М. Средневековые погребения на городище Афраснаб. — Научные работы и сообщения, кн. 5. Ташкент, 1962, с. 191—196. Погребения с подбоем в углу ямы в статье не отмечены.

марие⁹. Ограда возведена во время функционирования кладбища и частично перекрыла более раннюю могилу.

Время функционирования кладбища в какой-то мере определяется XV—XVI вв. в результате отмеченных в кирпичях перекрытия фрагментов синего изразца и сосуда с кобальтовой росписью по белому фону. Хронологическая связь этого участка кладбища с описанными южными погребениями не ясна.

Наиболее ранние находки получены из слоя, где обнаружена монета первой четверти VIII в., фрагменты краснолощенных кубков (период Афрасиаб III), лепной шаровидный котел с венчиком

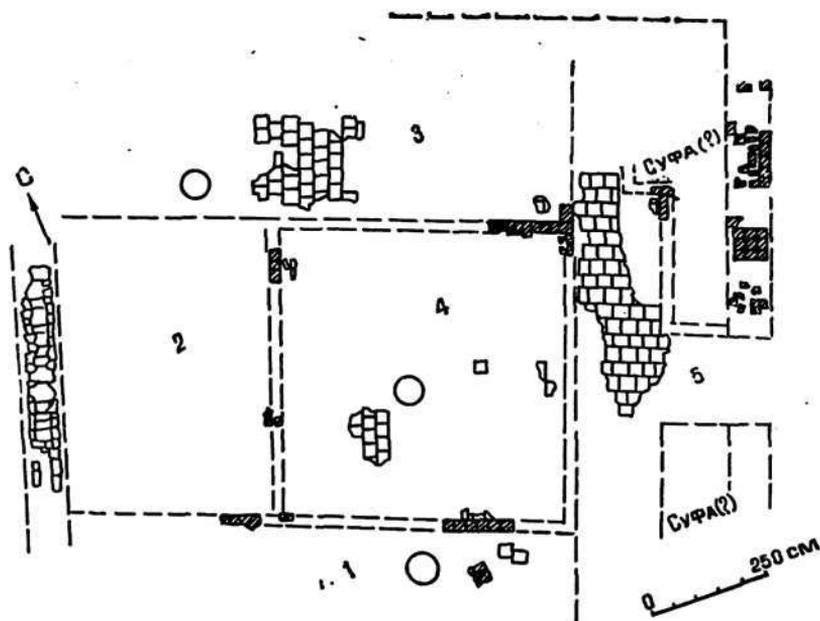

Рис. 45. План остатков здания в верхних слоях раскопа 4.

треугольного сечения, кружка со срезами по плечу и два фрагмента кувшина, покрытого зеленой глазурью по черепку. Судя по расширяющейся книзу горловине, тулово кувшина имело каплевидную форму, желобчатый слив (отбит, но видны его следы) и массивную ручку с пуговичным наделом¹⁰. Особенности кружки (срезы по плечу) дают возможность датировать слой концом VIII в. н. э. По времени накопления лежащий выше слой, видимо,

⁹ Самария, перевод В. Л. Вяткина. — СКСО, 1898, вып. VI. Самарканд, 1899, 187, прим. 89.

¹⁰ Пачос М. Стратиграфический раскоп..., с. 282—290, рис. 2, 1—4.

укладывается в пределы X в. и состоит из остатков трех последовательно сменивших одна другую построек.

О верхнем сооружении приходится судить по небольшим остаткам (рис. 45), поскольку слой нарушен погребениями. По остаткам стен и фундаментов, выложенных из жженого кирпича, а местами из сланца, восстанавливается планировка здания с центральным двориком 6×6 м² (рис. 54, 4). На первом этапе дом претерпел пожар, зафиксированный по обгорелому глинобитному полу двора, на необгоревших участках которого сохранились следы камыша и листьев. Последовавший затем ремонт несколько изменил облик здания. Двор был выстлан специальными обожженными плитками со скошенными торцами $27 \times 27 \times 3$ и $29 \times 29 \times 3$ см. По-видимому, были узорно выложенные панели, от которых сохранились плитки $29 \times 6 \times 6$, а в завалах прямоугольные плитки разнообразных размеров 6×6 , 6×9 ; $8 \times 3,5$; $10 \times 6,4$; $15 \times 14,5$; $15 \times 6,6$ см при одинаковой для всех толщине — 3,5 см. В большом количестве встречались куски алебастровой штукатурки.

В кладке фундамента применен разноформатный жженный кирпич: $18 \times 18 \times 4$; $20-22 \times 20-22 \times 3-4$; $26 \times 26 \times 4$; $27 \times 14 \times 4$; $38 \times 14 \times 6$; $38 \times 19 \times 4$; $40 \times 19-21 \times 6-7$ см. Разнобой форматов свидетельствует о вторичном использовании кирпича старых построек. Две наиболее широкие (немногим менее 1 м) параллельные стены, вероятно, служили восточной и западной границей здания, ширина которого в таком случае определяется около 16 м, а абрис и размеры холма позволяют считать его квадратным. Все внутренние стены, опиравшиеся на основание не шире 30 см, видимо, были каркасными. По остаткам подстилающих стены кладок и фрагментам полов реконструируется планировка дома из четырех комнат, окружающих дворик, причем входным могло быть восточное помещение (рис. 45, 5), где кладки шириной в один кирпич, возможно, служили бордюром пристенной суфы. В двух помещениях (рис. 45, 1, 3) и во дворике располагались ташнау.

Не исключена возможность общественного назначения здания, уточнить которое, однако, не удалось. Затруднительна и датировка сооружения, возведение которого, судя по подстилающим слоям, должно относиться ко времени не ранее XI в. Материал в слоях разрушения здания разновременен и датируется X — началом XIII в. Наиболее поздними предметами XII — начала XIII в., видимо, определяется время разрушения, когда стены постройки были явно разобраны — монументальные на кирпич, из переборки вынут деревянный каркас.

В 1965 г. через раскоп I и несколько южнее раскопа 4 при прокладке новой дороги механизмами сделан широкий разрез в широтном направлении, обследованный М. Пачосом на протяжении 122 м. Характер культурных наслоений, не превышающих здесь толщины 3,5 м, представился М. Пачосу довольно однородным, хотя и были выделены следы древнейшего оборонительного сооружения (лессовый вал шириной 26 м), скопление керамики перио-

да Афраснаб III, материалы X, XI и XII—XIII вв. и погребения, опущенные в культурный слой¹¹.

В 1967 г. севернее раскопа 4, возле дороги заложили три шурфа, в которых отмечены слои VIII и X вв. На одном из участков зафиксированы признаки водоема с отложениями толщиной 2 м. И здесь верхние слои прорезаны могильными ямами¹².

В 1912 и 1913 гг. несколько севернее В. Л. Вяткин вскрывал здание с резными алебастровыми панелями и стеной росписью, сохранившейся только во фрагменте. Здание получило известность как «дворец Саманидов», к чему, надо сказать, нет сколько-нибудь существенных доводов.

Весной 1959 г. на бугре, севернее так называемого дворца Саманидов, для выяснения стратиграфии произвели зачистки и заложили шурф. В 1912 и 1925 гг. В. Л. Вяткин продолжил здесь раскопки; в центре бугра три комнаты расчищались под наблюдением В. А. Шишкина, позднее опубликовавшего результаты работы¹³. В 1933 г. В. Р. Чейлытко расширил некоторые траншеи В. Л. Вяткина. Расчистка в 1959 г. затруднялась огромным количеством траншей, избородивших поверхность холма, и большими отвалами копанной земли. Зачистили одну из комнат, не докопанных раньше, и раскопали участок двора, высланного сланцем (рис. 46). Во дворе заложили шурф 3×3 м² (рис. 47). Материковый лесс выявили на глубине 3 м. Однородной плотности и структуры слой шурфа не дал четкой стратиграфии, но в верхних ярусах встречена керамика сравнительно более поздняя, чем содержащаяся в нижних.

Наиболее ранняя керамика из нижних наслоений примерно датируется серединой I тысячелетия до н. э. и первыми веками до нашей эры. Выше, в одной из старых траншей, удалось расчистить небольшой отрезок стены и остатки тандыра. Архитектурный комплекс, вскрывавшийся в 1925 г., возник в IX в. и подвергался многочисленным ремонтам. Наибольшая интенсивность жизни здания приходится на первую четверть X в., что подтверждается найденными при зачистках семью монетами, относящимися к чекану Насра II ибн Ахмада 304, 305 и 306 гг. (916—919 гг. н. э.). При работах 1925 г. из раскопов также извлечены монеты X в.¹⁴

Из-за несовершенной методики раскопок, производившихся узкими траншеями, трудно составить представление о планировке сооружения. Полностью раскопано только две комнаты с прилегающими к ним участками дворов. Создается впечатление произвольной планировки помещений вокруг нескольких дворов, как правило, мощенных сланцем. Только в северной половине комп-

¹¹ Пачос М. Указ. соч.

¹² Немцева Н. Б. Полевой отчет о работе на городище Афраснаб в 1967 г. (квадрат 15/IX, раскоп 37).

¹³ Шишкин В. А. Из археологических работ на Афраснабе. — «Известия УзФАН». Ташкент, 1940, № 12, с. 62—70.

¹⁴ Дневник В. Л. Вяткина, тетрадь 1, с. 4.

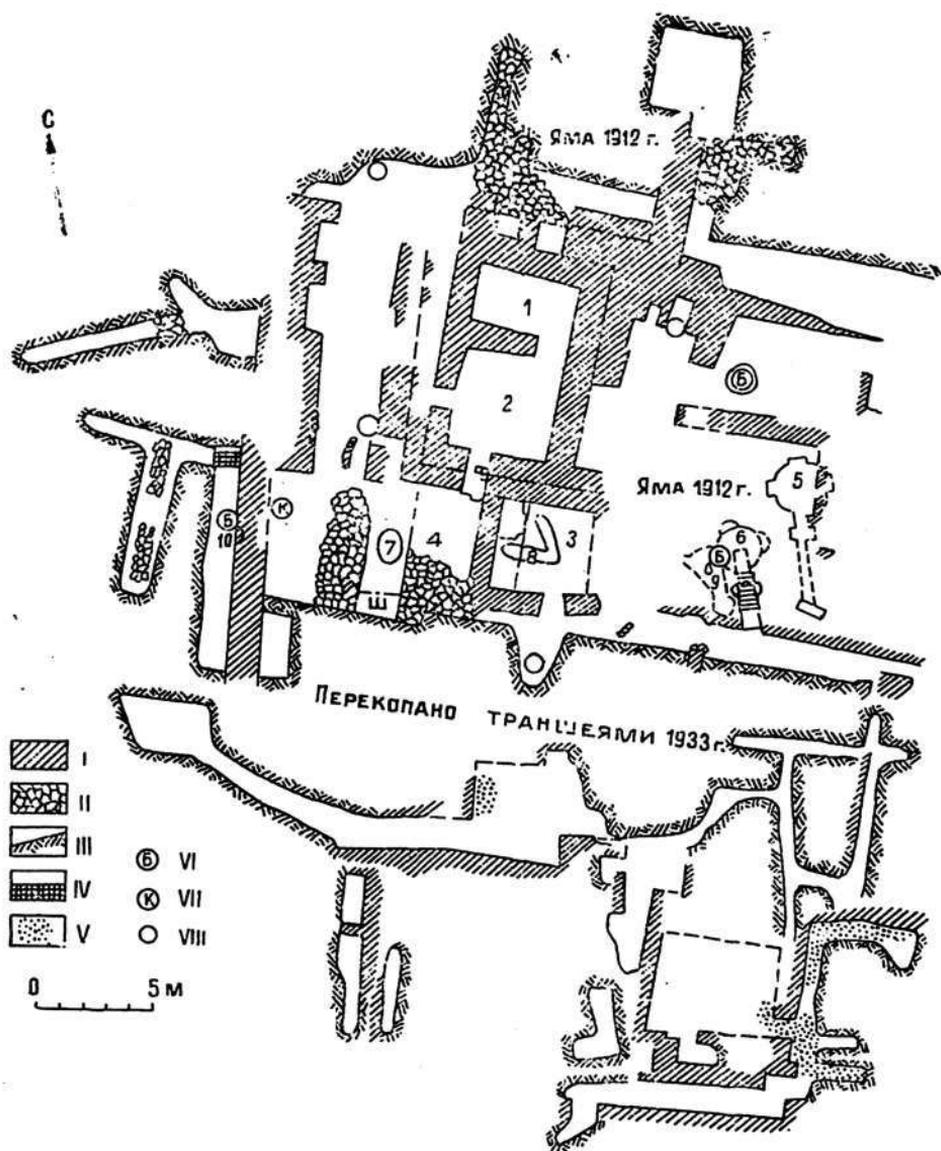

Рис. 46. План раскопа 7:

I—стены из сыря и пахсы; II—выстилка рваным гачем; III—края раскопов; IV—стена нижнего горизонта; V—гачевые полы; VI—бадрабы; VII—колодцы; VIII—ташнау; IX—шурф; 1—3—комнаты; 4—двор; 5, 6—подземные комнаты; 7—яма; 8, 9—ходы кладонскателей; 10—тандыр, на 0,5 м стоящий ниже уровня двора.

лекса таких дворов насчитывается не меньше четырех. Во дворах найдены колодцы для воды и бадрабы (рис. 46).

Строительным материалом служил сырцовый кирпич (39—45×20—25×7—9 см). В ремонтных кладках встречен кирпич более крупного формата — 50—51×23×8—9 см. Полы и стены многих помещений обмазаны алебастром. На одном из последних этапов жизни здания в одном из его коридоров было вырыто два подземных помещения. Они круглые в плане, с тремя нишами по осям (рис. 48). Одно из них тщательно оштукатурено, а ниша, располо-

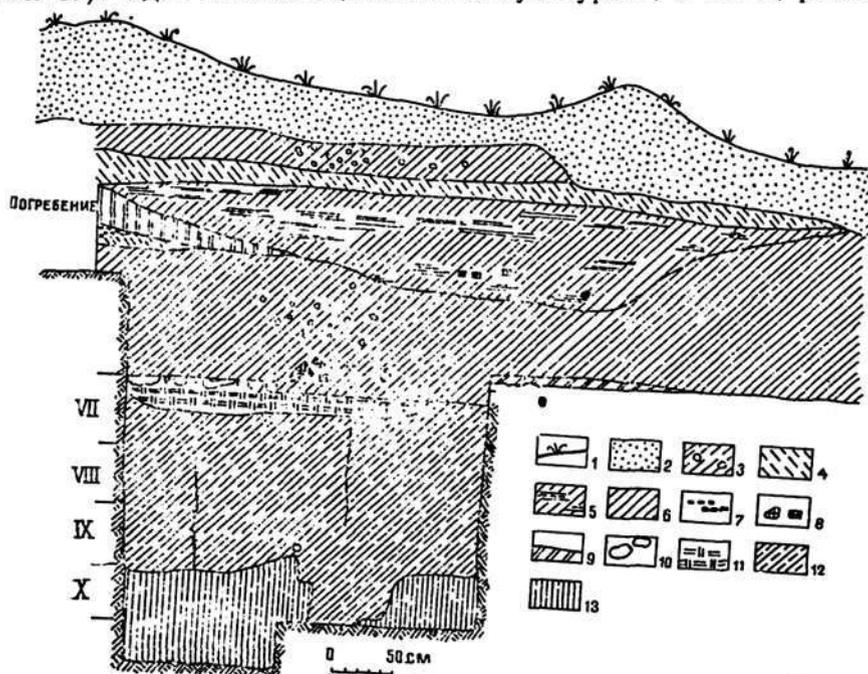

Рис. 47. Южная стенка шурфа раскопа 7:

1—дери; 2—сталаы 1925, 1933 гг.; 3—плотный завал; 4—рыхлый слой; 5—слоистый, местами размытый завал; 6—довольно плотный слой; 7—куски ганча; 8—жженный кирпич; 9—обмазка суфы; 10—рваный камень; 11—нивелирующая трамбовка; 12—плотный слой с небольшим количеством керамики; 13—лесс.

женная напротив входа, оформлена фестонами и напоминает створку раковины. То обстоятельство, что одна из них вырублена в заполнении давно нефункционирующего бадраба (IX в.?) свидетельствует о сравнительно позднем появлении подземного помещения (к моменту наших работ помещения были заполнены перекопанным грунтом).

После монгольского нашествия у населения нового Самарканда, по-видимому, было убеждение о существовании сокровищ, спрятанных в развалинах древнего города. О некоторой обоснованности этого предположения говорят находки, правда, небольших и не очень ценных с обывательской точки зрения, кладов при раскопках и случайных земляных работах на Афрасиабе. На раско-

не / обнаружены следы кладонскательской деятельности. Попытавшись прорыть траншею с отроском в полуразрушенной комнате и наткнувшись на плотный грунт, кладонскатели перешли в коридор поблизости и здесь прокладка дудки оказалась более легкой. Кривой, почти вертикальный ход вскоре привел их в пустую комнату. Покопавшись в зеленом заполнении бадраба, кладонскатели повернули в глубь холма. Куда привел этот ход, выяснить не удалось, так как его заполнили обрушенные рыхлые слои. После монгольского нашествия холм 7, как и расположенные южнее холмы, был занят под кладбище. Первые захоронения появились здесь еще в полуразвалившихся постройках.

В 1959 г. севернее раскопа 7 был заложен раскоп 9¹⁵. До начала работ местность представляла собой отлогий холм около 80 м

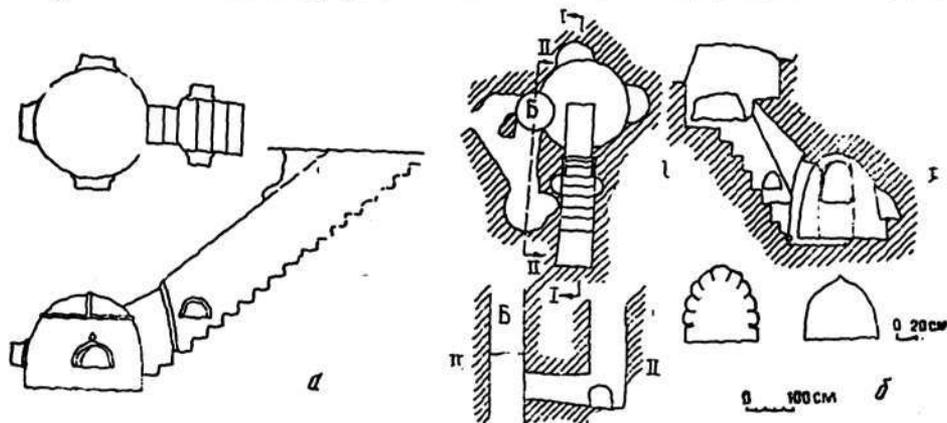

Рис. 48. Подземные помещения раскопа 7:

а — план и разрез подземного помещения 5; б — план и разрез (1—1) подземного помещения 6; II—II — разрез грабительского хода и бадраба.

в широкой части, 180 м в длину, считая два понижающихся отрожка на север и юг. Высота холма от подошвы 2 м. Как показали раскопки, южный малый шлейф скрывал под собой пристройки к основному монументальному сооружению. Северный шлейф образовался в предшествующий по отношению к упомянутому сооружению период в результате разрушения более древней постройки.

В юго-восточной части холма под слоем пахоты местами обнаружены кладки стен. На двух участках в южной части и у западного края холма под пахотой обозначалось восемь погребений. Все они ориентированы на северо-северо-запад—юго-юго-восток и представляют собой яму с подбоем, перекрывавшимся либо специально изготовленным сырцовым кирпичом, либо жженым, взятым из разрушенных строений. В одном случае квадратным

¹⁵ В разные годы на раскопе 9 в работах участвовали Л. Г. Брусенко, Ф. А. Бурнашева, Р. И. Кривошей, Л. Шарипова, а северо-восточный участок раскопа вскрывала группа сотрудников экспедиции (см. Шишкина. Городской квартал..., прим. 2).

жженным кирпичом (24×24×5 см) обложен край могильной ямы. В заполнении этого погребения найден маленький фрагмент сосуда с росписью кобальтом и черным ангобом, который можно датировать XV—XVI вв. Все костяки ориентированы головой на северо-северо-запад, в большинстве случаев кости плохой сохранности. На стенках одного из подбоев заметны следы инструмента с округлой в сечении рабочей частью около 2 см в диаметре. Кроме упомянутого фрагмента керамики, никаких данных для датировки погребений не обнаружено. Фрагмент подобного сосуда с кобальтовой росписью найден в верхнем слое в центре холма.

В результате исследований на раскопе 9 выявлена наиболее полная стратиграфия западной окраины городища. Уровень материка на территории раскопа залегал на глубине 3,5—11 м от реперной точки или на 1—6 м ниже полов средневековых построек. Древнейшие разрозненные и перемещенные в поздние слои находки, такие как тонкостенные сосуды с острым ребром, можно датировать серединой I тысячелетия до н. э. В конце IV—III в. до н. э. какую-то площадь здесь занимало городское (?) кладбище. К III—I вв. до н. э. уже относятся мощные слои с многочисленными горизонтами обжитых поверхностей и остатками жилой постройки. В начале нашей эры возводится монументальное здание. Позднейшие периоды (вплоть до конца VIII в. н. э.) представлены незначительными остатками строений и периодически уничтожавшихся культурных слоев.

После взятия города арабами и выселения из него жителей многие городские кварталы пустовали. В течение VIII в. на отдельных участках, превратившихся в пустыри, появились захоронения, совершенные по мусульманскому обряду. Одно из таких погребений вскрыто под зданием X в. в западной 72-метровой траншее раскопа 9, близ городской стены. Впускная яма с ляхадом под западной ее стенкой обнаружена под полами комнаты с резервуаром. Перекрыт ляхад наклонно поставленным сырцовым кирпичом 45—46×23—26×9 см. Вероятно, в погребение постоянно просачивалась влага из резервуара, сильно разрушившая костяк; больше всего пострадал череп.

Поскольку траншея захватила полосу лишь двухметровой ширины, не удалось выяснить, было ли вскрытое погребение одиночным или здесь располагалось одно из кладбищ VIII в.

К концу VIII в. сначала на участке восточнее погребения, позднее и над ним складываются сооружения новых кварталов с большими переменами в архитектурном облике и социальном составе обитателей, просуществовавших до начала IX в. В течение двух веков здесь последовательно сменяли друг друга мастерские металлургов и стеклодувов, сооружения бань, жилье и мастерские ювелиров, пекарей и, наконец, гончаров.

К наиболее позднему строительному периоду на территории раскопа 9 относится выстилка жженным кирпичом, лежащая на 10—40 см ниже поверхности. Она перекрывает западную стену помещения 52 и не связывается ни с одной из сохранившихся стен. Кирпич

выстилки использован вторично, он шестиугольный, ширина по диагонали 35,5 см, на лицевой поверхности штампы: продолговатый 39×19×6; квадратный 22×22×5 и 28,5×28,5×5 см. Позже, в XI в., территория квартала была заброшена и строительство здесь не возобновлялось. В XI — начале XIII в. местность, занятая в предшествующие века кварталами, имела вид пустыря с развалинами строений. Вероятно, с XIII—XVI вв. здесь было небольшое кладбище, возникшее вокруг мазара X в.¹⁶

В 1967 г. к востоку от раскопа 9 (квадраты 14/VI и 14/XII, раскоп 35) Л. Г. Брусенко вскрыла часть квартала, прилегающего к городской стене¹⁷. Создается впечатление, что в IX в. под жильем были приспособлены достаточно хорошо сохранившиеся сооружения предшествующего времени. Основные стены постройки возведены комбинированной кладкой из пахсы и кирпича-сырца (50×25×10 см). В двух помещениях в слое X в. расчищена полукруглая суфа с очагом типа камина над ней и продолговатый узкий резервуар, покрытый водостойкой штукатуркой.

Нижние подстилающие слои Л. Г. Брусенко датировала VI—VII вв. Толща культурного слоя не превышала 4,5 м. Материала поздней XI в. не отмечено.

В том же году южной раскопа заложено два шурфа (квадрат 14/XVII, раскоп 36). Над материковым лессом (на глубине 1,6—3 м от поверхности лежит полутораметровый слой строительного мусора с обилием жженого кирпича (20×?×4; 21×22×4,5; 28×19×7 см) и кусками алебастрового раствора. Судя по поквдратной описи, материал датируется X в., возможно, часть керамики относится к началу XI в.—I.I.ZA.gop.(92)¹⁸.

Как и на южном участке раскопа 35 над раннесредневековым слоем, здесь над материком зафиксирован грунт с кирпичевато-зелеными высолами в порах — признак либо большого водоема, либо низины, заливаемой водами атмосферных осадков.

В оплывах городской стены и вплотную к ней возле Западных ворот отмечены следы обживания в X в. В верхнем слое обнаружен тапдыр, ниже которого располагались мощный жженым кирпичом двор и сводчатое помещение. Двор представлял собой площадку (8,30×4,40 м), частично врытую в оплывы крепостной стены и оформленную новыми кладками, а соединенная с двором сводчатая комната оказалась под оплывами¹⁹. В заполнении комнаты была керамика X в. — I.I.ZA.gm.(30); I.I.ZA.gl.(27) и (29).

Все упомянутые раскопы лежат между западным фасом внешней стены Афраснаба и древней магистралью, пролежавшей от Кешских (южные) ворот на север. На разных участках этой одной

¹⁶ Подробное описание раскопанного здесь средневекового квартала см.: Шишкина Г. В. Городской квартал... с. 117—156.

¹⁷ Брусенко Л. Г. Краткий полевой отчет о работах на городище Афраснаб за весенний сезон 1967 г., с. 1—3. Архив ИА, № 568.

¹⁸ Вархотова Д. П. Поквдратная опись раскопа в квадрате 14/XVII. Архив ИА, № 319.

¹⁹ Пачос М. Дневник работ на Афраснабе в 1958—1960 гг. Архив ИА, № 172.

из основных артерий города в разные годы проводились работы, подтвердившие существование здесь с древнейших времен и до последнего периода жизни города дорожного полотна и сопровождавшего его русла канала. На значительной протяженности канал делился на два русла, проходивших почти параллельно на расстоянии не более 60 м друг от друга²⁰.

На месте русла возле современной дороги М. Пачос отметил в материковом лессе пологую ложбинку, покрытую 10—15-сантиметровым слоем мелкого песка²¹.

В квадрате 25/XI в ложбине шириной 7—8 м, хорошо видимой и сейчас, на месте раскопа 33 (25/VI, 25/XI), был заложен шурф. На глубине 5,5 м от современного уровня выявлен материковый лесс, перекрытый чередующимися прослойками ила и песка толщиной 6—7 и 17—20 см. Характер слоев указывает на то, что здесь открыт участок русла одного из главных (западный) каналов города. Из слоев на дне канала извлечен материал VII—VIII вв. Илито-песчаные наслоения прорезаны хозяйственной ямой X в., где среди прочих обнаружен сосуд с надписью «барака». Над руслом зафиксирован небольшой участок выстилки жженым кирпичом 36—37×18—19×5,5—6 см, покрытой водостойким раствором²².

С 1967 г. обследовалась полоса вдоль восточного края западной городской магистрали (рис. 36, раскопы 30—34, 48). Все пространство занято мусульманскими погребениями, иногда разбросанными, иногда сгруппированными теснее.

В раскопах встречаются перемешанные фрагменты керамики типа Афрасиаб II и III, редко Афрасиаб V. Только в раскопе 33 получена возможность исследовать нетронутые участки слоев периода Афрасиаб I и II.

На значительном пространстве (около 200 м) отмечены следы разрушенного раннесредневекового некрополя: разбитые оссуарии, кости человека, остатки наусов — глинобитных платформ (стилобаты), служивших, возможно, основаниями наусов²³.

В самом северном пункте обследования (раскоп 31) располагалось, видимо, отдельно стоявшее здание, выходившее на западе к дороге, а с востока ограниченное понижением. Вскрыта его восточная пахсовая стена на протяжении более 20 м и прилегающие к ней с запада помещения, в одном из которых возле стены стоял вкопанный в пол хум. Стены здания стоят на материковом лессе. В слоях встречены обломки алебастровой штукатурки, обломок панджара со вставками из фрагментов керамики, два фельса IX и X вв.²⁴

²⁰ Вяткин В. Л. Афрасиаб — городище былого Самарканда. Ташкент, 1928, с. 14.

²¹ Пачос М. Стратиграфический разрез..., с. 3.

²² Алимов У. Об археологических раскопках на Афрасиабе (25/XI). Архив ИА, № 571.

²³ Дадабаев Г. Краткий полевой отчет, раскоп 25/XXI. Архив ИА, № 584.

²⁴ Агзамходжаев Т. Дневник раскопа 13/XXV на Афрасиабе. Архив ИА АН УзССР, № 336.

Со стороны квартала раскопа 9, пересекая магистраль, проходит поперечная, мощенная камнем улица, вдоль которой на восток от магистрали располагались кварталы, вскрытые сотрудниками Самаркандского университета²⁵.

Здесь основой квартала IX—X вв. послужили, как и во многих других случаях на Афрасиабе, сооружения VII—VIII вв. В процессе жизни в квартале дорога, вымощенная в IX—X вв., оказалась на 1 м выше полов продолжавших функционировать помещений.

Квартал заселяли горожане среднего уровня достатка и ремесленники, связанные, возможно, с металлообработкой. В X в. здесь поселился керамист, не входивший в корпоративную (?) систему гончаров и имевший в своем распоряжении небольшую обжигательную печь.

Работы на раскопе 48 только начаты²⁶, но под слоем мусульманского кладбища выявлены сооружения X в. с выстилками полов из жженого кирпича, резервуаром и прилегающей к нему округлой суфой. Множество ремонтных кладок и перемещенность в верхний слой материалов IX в. указывают на интенсивное обживание квартала в течение IX—X вв.

На месте раскопа 32 (кварталы 24/XVI и 24/XXI) расчищены отдельные участки сооружений X в. с обилием водоотводных устройств²⁷. Вдоль дороги зафиксировано шесть бадрабов X в. В одной из ям ташнау, куда подводила линия кубуров, найдены фрагменты резного ганча, среди которых обнаружена полуколонка диаметром 12 см, орнаментированная трилистниками, окрашенная по поверхности в желтый, а в углублениях фона в красный цвет²⁸.

На южном участке раскопа 32 (32Б—25/1) вскрыта часть обширного здания бань²⁹, планировка которых не выявлена. Следы обживания этого и прилегающего к нему с юга участка в IX в. сохранились в виде нескольких подземных помещений.

В южной части раскопа 34А (25/XI) обнаружено два подземных помещения. Вход в один из них — с южной стороны. Ступенчатый коридор (ширина 65—70 см, высота 150, длина 235 см) заканчивается комнатой, овальной по полу и со сводчатым потолком. В западной и восточной сторонах у стен помещения расположены прямоугольные ниши (ширина 80—85 см, высота 90—95 и глубина 45 см). Среди фрагментов неполивной керамики много кухонной посуды: кумганы, сосуды типа пиалы, горшкообразные сосуды, котлы, хумы, крышки сосудов, фрагмент котла с маленьким носиком и т. д.

²⁵ Джуракулов М. Д., Крикис Я. К. Раскопки здания IX—X вв. на городище Афрасиаб. — В сб.: Афрасиаб, вып. 1, с. 312—316.

²⁶ Велсь в 1979 г. под наблюдением Бахлула Ибрагимова.

²⁷ Федоров М. Н. Полевой отчет о работах весеннего сезона на городище Афрасиаб, 24/XVI. Архив ИА, № 580, с. 1—3.

²⁸ Пачос М. Полевой отчет о работах на раскопе 24/XXI. Архив ИА, № 575, с. 1—4.

²⁹ Гулямов Я. Г., Буряков Ю. Ф. Об археологических исследованиях на городище Афрасиаб в 1967—1968 гг. — В сб.: Афрасиаб, вып. 1, с. 273—276.

Интересны сосуд-цецилка типа глубокой миски (рис. 49, 27) с круглыми отверстиями в нижней части и шаровидный сосуд, украшенный геометрическим орнаментом (рис. 49, 3). Его устье

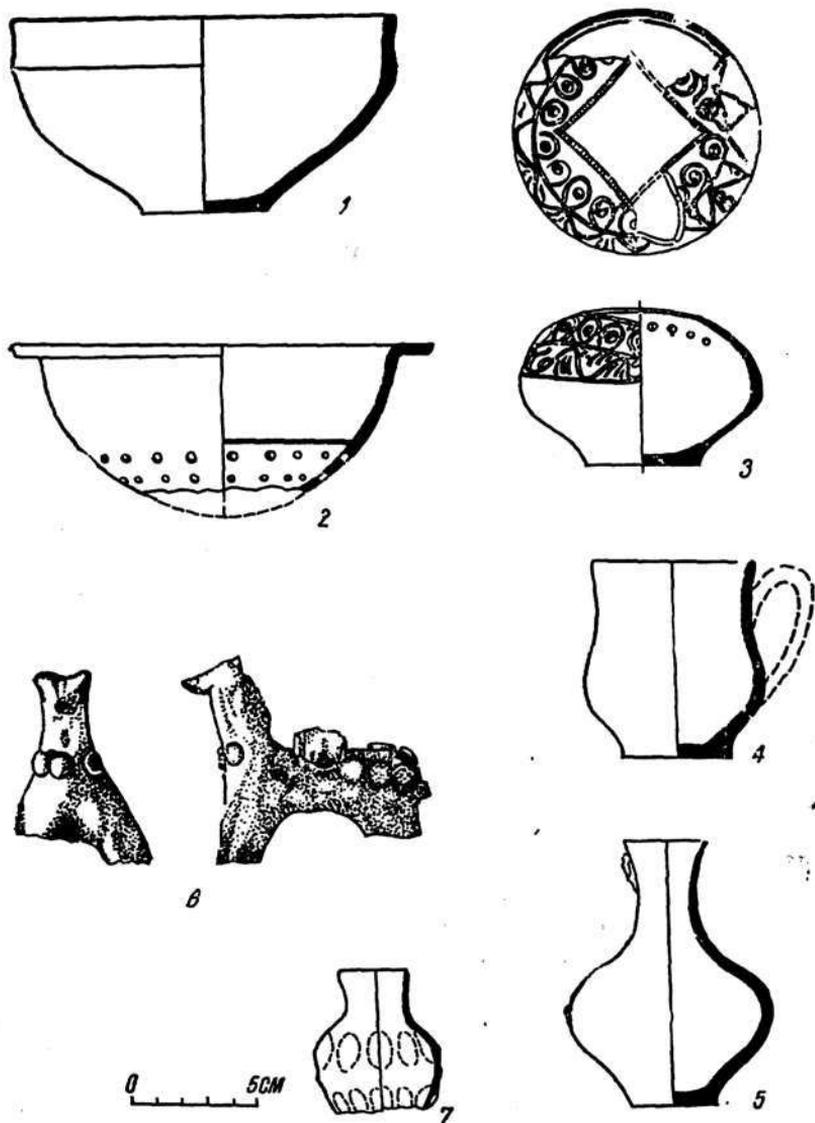

Рис. 49. Неглазуванная керамика из раскопа 34 (25/XI).

оформлено в виде квадратной прорези, окруженной кольцом отверстий. Верхняя часть сосуда оттиснута в форме с несложным геометрическим рисунком. Сосуд мог служить для специй, пода-

ваемых к столу. Из неполивной керамики найдены миниатюрные сосудики типа кувшинов и кружки.

Глазурованные сосуды в основном покрыты зеленой глазурью и процарапанным по ангобу орнаментом (I.1.ZB.6), переданным в виде волнистых и прямых линий, образующих сетку. На керамике с растительными рисунками изображены побеги с пальметками. Обильна керамика с зооморфными мотивами. Среди нее можно отметить донце чаши, на котором темно-коричневой краской изображена стилизованная птица с длинным клювом, маленькой головкой и на маленьких ножках. Чаши с такими изображениями широко распространены не только в Самарканде, но и в других городах Средней Азии³⁰.

Большую часть глазурованной керамики составляют сосуды с надписями различными почерками. Чаше встречаются надписи темно-коричневые на белом фоне и белые на черном фоне под бесцветными, зелеными и желтыми глазурями (I.1.ZA.gл; I.5.ZB.gн; I.2.ZE.gн; I.5.ZA.gн). Надписи либо благожелательные, либо с текстами народных пословиц. Из благожелательных обычны «альмадд» и «барака».

«Барака» широко распространенное благопожелание, перевод его может иметь разные оттенки. Это слово часто встречается на сосудах с растительными мотивами. На одном сосуде вся поверхность разделена толстыми линиями на четыре части, в каждой из которых размещено слово «барака», а промежутки заняты произвольными фигурами, нанесенными тонкой красной линией и заполненными мелкими черными точками.

На полусферической чаше (диаметр 21,5 см, высота 6) видна надпись внутри по борту так называемым керамическим курсивом, нанесенная белой ангобной краской на черный фон ангоба. Глазурь зеленая (I.5.ZB.gн):

من ايقن بالخلق جادبا (?) لبركه

«Кто уверен в воздаянии — достоин (?) благословения»³¹.

На сосуде такой же формы (диаметр 27,5 см, высота 8) надпись нанесена белым по черному фону, почерк здесь более угловат, чем на описанной чаше. Такие надписи часты на керамике Самарканда и переведены О. Г. Большаковым:

الحلم اوله مرمد افته لكن اخره احلامن

«Кротость сперва горька на вкус, а конец слаще...» Обычное завершение надписи словом «мед» отсутствует.

³⁰ Ташходжаев Ш. С. Художественная поливная керамика Самарканда IX — начала XIII в. Ташкент, 1967, прил. рис. 2, д. Например, см.: Лунина С. Б. Гончарное производство в Мерзе X — нач. XIII в. Труды ЮТАКЭ, т. XI. Ашхабад, Изд-во АН ТуркмССР, 1962, с. 248.

³¹ Ср.: Большаков О. Г. Арабские надписи на поливной керамике Средней Азии IX—XII вв. ЭВ, XIX.

Сосуд диаметром 27 см, высотой 7,5 см орнаментирован темно-коричневой надписью по белому фону (рис. 50). Между буквами красной краской нанесены завитки. Надпись выполнена почерком куфи с пальметтами. Видимо, этот почерк — один из первых вариантов цветущего куфи, стержень букв которого прорастает цветочным убранством³².

В раскопе часто встречались светильники на высокой ножке, с блюдцем, зеленой глазурью. Светильники этого типа широко

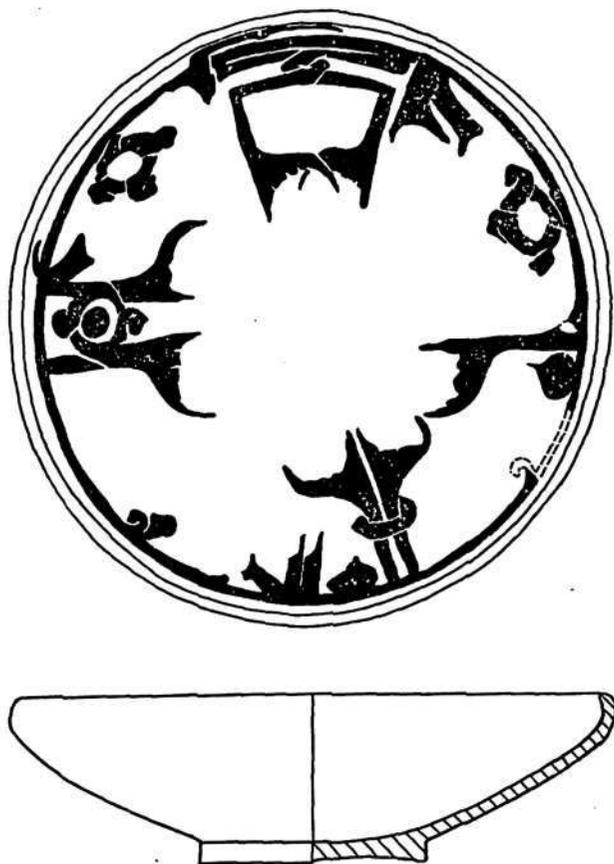

Рис. 50. Глазурованный сосуд из раскопа 34 (25/XI).

распространены среди народов Средней Азии. Кроме керамических сосудов, в раскопе найдены терракотовые статуэтки, среди которых наиболее сохранилась фигурка коня (рис. 49, б). На шее и крупе круглыми лепешечными налепами показана упряжь. На спине коня — седло со следами крепления к нему всадника.

³² Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История искусств Узбекистана. М., 1965, с. 169.

Среди находок есть фрагменты стеклянных сосудов — рюмки, бокалы — и небольшие сосуды с шаровидным туловом, широко распространенные в Средней Азии особенно в X—XII вв.³³ На тулове одного из них виден едва заметный орнамент из овалов (рис. 49, 7).

На существование здесь или поблизости, видимо, в X в. монументального сооружения указывают куски гипсовых решеточек (рис. 51), в которых прорезаны круги (диаметром 23 мм) и каплевидные отверстия, заполненные боем стеклянной посуды. По краю решеточки видны пазы для крепления стеклянных дисков. Подобные куски гипсовых решеточек со вставленным в ячейки стеклом

Рис. 51. Фрагменты панжара (25/XI).

найлены В. Л. Вяткиным в слоях X в.³⁴ Куски стеклянных дисков до 25 см в диаметре найдены на Афрасиабе в 1965 г.³⁵ Более ранние решетки известны по раскопкам на Варахше³⁶. Стеклоплетение решеток — панжара — прием, широко и длительное время известный в Средней Азии³⁷. Датировка описанных материалов устанавливается при помощи большого количества сопровождавших его саманидских монет.

В раскопе 34, протянувшемся вдоль дороги узкой полосой более чем на 200 м, отдельными участками вскрыты стены сооружений X в., назначение которых из-за их фрагментарности не поддается интерпретации³⁸.

В этом районе наблюдаются либо разрозненные, но частые находки, либо скопления предметов, связанные с интенсивной

³³ Амиджанова М. Средневековые стеклянные сосуды из музеев Ташкента и Самарканда. — ИМКУ, вып. 3, 1962, с. 93—95.

³⁴ Вяткин В. Л. Городище Афрасиаб..., с. 17.

³⁵ Ахраров И., Ремпель Л. И. Резной штук Афрасиаба. Ташкент, 1971, с. 126.

³⁶ Шишкин В. А. Новые данные по искусству Согдианы. «Искусство», 1938, № 5, с. 149.

³⁷ Ремпель Л. И. Панжара. Ташкент, 1957, с. 9.

³⁸ Дадабаев Г. Дневник раскопа 25/XXI. Архив ИА, № 346; Он же. Краткий полевой отчет, раскоп 25/XXI. Там же. № 582; Вархотова Д. П. Полевой отчет 25/XVI. Там же. № 576. Она же. Дневник. Там же. № 576; Обельченко О. В. Полевой отчет о раскопах на Афрасиабе в 1967 г. Там же, № 574.

деятельностью гончарных мастерских. Недалеко отсюда во время проведения дороги в 1947 г., на 7-м пикете, А. И. Тереножкин и Л. И. Альбаум выявили гончарные печи³⁹. В одной из них обжигались симобкузача, в другой котлы и чигирные банки, причем описание котлов, украшенных полосой ангоба, позволяет определить их дату временем близким XII в. Здесь впервые для Афраснаба отмечен простой орнамент на округлом днище котла — оттиск рисунка формовочной чаши. Прием формовки котлов на круге при помощи подставки-чаши с рельефом известен в Ферганской долине⁴⁰.

На сравнительно позднюю дату указывают некоторые предметы печного припаса, не выявленные в мастерских X в., С- и S-образные коромыслица, керамические пластины-прокладки, цилиндрические высокие подставки. Однако не позволяют сильно zvyšшать дату такие признаки, как ангобирование тыльной стороны сосуда при наличии на ней глазури только вдоль устья, хотя уже появляется обычай нанесения полосы красного ангоба на неглазурованную, но в данном случае еще ангобированную поверхность (I.I.ZA.g.p.y.f.02). По всем признакам продукцию печи нельзя датировать раньше второй половины XI в.

В 1958—1959 гг. на холме над низиной XIII (раскоп 5) вскрыто 10 печей и несколько помещений квартала гончаров XII — начала XIII в. В верхних слоях (соседней низины (VIII)) повсюду встречаются признаки гончарного производства этого периода: мы находили печной припас и бракованную посуду⁴¹.

Северная граница разброса отвалов из гончарных мастерских XII — начала XIII в. (занимающих не менее 4—5 га) обозначена значительным количеством рассеянных, правда, предметов печного припаса (главным образом штыри диаметром 1,7 и 4—7 см и сепаи), деформированного симобкузача, бракованной глазурованной посуды. Время появления этих отвалов определяется находками керамики с голубой глазурью, в частности глазурованного внутри котла, фрагментами тагора с коническим туловом и массивным Г-образным венчиком, донцами чаш с процарапанным кольцом на дисковидном поддоне⁴². На западе граница разброса этих отвалов фиксируется находками в дерновом слое на раскопе 4, а сами отвалы отмечены во время строительства дороги через городище в 1965 г.⁴³

³⁹ Альбаум Л. И. О гончарном производстве на Афраснабе X—XI вв. — В сб.: Афраснаб, вып. I, с. 256—267.

⁴⁰ Ахраров И. Кухонная керамика Ферганы XI—XII вв. — ИМКУ, вып. 8, с. 146—152.

⁴¹ Жуков В. Д. Отчеты о работе на городище Афраснаб в 1958 и 1959 гг. Архив ИА, №№ 282, 304, 390.

⁴² См.: Алимов У. Поквадратная опись раскопа 25/XI, 1967 г. Архив ИА УзССР, № 345; Вархотова Д. П. Дневник полевых работ на Афраснабе за 1967 г. Архив ИА УзССР, № 318; Она же. Полевой отчет о работах на Афраснабе. Архив ИА УзССР, № 576; Дадабаев Г. Дневник раскопа 25/XXI. Архив ИА, № 346, с. 9, 45, 46; и др.

⁴³ Ахраров И. К истории керамического производства на городище Афраснаб. — В сб.: Афраснаб, вып. I, с. 301.

Севернее отвалов располагались сами печи гончарной мастерской, три из которых попали в разрез. Форма и покрытие чирагов, дисковидные поддоны с процарапанными кольцами и спиральями, глазурование тыльной стороны сосудов открытой формы только по устью, полоса фиолетово-красного ангоба ниже границы глазури — все это подтверждает датировку отвалов И. Ахрарова, XII — начало XIII в.

Вероятно, что, кроме посуды, в этих же печах обжигались облицовочные кирпичи, однако следует попытаться найти дополнительные свидетельства этому, поскольку наблюдения велись во время работы механизмов на участке городища, служившем местом свалки вплоть до наших дней.

Исследования, проведенные на западе городища Афрасиаб, в районе, наиболее подверженном разрушениям из-за близости к современному городу, позволяют составить некоторое представление об этапах жизни этой части средневекового города.

В период средневекового строительства постоянно уничтожались древние наслоения, доказательством чему служит присутствие ранней керамики в поздних слоях. Не менее очевидно и обживание западных участков города в VII в., что подтверждают довольно обильные находки монет в строительном материале средневековых сооружений.

После арабского завоевания, не позднее конца VIII в., кварталы восстанавливали либо на основе сохранившихся местами старых зданий, либо возводили новые постройки. В разных кварталах появляются мастерские стеклодувов и мастерские, связанные с плавкой железа, возможно, ювелиров.

В IX в. в северо-западном квартале (раскоп 9) функционировали бани, в конце того же века переместившиеся к югу в здание на восточной стороне магистрали (раскоп 32). На западной стороне располагались кварталы рядовых горожан (стихийная застройка, раскоп 7) и зданий с богатым ганчевым декором и росписью по белой штукатурке (в их числе «Дворец Саманидов»), большая пекарня, сменившая ее мастерская по производству кухонной керамики (раскоп 9), хозяйство единоличного гончара, изготовлявшего глазурованную посуду (раскоп 30).

В XI в. наступают существенные перемены в топографии города. На западе забрасываются обширные кварталы, что позволяет некоторое время спустя устроить в развалинах захоронения (раскоп 7, купольное помещение)⁴⁴. Возникновению кладбища на развалинах городских кварталов способствовало существование в северо-западном квартале, видимо, почитаемого мазара, организованного еще в X в.

Юго-западный район, ближе к Кешским воротам, застраивается каркасными постройками, просуществовавшими здесь до конца

⁴⁴ Шишкин В. А. Из археологических работ на Афрасиабе. «Изв. УзФАН СССР», 1940, № 12, с. 69.

жизни города на Афрасиабе. Севернее этих бедных кварталов возводится небольшое здание, построенное тщательно, но без особого размаха.

Во второй половине XI в. на юге, восточнее «каркасных кварталов», возникают гончарные мастерские.

В XII — начале XIII в. пространство по обе стороны магистральной дороги пусто и только на юге его продолжается жизнь в каркасных постройках и работа больших гончарных мастерских. Постепенно расширяется кладбище, занявшее впоследствии, уже после монголов, холмы по обе стороны западной дороги.

СЕВЕРНЫЕ ПРЕДЕЛЫ ШАХИЗИНДИНСКОГО КЛАДБИЩА

Осенью 1968 г. в юго-восточной части Афрасиаба — в пределах четвертой крепостной стены — сотрудники кафедры археологии Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина начали археологическое исследование холма, расположенного между ташкентской дорогой, современным мусульманским кладбищем и большой впадиной в центральной части городища. В раскопе¹, заложенном на вершине холма (квадрат 57, раскоп 78), выявлены руины двух жилых домов конца IX—X вв. и кладбище, возникшее на их оплывах в период полного заброса жилого квартала.

До раскопок современный микрорельеф не давал никаких оснований предполагать здесь наличие кладбища. Однако уже на глубине 20—25 см от дневной поверхности начали встречаться погребения. Хотя могилы и расположены здесь в один слой, дно их оказалось на разных уровнях, что объясняется различными типами погребальных сооружений, с одной стороны, и несколько иным микрорельефом местности в период функционирования кладбища — с другой. Следует учесть фактор сноса слоев за несколько столетий с вершины холма к его подножию, благодаря чему погребения первого типа, например, в неглубоких ямах, лишившись незаметного надгробия, оказались в современном дерновом слое, а погребения, расположенные на склонах и особенно у подножия холма, благодаря наносу заглубились.

Вершина холма занята однослойным кладбищем, где только в двух случаях из 62 исследованных одна могила вторгается в пределы другой, что мы объясняем устройством ляхадов как с западной, так и с восточной стороны могильной ямы. На южном склоне холма, в 40 м от его вершины (раскоп у шурфа № 2), отмечается большая плотность могил и четкость трехуровневого расположения костяков. Здесь также очень редко одна могила вторгается в пределы другой, а учитывая ту же разнотипность погреб-

¹ Расположение раскопа ошибочно определено в квадрате 78, вместо 57, что отразилось в документации материалов. См. сетку квадратов: Буряков Ю. Ф. Некоторые материалы в исторической топографии шахристана Самарканда. — В сб.: Афрасиаб, вып. III, рис. 1.

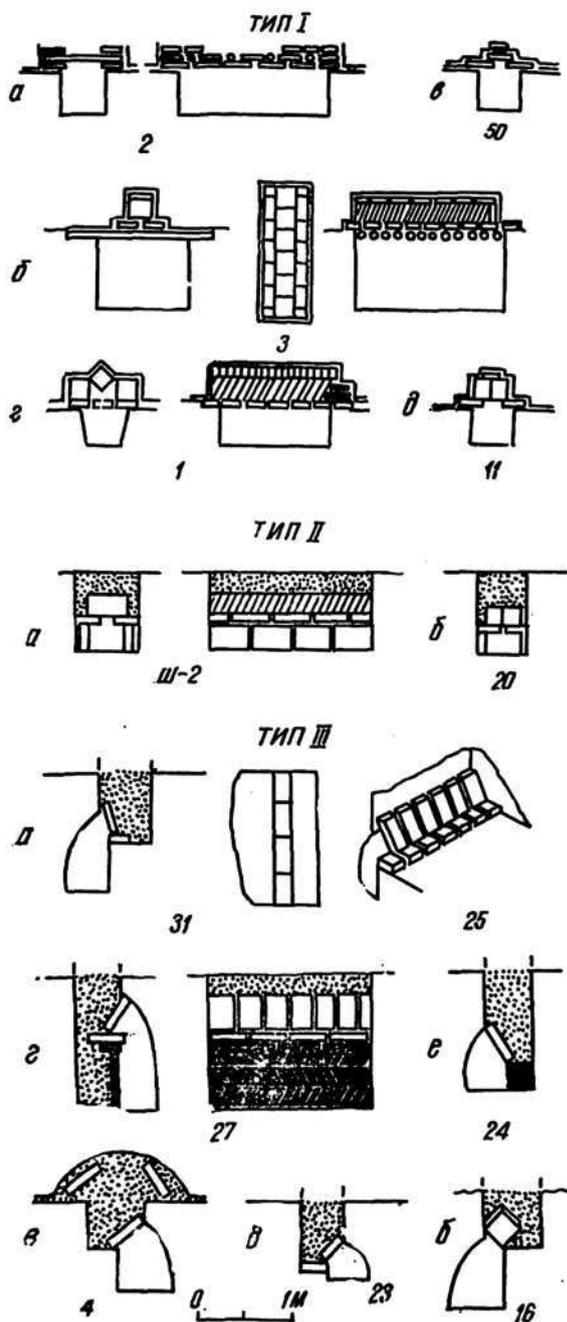

Рис. 52. Типы и варианты могил раскопа 78.

бальных сооружений, нет данных считать трехслойность кладбища хронологическим признаком. Севернее раскопа 78 погребения уже не встречались. Таким образом, здесь проходит северная граница кладбища, тянущегося на юг до комплекса мавзолеев Шахи-Зинды².

Могильные ямы вытянуты с севера на юг с отклонениями до 15° (в двух случаях до 35°) в обе стороны от севера. Иногда они идут четкими рядами с близким расположением могил, иногда группируются по несколько однотипных (не намек ли на семейные группировки?). За три полевых сезона мы вскрыли 83 погребения различной сохранности. Далеко не всегда удавалось определить характер могильного устройства, особенно в дерновом слое, и все-таки совершенно четко выделяются три основных типа могильных устройств, каждый из которых имеет свои варианты (рис. 52).

Тип I — это небольшие и неглубокие могильные ямы (ширина 0,3—0,5 м, глубина 0,5—0,6 и длина 1,4—1,8 м), минимальные для костяка, обложенные в уровне дернового слоя былой поверхности одним-двумя рядами сырцового кирпича на глиняном растворе, служащими основанием для прямоугольного в плане наземного надгробия. На некоторых из них сохранилась, правда, очень плохо, наружная оштукатурка глиной, поэтому представить все бытовавшие варианты сырцовых надгробий невозможно. Профиль наземного надгробия зависит от характера укладки сырца. Чаще всего ядро надгробия составляет два ряда квадратных кирпичей, стоящих двумя параллельными рядами на торце с небольшим наклоном в северную сторону. Чтобы они не падали, с северного конца подкладывали две-три плашмя положенные половинки или целые кирпичи, иногда жженые. Оба ряда сверху перекрывал один ряд сырца, стоящий углом вниз при разомкнутых рядах нижних кирпичей, на торце или лежащий горизонтально. Так формируется ступенчатое надгробие. Всего у могил I типа зафиксировано пять вариантов профилей надгробий; размеры их не превышали 1,1 м в ширину и 2 м в длину. У могил больших размеров для поддержания надгробий использованы тутовые балочки диаметром 8—9 см, проложенные между кирпичами поперек ямы и соответствующие ширине надгробия. Для одной могилы использовалось 4—11 балочек (см. варианты а, б). Для I типа погребальных сооружений применялся сырец только квадратного (22—26×22—26×5—5,5 см) формата, видимо, формовавшийся специально для кладбищенских нужд, о чем говорит его свежий вид. Иногда брали жженный, квадратного и прямоугольного стандарта, явно бывший в употреблении и найденный здесь же на городище.

Тип II представлен погребениями в ящиках, выложенных на дне могильной ямы без раствора из прямоугольного (45—48×22,5—27×8—9 см) или квадратного сырца (23—24×23—24×4,5—5 см), встречающегося значительно реже. Ящик выкладывали из сомк-

² От вершины нашего холма до мавзолея Кусамы ибн Аббаса по прямой линии 460 м.

нутого ряда сырца, стоящего на торце (прямоугольные кирпичи на длинной стороне), сверху его покрывал ряд плашмя лежащих кирпичей, на котором уже лежали 1—2 параллельных ряда сырца на торце с наклоном в северную сторону. Положение среднего ряда сырца различно: если была надобность в широком ящике, прямоугольные кирпичи укладывались длинной стороной поперек могильной ямы. Ширина могильных ям 0,5—0,7 м, длина 1,9—2 м, наибольшая сохранившаяся высота могил 1,05 м. В ящик земля не засыпалась, а яма заполнялась до верху и на поверхности, вероятно, оформлялся холм. Во II типе могил мы видим ту же попытку устройства надгробия, но скрытого под землей. Зарегистрировано два варианта этого типа. Наибольшее распространение его отмечено на склоне холма.

Тип III — погребения в ляхадах, далеко не однотипные. Основные различия в том, что в одних случаях он углублен и сдвинут в сторону, в других только сдвинут в сторону с минимальным углублением и напоминает подбой. Объединяет их одинаковый способ закладки покойника кирпичом и расположение ляхадов как с восточной, так и с западной стороны от могильной ямы. Весьма различны и размеры. Некоторые напоминают как бы одиночные катакомбы (могилы № 16 и 25 — выс. 0,75 м, дл. 2, шир. 0,8 м в головной части и 0,55 м в ногах; свод ляхада представляет кривую, повышающуюся в северном конце и понижающуюся в южном). Другие ляхады малы и неглубоки. Максимальная глубина от уровня былой поверхности зафиксирована у могилы № 25 — 2,15 м, минимальная у могилы № 4 — 0,85 м. Лишь у нее полностью сохранился могильный холм земли, обложенный наклонно стоящими сырцовыми кирпичами 50×30×5,5—6 см. Ляхад заложен тем же кирпичом, на одном из стоявших над головой заметен знак, сделанный пальцем при формовке в виде четырех сомкнутых в центре коротких полос, расходящихся лучами вниз. Знаки на сырце в закладках ляхадов отмечались и ранее — на одном из кирпичей кладбища XI—XII вв. Хурмузфарры Мервского оазиса и в юго-западной части Афрасиаба (раскоп 4) в могиле кладбища, датированного М. Пачосом XIV—XVII вв. В закладке ляхадов использовали сырцовый и жженный кирпич квадратного и прямоугольного стандарта. Нередко в одной могиле можно было встретить оба стандарта. Сырец был следующих размеров: 24×24×4—29×29×7 см и 45×22,5×8—9—50×32×5,5—9 см, жженные кирпичи 21×21×3—25×25×4,5 см и 29×15×3,5—4—30×18×4,5 см. На последних иногда видны следы алебастрового раствора от старых кладок. В двух могилах встречены жженные прямоугольные трапециевидные (27×15×8×5 и 30×16×7×5 см) кирпичи плохого качества. Подводя итоги по размерам кирпичей, можно сделать следующие общие выводы: если для I типа погребений характерен только квадратный сырец, преимущественно маломерный, то для II чаще прямоугольный, сочетающийся с квадратным, а для III — оба вида кирпича.

Сохранность костяков во всех могилах средняя. Костяки расположены головой на север, лежат на спине с вытянутыми руками вдоль туловища. Изредка одна из рук положена на живот или грудь. Голова, как правило, повернута на юго-запад. В двух случаях костяки лежали на правом боку из-за узости камеры. Нет никаких оснований сомневаться в их принадлежности к мусульманскому погребальному обряду. Среди костяков есть мужские и женские; в возрастном отношении — от детских до глубоких стариков, преобладают костяки возмужалых людей. Детей до подросткового возраста, очевидно, хоронили в отдельном месте и лишь с подросткового вместе со взрослыми.

Антрополог В. Я. Зезенкова определила 8 черепов. Все они относятся к европеоидному типу. Однако среди них были брахикранный и мезоцефальный (женские) и долихокрании. Большая часть из них содержит признаки типа, близкого к типу Среднеазиатского Междуречья. Встречаются и признаки средиземноморского и хорасанского типов. У одного черепа как будто намечается примесь черт арменоидного типа к чертам типа Среднеазиатского Междуречья. Как видно, разнообразны не только погребальные сооружения, но и антропологический тип погребенных, что указывает на большую пестроту городского населения Самарканда той эпохи. Никакого сопровождающего инвентаря в могилах нет.

Все три типа погребальных конструкций, особенно ляхадный, находят широкие аналогии в средневековой Средней Азии. Однако во многих районах наблюдается твердая устойчивость в определении места ляхада по отношению к могильной яме. Смешанность положения ляхада отмечена для Самарканда и в погребениях X—XII вв. в северной части Афрасиаба (Р-6 и Р-12)³. Происхождение ляхадных устройств некоторые исследователи связывают с арабами, которые еще до принятия ислама хоронили покойников в таких камерах. Однако сходный путь развития могильных сооружений намечался и в среде среднеазиатских кочевых или полукочевых народов — от семейных и одиночных катакомб (Ташкентский, Бухарский оазисы и др.) до ямных могил с подбоем в обе стороны (Таджикистан и др.)⁴. С приходом ислама этот обряд восприняла и зороастрийская часть населения. Ямные погребения IX—XIV вв. с надмогильными сооружениями встречались в Южной Туркмении, Миздахкане, Ток-кале и др.⁵ Следует отметить большую близость

³ Шишкин В. А. К истории археологического изучения Самарканда и его окрестностей. — В сб.: Афрасиаб, вып. 1, с. 143.

⁴ Крашенинникова Н. И. К вопросу об изучении древних могильников Ташкентского оазиса. Труды ТашГУ, вып. 295. Археология Средней Азии, VII, 1966, с. 26—33; Обельченко О. В. Лявандакский могильник. — ИМКУ, вып. 2, 1961, с. 97—176; Мандельштам А. М. Кочевники на пути в Индию. — МИА, № 136. М.—Л., 1966; и др.

⁵ Ягодин В. Н., Ходжайов Т. К. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент, 1970, Тип погребений А-1-1 авторы осторожно датируют временем после XII в.; Гудкова А. В. Ток-кала, Ташкент, 1964, с. 143—147; Залкинд Н. Г. и Поляков С. Материалы к характеристике средневековых кладбищ Западной Туркмении. Труды ТашГУ, вып. 235, 1964, с. 29—35.

формы и характера оформления наземных надмогильников специальными резными декоративными кирпичиками в Хурмузфарре, Ток-кале и Миздахкане и несколько отличный рассматриваемый тип в Самарканде на раскопе 78, где отмечается тенденция к ступенчатости формы без использования резных кирпичей. Очевидно, последние надгробия относились к одной категории вместе со ступенчатыми майоликовыми надмогильниками Самарканда XIV—надгробие у Кусама ибн Аббаса, и майоликовое надгробие, выявленное раскопками последних лет близ восьмигранного мавзолея в Шахи-Зинде. Таким образом, наряду с роскошными майоликовыми с позолотой надгробиями практиковались и небольшие скромные из сырца с обычной глиняной штукатуркой.

Следует обратить внимание еще на одну деталь: с I типом связан только квадратный сырец. Кроме того, заметно, что обмазка могилы № 1 этого типа нахлестывается на могилу № 4 (III тип). Значит, эти два типа сосуществуют и ляхадная сделана несколько ранее. Очевидно, именно в это время окончательно утвердился широко распространенный в Средней Азии с VIII в. ящичный тип погребений (Кува, Миздахкан — тип А-11-2 и А-11-3, Южная Туркмения и др.)⁶. В связи с обнаружением подобных погребений на Ток-кале и Старом Мерве непосредственно на зороастрийском кладбище В. А. Булатова предполагает, что в сознании недавних зороастрийцев сырцовые ящики выполняли функции оссуариев, не допускающих осквернения земли бранными останками покойника. Если это так, тогда мы должны согласиться с тем, что погребения в ящиках оставлены коренными жителями Самарканда, а ляхадные — пришлыми, главным образом кочевниками. Подобное предположение не лишено оснований, однако требует тщательной проверки на массовом материале, так как вслед за ним встанут и вопросы этногенеза по краниологическим материалам.

Наибольший интерес для сравнения с погребениями раскопа 78 представляет материал с некрополя Миздахкана, где слои кладбища XII—XIV вв. дают аналогии ясным с наземными надгробиями и ящичным могилам Афрасиаба. Есть, однако, и различия: наличие в Миздахкане деревянных гробов, отсутствие ляхадных погребений, скорее западная, чем северная, ориентация положения покойников, использование с XIII—XIV вв. только квадратного стандарта сырца и др.

Датировать кладбища на раскопе 78, как всегда для мусульманских захоронений, весьма трудно. Помимо многочисленного фрагментарного керамического материала IX—X вв., в могильных ямах обнаружены редкие фрагменты керамики с голубой глазурью, два крупных фрагмента архитектурного декора в виде куса уг-

⁶ Ершов С. А. Некоторые итоги археологического изучения некрополя с оссуарными захоронениями в районе г. Байрам-Али (1954—1956 гг.). — ТИИАЭ ТуркмССР, т. V, 1959, с. 166; Булатова В. А. Некрополь X—XI вв. в Куве. — ИМКУ, вып. 6, 1965, с. 139—152.

ловой трехчетвертной колонки, некогда оформлявшей вход в небольшое здание, видимо, мавзолей, покрытого сплошной сеткой мелких резных четырехлистников, и фрагмент от П-образной рамы портала с лекальновогнутой поверхностью, покрытой крупной эпиграфической резьбой на фоне мелкого растительного орнамента. На обоих фрагментах не видно следов глазури, поэтому их можно отнести ко второй половине XII в. Таким образом, за нижнюю границу возможной даты кладбища можно принять эту, но вероятнее всего более позднюю, так как оба куса принесены с какого-то уже разрушенного мавзолея и положены на могилы. В результате сноса земли с бугра тяжелые архитектурные детали постепенно оседали, пока не попали в уровень могильной ямы, где мы их и нашли. Оба фрагмента не находят аналогий ни среди шахизиндинских мавзолеев (как ныне существующих, так и вскрытых археологами), ни среди фрагментов резной терракоты, в изобилии находимой в районе Соборной мечети у цитадели Афрасиаба. Значит, они взяты с какого-то не известного нам здания. Возможную верхнюю границу даты кладбища нам дает следующий факт: на площади нижнего раскопа у шурфа № 2 зафиксирован былой погребенный уровень дернового слоя, находящийся на 50—60 см ниже современного и состоящий из многочисленных натечных слоев, содержащих в числе обильной керамики VIII—X вв. керамику XIV в. с голубой глазурью специфического тона и отдельные фрагменты керамики XVI—XVII вв. Все могильные ямы изучаемого кладбища лишь доходят до этого уровня, но не прорезают его. Состояние могил показывает, что верх их был смыт еще до образования этих натечных слоев. Таким образом, кладбище, несомненно, более древнее, чем названная выше возможная верхняя граница даты.

Более точную датировку нам дают два кирпича-бантика из могил, покрытых голубой глазурью, и две бронзовые монеты. Одна из них, найденная в дерновом слое, была утеряна в период функционирования кладбища и неоднократно перемещалась вниз по склону бугра. Она явно литая, так как виден след перемычки, некогда соединявшей ее с другой монетой. М. Е. Массоном монета определена как фальшивый фулус XIV в. плохой работы. Вторая монета, происходящая из могилы № 50, относится к джагатаидскому чекану до реформы Келека в 1321 г. При датировке кладбища следует обратить внимание и на факт сосуществования уже выходящего в Самарканде этого времени из употребления прямоугольного формата сырца с сырцом квадратного стандарта, заменяющего его. В пользу датировки изучаемого участка кладбища концом XIII—XIV вв. говорит также полная аналогия ляхадным могилам раскопа погребения у южной стены мавзолея Бурундука (1380-е годы), крупный и глубокий ляхад которого заложен наклонно стоящим рядом сырца размером 50×30×8 см. Могильная яма этого погребения берет начало от уровня, на котором стояла керамическая печь для обжига изразцов для одного из шахизиндинских мавзо-

леев XIV в.⁷ Таким образом, у нас нет сомнений по поводу датировки северного окраинного шлейфа шахизиндинского кладбища концом XIII—XIV вв.

Пониженное пространство к югу от изучаемого бугра дает на поверхности находки керамики XIV в. и некачественные изразцовые кирпичики с белой, зеленовато-голубой и грязно-синей глазурью. Среди них один фрагмент резной терракоты с эпиграфическим орнаментом также сплошь покрыт грязно-синей глазурью. Здесь же встречаются отдельные жженые кирпичи, крупные обкатанные камни, но без следов надписей. Нет сомнения, что и эта территория была занята кладбищем XIV в.

Для выяснения ареала распространения шахизиндинского кладбища на Афрасиабе небезынтересно вновь обратиться к стратиграфическим раскопкам, главным образом последних лет, в южной части городища. Мы имеем в виду раскопки М. К. Пачоса в юго-западной части городища (Р-4), В. Д. Жукова — к западу от конца современной кладбищенской аллеи (Р-5), серию шурфов Н. Б. Немцевой на территории некрополя Шахи-Зинда и его окрестностей с удаленностью до 150 м и раскопки В. В. Крестовского 1883 г., произведенные им приблизительно на середине расстояния между нашим раскопом 78 и Шахи-Зиндой⁸.

Мощность «кладбищенского» слоя неодинакова по высоте — от 1,5 до 5,5 м. Максимальная толща падает на раскоп Крестовского, заложенный на буграх и впадине, что требует дополнительной проверки, и на Шахи-Зинда, где большую часть ее занимает либо основания мавзолеев конца XI—XII в., либо склепы мавзолеев XIV—XV вв. Под ними покоится нетронутый культурный слой IX — начала XI в., в том числе и под мавзолеем Кусамы ибн Аббаса. Это дало основание Н. Б. Немцевой прийти к выводу о первичном сложении некрополя на месте Шахи-Зинды не ранее второй половины или конца XI в. и локализовать размеры кладбища конца XI—XII в. пределами непосредственной близости к архитектурному комплексу. Большая же часть рассматриваемой территории на юге Афрасиаба обживалась вплоть до монгольского нашествия, преимущественно гончарами.

Таким образом, кладбище могло на ней возникнуть не ранее времени полного оплыва построек, т. е. не ранее конца XIII в. Первоначальное шахизиндинское кладбище возникло, очевидно, как продолжение загородного кладбища Джакардиза, но в пределах городской стены с мавзолеями знати, а затем и земляными моги-

⁷ Раскопки произведены в 1967—1968 гг. За любезное сообщение приносим благодарность автору раскопок Н. Б. Немцевой.

⁸ Пачос М. К. Стратиграфический раскоп в западной части Афрасиаба. — НРС, 4, 1961, с. 282—290; Он же. Средневековые погребения на городище Афрасиаб. — НРС, 5, 1962, с. 191—196; Жуков В. Д. Некоторые материалы к топографии юго-западной части Афрасиаба (Самарканд). — ОНУ, 1961, № 4, с. 54—57; Немцева Н. Б. Стратиграфия южной окраины городища Афрасиаб. — В сб.: Афрасиаб, вып. 1, 1969, с. 153—205; Шишкин В. А. К истории археологического изучения Самарканда и его окрестностей. — В сб.: Афрасиаб, вып. 1, с. 14—23.

лами у сложившейся местной святыни — мнимой могилы Кусамы ибн Аббаса. С окончательным переходом города на новую территорию старое Джакардинское кладбище было территориально стеснено. Поэтому со второй половины или конца XIII в. началось освоение под кладбище больших свободных пространств Афрасиаба, расположенных поближе к городским воротам как нового, так и старого города. В XIV в. оно занимает уже огромную территорию — почти четверть городища (могилы XIV в. фиксируются в Шахи-Зинде; на Р-4, Р-78, раскопе Крестовского, «могилы с кровлями из крупного сырцового кирпича» и «могилы, обложенные сырцовыми и жжеными кирпичами продолговатыми и квадратными, разной величины»)⁹. Из поля зрения выпадает лишь еще не обследованный участок между ташкентской дорогой и восточным фасом четвертой крепостной стены, занятый ныне еврейским и частично мусульманским кладбищем. О резком сокращении деятельности афрасиабского кладбища со второй половины XV в. косвенно говорит ряд фактов: прекращается строительство мавзолеев на территории Шахи-Зинды, место погребения женщин и детей Тимуридской династии переносится в Ишрат-хану, отстроенную в саду Баги-Фируза на окраине города, вблизи от мазара Ходжа Абди-Дарун; захоронения представителей мужской линии Тимуридов ведутся в Ак-Сарае, организуются новые кладбища и для населения. Отдельные участки афрасиабского кладбища, очевидно, функционируют и в последующие века — XV—XVII (Р-4).

Вторичное оживление деятельности большого шахизиндинского кладбища отмечается с начала XIX в. (возможно, и с XVIII в.). Делаются некоторые пристройки в нижней части некрополя (медресе Давлята Кушбеги в 1813 г., мечети и др.), восстанавливается или возводится мечеть у входа на Афрасиаб со стороны города — Хазрети Хызр — в качестве кладбищенской поминальной мечети, и кладбище вновь становится главным в Самарканде, хотя и не достигает размеров территории кладбища XIII — середины XV в.

В результате изучения кладбища на раскопе 78 мы получили данные о существовании в XIV в. в Самарканде трех типов погребальных конструкций, о большой смешанности населения в антропологическом отношении еще до привоза Тимуром ремесленников из разных мест. Эта смешанность, быть может, и является причиной наличия разных типов погребений. Думается, что небезынтересными окажутся и некоторые выводы историко-топографического порядка о всем шахизиндинском кладбище.

⁹ По нашему мнению, в первом случае Крестовский имел дело с закладкой ляхада, во втором — с ящичными могилками, и, очевидно, в XIX в. этот участок еще был занят кладбищем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В процессе полевых работ накопились факты, особенно существенные за последние пять лет, позволяющие взглянуть на ход становления города на Афрасиабе с принципиально новых позиций. Теперь уже невозможно вернуться к представлениям В. Л. Вяткина и М. Пачоса о концентрическом росте Самарканда от малого поселения постепенным наращиванием территории к полному освоению Афрасиабского плато.

Немаловажное значение для формирования верного представления о начальных этапах жизни города имеют работы в окрестностях Афрасиаба, где выявлено два крупных поселения (на севере и на юго-западе) поры, предшествующей возникновению города на современном городище. Большой материал получен при работах на остатках поселения в южной оконечности бульвара им. Горького, куда выходила окраина селения Лолазор, именем которого и назван древний населенный пункт. Разветвленная ирригационная сеть, развитые многочисленные ремесла, обширная площадь юго-западного поселения, немалые размеры северного, признаки освоения территории в непосредственной близости к западной границе Афрасиаба (правда, требующие проверки) позволяют полагать, что в районе Самарканда находились населенные пункты, социально-экономический уровень которых предвещал городскую структуру. Вероятно, очевидность разносторонней выгоды заставила разобщенные селения объединиться на общей территории.

Не последняя роль при этом отводилась обороноспособности нового места расселения. Так, доступные нам сейчас факты позволяют объяснить возникновение города одновременно на всей 219-гектарной территории городища, что неопровержимо доказано в результате изучения оборонительных сооружений Афрасиаба. И только разработанная ирригационная система на высоком для своего времени инженерном уровне, какая выявлена на Лолазоре, (и связанная с Даргомом) позволила заселить высокую холмистую местность, избранную для основания города.

Длительный период накопления фактов в деятельности Афрасиабской экспедиции отмечен спорами о динамике развития горо-

да, его размерах и структуре на разных этапах становления и развития. Возвращение к дискуссиям прошлых лет в настоящее время означало бы полное игнорирование фактов, ставших очевидными. Возведение первых оборонительных сооружений около VI в. до н. э. по всему периметру так называемой четвертой крепостной стены само по себе уже предполагало освоение сразу всей территории Афрасиаба, хотя и оставило не ясным вопрос о структуре города этого времени.

Каждый год появляются новые пункты обнаружения материалов периода Афрасиаб I. Керамические коллекции начальных этапов жизни города уже позволяют заняться хронологической классификацией материалов в пределах первого периода (Афрасиаб I). Выделяются этапы, переходные ко второму периоду (Афрасиаб II), когда общий облик комплекса еще сохраняется, но уже привносятся элементы эллинизации (Афрасиаб IA и IB).

Кроме отдельных понижений в древнем рельефе, сохранивших до нас не тронутыми накопления периодов Афрасиаб II и III, слои этого времени уничтожены почти повсеместно. Однако признаки их остаются в виде перемещенной фрагментированной керамики, наконечников стрел, предметов корoplastики и значительно реже глиптики. При раскопках в любом районе городища в большом или малом количестве обязательно встречаются выразительные, ни с чем не смешиваемые материалы первых веков до нашей эры. Этого нельзя сказать о более поздних периодах, в комплексах которых также есть формы сосудов, легко выделяемые из смешанного материала. Характерные для Афрасиаба IV—V вытянутые кубки на неустойчивых ножках и кубки-вазы обнаруживаются лишь на отдельных участках городища, что, видимо, следует связывать с серьезными пока не выясненными процессами в развитии города.

Если нет достаточных данных для утверждения, что в первые века нашей эры в периферийных районах города (в пределах внешней городской стены) жизнь затухала, то существование на западе значительных пустырей, один из которых в IV—V вв. занимает некрополь с оссуарными захоронениями, подтверждается обследованием территории за пределами второй городской стены.

Сильные разрушения IX—X вв. не позволяют восстановить конструкцию наусов, однако есть некоторые основания полагать, что они были похожи на сооружения пайкендского некрополя, где погребальная камера возводилась на кубическом стилобате с пандусом. Стратиграфическая ситуация на Афрасиабе в раскопах 33 и 34 позволяет считать за подобные стилобаты пахсовые массивы, один из которых частично сохранил пандус.

По косвенным данным (обилие перемещенных монет соответствующего времени), оживление жизни на западе Афрасиаба наблюдалось с VII в. н. э. Этот период оставил достаточно монументальные постройки, пережившие тяжелые времена арабского завоевания и связанное с ним запустение города. На основе сохранившихся от VII в. сооружений восстанавливаются кварталы во

второй половине — конце VIII в. Так организуется три квартала на западе городища и в центре его, где к X в. разрастается большой квартал гончаров. Признаки обживания в IX—X вв. обнаруживаются по всему городищу. Уже в это время городские кварталы, видимо, выходят за ставшие тесными пределы внешней городской стены, а на городские укрепления, поддерживающиеся до сих пор в обороноспособном состоянии, теперь не обращают внимания.

Процесс перемещения центра городской жизни за пределы древнего города сказался на переменах в его топографии в начале XI в. Огромные пространства городских кварталов, оставленных жителями, постепенно разрушаются временем и горожанами, превращаются в пустыри.

В некоторых районах «старого» города на юго-западе еще сохраняются каркасная застройка (место обитания малоимущих слоев населения), несколько общественных зданий (на юго-западе, к югу и юго-востоку от цитадели), отдельные мастерские ремесленников разного профиля (север); значительные площади занимают кварталы гончаров (юго-запад и юг городища). Интенсивной жизнью живет цитадель и продолжает действовать Большая соборная мечеть.

На территории того же «старого» города возникают кладбища. На северном краю городища у обрыва в Сиаб, над древними городскими стенами близ мечети, возводятся мавзолеи с простыми глинобитными надгробиями, иногда с кайраками. Другое кладбище организуется неподалеку от мавзолея, основанного в помещениях жилого квартала еще в X в. с использованием под погребальные камеры поначалу полуразвалившихся построек. На юге возле святыни Кусамы ибн Аббаса разрастается старое кладбище, возникшее здесь, как полагают, в VIII в. Кладбища расширяли границы и функционировали долгое время и после того, как город вышел за пределы территории Афрасиаба, распространились на всю западную и южную части городища.

Такой представляется схема историко-топографической ситуации Афрасиаба в свете нынешнего состояния его изученности, еще далекая от окончательных решений, но уже раскрывающая определенные тенденции динамики жизни города, схема, корректировка которой неизбежна по мере продвижения исследований чрезвычайно сложного городища.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Поселение Лолазор — предшественник города на Афрасиабе	7
Освоение западных районов города на ранних этапах его жизни	23
Квартал гончаров X — начала XI в.	60
К топографии западной окраины средневекового Самарканда	104
Северные пределы Шахизиндинского кладбища	132
Заключение	141

Коллектив

К ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ ДРЕВНЕГО И СРЕДНЕВЕКОВОГО САМАРКАНДА

Утверждено к печати

*Ученым советом Института археологии АН УзССР,
(Отделением истории, языковедения и литературоведения АН УзССР)*

Редактор Э. Р. Балаян
Художественный редактор И. А. Цыганов
Технический редактор Э. М. Сагдиева
Корректор О. Д. Кириллова

ИБ № 1091

Сдано в набор 26.03.81. Подписано к печати 8.06.81. P04638. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 9,0. Уч.-изд. л. 10,0. Тираж 1000. Заказ 65. Цена 1 р. 50 к.

Адрес Издательства: 700047, г. Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан» УзССР, Ташкент, проспект М. Горького, 79.

Цена 1 р. 50 к.

